ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

8 апреля 1992 г.
№ 15 (5392)
Выходит по средам

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА ПИСАТЕЛЕЙ

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В 1830г ПРИ УЧАСТИИ А. С. ПУШКИНА ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНО В 1929г

Цена в розницу свободная. В Москве — 1 руб. 80 коп. (по подписке — 1 руб.)

Молдова: еще один удар по Содружеству

14-я АРМИЯ — «КРАСНЫЕ ОККУПАНТЫ» ИЛИ «ГОЛУБЫЕ КАСКИ». стр.2, 11

«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ» И НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ. стр.4

ЧТО УВИДЕЛ КРИТИК Ст. РАССАДИН НА ТЕЛЕЭКРАНЕ. В. НОВОДВОРСКАЯ И А. НЕВЗОРОВ — РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ. стр.8

ЧЕМ ЛУЧШЕ ДАТЬ ВЗЯТКУ — РУБЛЯМИ ИЛИ ДОЛЛАРАМИ?.. 300 ТЫСЯЧ И ВСЕ В БЕЛЫХ ШТАНАХ?.. СЮЖЕТЫ ИЗ ПОЧТИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ стр.12

ПОГОДА НА ЗАВТРА

Очередной прогноз на неделю дает политолог Алексей КИВА

● Эта неделя, как и последующая, будет нести на себе печать хода и итогов работы VI Съезда народных депутатов России. Большая вероятность того, что противники политики реформ потерпят поражение. У них нет ни позитивной программы, ни признанных лидеров, а их единство противоестественно, основано лишь на ненависти к демократии.

Ситуация могла бы существенно осложниться, если бы Руслан Хасбулатов, ведущий свою политическую игру, бросил открытый вызов президенту Ельцину. Но он этого, скорее всего, не сделает, ибо слишком велик риск потерять поражение.

● Могут еще больше осложниться отношения между Россией и Украиной как из-за реваншистских высказываний национал-патриотов, мечтающих о восстановлении империи, так и из-за ответного стремления правящих демократов продемонстрировать свою готовность «защищать интересы России всеми имеющимися средствами». Поле действий Леонида Кравчука может оказаться суженным. В связи с резким обострением ситуации в Приднестровье Киев, с одной стороны, не может быть безучастным к судьбе жителей Левобережья — исторически украинской территории, на которой проживает много украинцев. С другой стороны, он не хочет отступать от принципа нерушимости границ, ибо тогда сразу бы встал деликатный вопрос о границах Украины с некоторыми соседними государствами. Наконец, в пограничных районах Украины оказалась 14-я армия, перешедшая под юрисдикцию России и решившая вмешаться в вооруженный конфликт между Кишиневом и Тирасполем. В этой ситуации Киев, надо полагать, постарается и чем не провоцировать Москву, проводить очень осторожную политику в надежде на то, что и Москва будет вести себя сдержанно.

● После состоявшегося 5 апреля Собрания граждан Российской Федерации как ответ на ускорившуюся консолидацию правых сил начнется формирование широкого политического блока-форума граждан России — как социально-политической базы реформ. Одновременно с этим начнется процесс подготовки к созданию «президентской партии» на базе ряда демократических партий и движений — как опоры президентской власти и важной предпосылки углубления демократических преобразований.

Что съезд идущий нам готовит?

Обозреватель «ЛГ» А. Гаспарян беседует с российскими депутатами

Михаил БОЧАРОВ:

— ...Съезд, на мой взгляд, ничего не сделает, слишком много политических фракций, группировок, много противоречий, и в этих противоречиях найти оптимальное решение за короткий промежуток времени практически невозможно. Это будет обмен мнениями, консолидация каких-то движений, течений, но результата как такового не получится. Все по-разному воспринимают ситуацию, которая происходит в обществе. Например, Гайдар считает, что все идет по плану, по сценарию. А я считаю, что никакого плана, никакого сценария нет. Нынешнее правительство называют правительством реформ, а я считаю, что реформ нет. Реформы должны давать определенную отдачу. Каждый шаг должен хоть немножко стабилизировать ситуацию, а у нас все наоборот.

Усилится ли раскол или конфронтация между правительством и парламентом?

Я считаю, что усилится, так как трудно найти общий язык сегодня. Многие решения большей частью окрашены политическим цветом. А страдает только экономика. Я согласен с Ельциным в вопросе о президентском правлении. Но я не согласен с подбором и расстановкой кадров. Те существующие кадры, которые сегодня есть, дай им любые полномочия, они уже показали свою деятельность. Всем плохо: предпринимателям плохо, руководителю фермерского хозяйства плохо, руководителю колхоза плохо, руководителю предприятия плохо, пенсионеру плохо, военному плохо, врачу плохо, простому человеку плохо. Возникает вопрос: для чего все это делается?

Сергей ЮШЕНКОВ:

— Я думаю, на этом съезде будут значительно резче обозначены позиции, но в принципе курс президента и правительства будет сохранен. Это самый главный итог. Все остальное не столь существенно. Даже вопрос о Конституции, каким бы важным он ни представлялся. Сейчас самое главное — не помешает ли съезд осуществлению радикально-экономической реформы? Ведь съезд может помешать, но, мне кажется, не помешает.

Хотя, конечно, шесть фракций заявили о своей оппозиции, а значит — 415 голосов проголосовали за то, чтобы поставить вопрос о доверии правительству. Это довольно большая цифра. Она свидетельствует об изменении расстановки сил на съезде.

Юрий АФАНАСЬЕВ:

— Это игры. Ну что тут такого, ну подумаешь, одного на время отстранили, другого куда-то переместили. Это такие перетасовки, которые призваны сохранить статус-кво, не более того. Пройдет недели три — и опять там кто-нибудь станет на свое место или найдет какую-то новую должность. Неужели кто-то всерьез придает какое-то значение, что куда-то Бурбулис взлетел или снизился или Гайдар от каких-то обязанностей освободился, это все типичный трюк. Он политический, и я ему совсем не придаю значения.

На съезде будет потасовка, но все останется по-прежнему.

Правительство скорее всего будет существовать. Его, может быть, надо усиливать, его надо пополнять, политику надо серьезно изменять, но я считаю, что это правительство должно остаться. Там есть нормальные, хорошие люди, озабоченные тем, как реформировать Россию.

Николай ВОРОНЦОВ:

— Как представитель демократической фракции я буду голосовать за правительство. Но, надо сказать, ошибки, которые совершены в кадровом отношении при подборе правительства и его деятельности, они очевидны. В стратегическом плане политика Гайдара заслуживает поддержки, но помимо стратегии, существует и тактика. И мне кажется, что сейчас деятельность нынешнего правительства является зеркальной, другой стороной ошибок союзного правительства — союзное правительство занималось тактикой, но не занималось стратегией, текущими проблемами народного хозяйства, не думая о будущем. Нынешнее правительство занимается далеким будущим, не занимаясь повседневной жизнью.

Ну, конечно, стратегию надо поддержать, потому что выступить сегодня против этой стратегии — это значит выступить против прогресса: уйти от решения повседневной жизни, от ее запросов, они, конечно, вызывают очень большой скепсис.

Что же касается расклада политических сил, то все-таки большинство будет за демократической Россией и поимыкающими к ней фракциями. Но, конечно, очень большие ошибки совершаются российским правительством.

Мы все — РОССИЯ

● Манежная площадь, 5 апреля

● Съезд работает

● Так встречали 6 апреля народных депутатов

Фото: Владимира БОГДАНОВА и Александра НАРЗАНОВА

НЕДЕЛЯ В ЛИЦАХ

Борис ЕЛЬЦИН, Президент России, выступил с заявлением по Черноморскому флоту. Из него следует, что флот вполне может оказаться под юрисдикцией России. Президент Украины Леонид Кравчук, похоже, уже отреагировал на это. Как? Читатель, похоже, догадывается, как.

Вероятно, следующей будет реакция России. И опять читателю не надо подсказывать какая. Не дай бог, чтобы мы стали свидетелями самого крупного сухопутного сражения за флот.

Господа президенты, игра игрой, но кораблики не бумажные. Впрочем, как и люди.

Геннадий БУРБУЛИС, госсекретарь Российской Федерации, перестал быть первым вице-премьером. В свою очередь Егор Гайдар перестал быть министром финансов и остался первым вице-премьером. Александр Шохин в свою очередь тоже кем-то быть перестал, но кем-то и остался.

Таким образом, темпы роста безработицы удалось несколько снизить.

Николай ГУБЕНКО, режиссер и актер, был не допущен к участию в спектакле родного ему Театра на Таганке. Спектакль был посвящен памяти Владимира Высоцкого, а не допущен Губенко был главным режиссером Юрием Любимовым, тем самым, которого Губенко не так давно, можно сказать, возвратил Родине.

Николай Николаевич действительно очень много сделал для возвращения и официального признания Юрия Петровича. Поэтому участие в массовых сценах ОМОНа хотелось бы считать творческой неудачей маэстро Любимова.

ЧИТАТЕЛЬ О ГАЗЕТЕ

ОТКЛИКИ НА «ЛГ», № 13, 1992 г.

Я убежден, что против «блефа», о котором в 13-м номере пишет Роман Солнцев, есть прекрасное средство — не принимать этот «блеф» всерьез.

Миллионы людей, подавляющая часть населения страны никогда и не принимали всерьез «коммунистическую идеологию». Не потому ли она так стремительно и бесповоротно рухнула, как только ослабли и разложились реальные основы нашей тоталитарной жизни — КГБ и КПСС?! И при чем тут «экстремизм сознания» как результат социалистического блефа? Да у кого он, этот социалистический экстремизм? Может быть, у бывших членов Политбюро? Так никто из них так и не выступил с защитой «социалистических» взглядов!

Сейчас наша главная беда — национализм. Это действительно опасно.

МОСКВА **В. ФОМЧЕНКО**

При всем уважении к академику Д. Лихачеву как к человеку, пережившему много бед в период господства в стране беззакония и террора, нельзя согласиться с его предложениями («каждой эпохе — своего орла»), основанными на ностальгии по старому дореволюционному.

Я постарше академика Д. Лихачева, не меньше и не хуже знаю жизнь дореволюционного народа (не господ, а трудового народа), для которого царская символика была малопонятной. Еще 10—11-летним мальчишкой я слышал от товарища моего отца, портового грузчика и бывшего матроса царского флота, следующую оценку двуглавого орла: «Урод Его Величества».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ **В. ЧЕКРИЗОВ**

Мне очень нравится ваша рубрика «Неделя в лицах» — она и актуальна, и остроумна. Однако... В заметке о телевизионном интервью первого вице-премьера Бурбулиса журналисту Караулову прозвучала неуместная ирония по поводу мудрености ответов на немудреные вопросы. Неуместная потому, что с философской точки зрения только таким и должен быть диалог между пассивным созерцателем, выразившим возмущение против купли-продажи пива, и государственным деятелем, проповедующим разумное отношение людей к такого рода житейским событиям. Если Маркс на холстах и сюртуках (где они?) возвел антирыночную теорию, то не стоит ли нам заложить бутылку пива в фундамент народного понимания товарно-денежных отношений?

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ **А. АРБУЗОВ**

В номере за 11 марта я с редким интересом прочитала диалог Ю. Карякина и Л. Сараскиной. Как глубоко они знают Достоевского и как естественно сопрягают «Бесов» с нашими днями! И вдруг за 25 марта в колонке читательских откликов вижу нечто невообразимое: «все это так ничтожно... Не эта писанина сейчас нужна, а необходимо всенародное покаяние»... Какая несправедливость и демагогия! Разве размышления Л. Сараскиной и Ю. Карякина не помогают каждому из нас освобождаться от мифов тоталитарной идеологии, не взывают к осознанию себя суверенной личностью, то есть, если хотите, к покаянию?!

КАЛУГА **Е. ЛАПИНА**

ВНЕШЭКОНОМКООПЕРАЦИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНТЕРАГРО
Телефон: (095) 2631805, 2618288
Факс: (095) 2889579

7 ДНЕЙ АПРЕЛЯ В СТРАНЕ

Борис Николаевич следует советам... Бориса Николаевича?

Гражданин президент ищет поддержки граждан России

Издали казалось, что толпа буквально закупорила вход в концертный зал «Россия», но нет, в ней обнаружился коридор, по которому невольно пришлось прошествовать всем участникам воскресного Собрания граждан Российской Федерации. Трепеща на ветру, реяли красные флаги, их запасы в нашем отечестве, видать, неистощимы. «Предатели!» — кричал коридор, тем не менее пропуская.

«За национальное и гражданское согласие» — девиз собрания резко контрастировал с реальностью зала и площади: тут и там были граждане России, разделенные разным видением и пониманием происходящего в ней. Сейчас наступил момент решающего выбора: VI Съезд народных депутатов Российской Федерации, открывшийся в понедельник, скажет «да» или «нет» одному из двух (а похоже, что их все-таки будет представлено три) проектов Конституции. «Парламентскому» (Конституционная комиссия О. Румянцева)? «Альтернативно-демократическому» (Г. Попов и А. Собчак по инициативе Российского движения демократических реформ)? Или «альтернативно-президентскому», о существовании которого упрямо говорят? По крупному счету, речь идет о выборе между «президентской республикой», то есть сильной исполнительной властью, или «парламентской республикой», рискующей превратиться в говорильню с тормозами на всех уровнях. Этот второй путь гражданин Б. Н. Ельцин назвал «самоубийством» и заявил: «Я как президент никогда на этот вариант не соглашусь». Собрание ответило овацией. Услышит ли ее, впечатлится ли ею высшая представительная власть России?

Более ста лет назад русский историк, государствовед Борис Николаевич Чичерин в работе «Конституционный вопрос в России» заметил: «Без представительного порядка верховная власть никогда не выйдет из своего уединенного положения...» Увы, в триаде власти — президент, парламент, правительство — сегодня именно средняя опора оказалась наиболее нестабильной: на словах поддерживая президента, практически она встала в оппозицию возглавляемому им же правительству реформ. Поскольку уверенность президента в Верховном Совете и Съезде народных депутатов явно невелика, он и предпочел обратиться к широкой поддержке граждан.

Как в будущем может согласоваться предупреждение Бориса Николаевича Чичерина с действиями Бориса Николаевича Ельцина? Съезд, скорее всего, займется компиляцией двух или трех проектов Конституции, на что ему вряд ли достанет сил. Тогда неминуемо встанет вопрос об Учредительном собрании граждан России (идею Учредительного собрания «Ли» выдвинула еще в прошлом году, правда, тогда оно мыслилось еще в рамках СССР). Что до воскресного собрания в зале «Россия», то, конечно, оно не имело и не могло иметь полномочий Учредительного, представляя в основном лишь сторонников проводимого курса реформ. Судя по выборочным социологическим зондажам, сегодня их в России большинство. Если это так, а подтвердит это именно ход выборов в Учредительное собрание, то в будущем неминуемо преобразование нашей представительной власти, призванной вписаться в структуру президентской республики.

Александр САБОВ,
обозреватель «ЛГ»

Оставив собрание граждан,

ушли представители нескольких партий, не забыв сделать заявление

Мы пришли на собрание граждан Российской Федерации, стремясь реализовать в нашей стране идею национального и гражданского согласия. Однако наметившееся после конструктивной в целом дискуссии взаимопонимание было разрушено руководством «Демократической России», которое предприняло попытку навязать собранию решения, фактически дестабилизирующие общественно-политическую обстановку в России и открывающие возможность подрыва существующего конституционного строя.

Наши делегации покинули собрание, не приняв участия в голосовании по итоговому документу. Считаем, что принятие итогового документа путем консенсуса было сорвано и низведено в результате до принятия обращения фактически от имени «Демократической России».

Заявление подписали: Всероссийское движение «Гражданское согласие», Демократическая партия России, Народная партия «Свободная Россия», Партия труда, Республиканская партия Российской Федерации, Российская христианская партия национального согласия (оргкомитет), Социалистическая партия трудящихся, Союз промышленников и предпринимателей.

А. АЛЕКСЕЕВ

Все хотят в герои

В том числе и законспирированные шпионы

Руководство внешней разведки России решило внести ясность в ситуацию и провело встречу с журналистами под интригующим названием «Герой или предатель!».

Пришли сюда и бывший резидент КГБ в США Дмитрий Якушкин, и загадочный Игорь Константинович, действующий сотрудник разведки. Они прокомментировали в числе прочего последние заявления в прессе бывшего сотрудника советской разведки Бориса Южина, завербованного в США в середине семидесятых агентами ФБР, приговоренного к пятнадцати годам заключения и помилованного в числе других Президентом России.

Сейчас Южин красиво говорит о том, что решение сотрудничать с ФБР было осознанным и проистекало из желания бороться с коммунистическим режимом. Однако на встрече был зачитан документ из следственного дела, в котором он описывает весь путь своего «падения». Все происходило по классическим законам: красивая женщина, алкоголь, деньги и вкрадчивый сотрудник ФБР. В конце — традиционное «осознаю тяжесть содеянного» и «готов понести самую суровую кару». «Понести», как мы знаем, не удалось.

История, как видим, житейская. Тогда, чтобы спасти жизнь, надо было говорить — «осознал». Теперь, чтобы на что-то жить, — «узник совести».

В. МАКСИМОВ

Два только что назначенных первых заместителя министра обороны России — генерал Павел ГРАЧЁВ и штатский, членкор РАН Андрей КОКОШИН.

Встреча северных мэров

3 апреля в Белом доме встречались мэры и главы администраций городов Заполярья и Крайнего Севера. На этот раз их было уже 18: добавился Магадан. Приехали глава администрации Г. Дорофеев и председатель городского совета Л. Мухис.

Обсуждались многие проблемы северных городов, но в центре внимания собравшихся была идея «Россия — Заполярью, Заполярье — России», о которой «ЛГ» подробно рассказывала первого апреля.

На этот раз скепсиса, недоверия у северных мэров было меньше, деловых вопросов больше. Этому способствовала уже вторая встреча с вице-президентом А. В. Руцким, которая состоялась здесь же, в Белом доме. Александр Владимирович за это время лучше ознакомился с идеями и замыслами северян по организационному обмену кадрами между Севером и Нечерноземьем и обещал всемерную поддержку руководству России в выделении северянам земли и в кредитовании «шахтеров-фермеров».

Мэры узаконили свой союз «северных городов», он уже имеет печать и банковские счета.

Александр НИКИТИН,
соб. корр. «ЛГ»

7 Мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак в интервью итальянской газете «Республика» на вопрос, не собирается ли он занять пост Ельцина, ответил, что ему много раз предлагали переехать в Москву, однако он намерен быть мэром до конца своего мандата, а о том, чтобы занять место Ельцина, даже и не думает: «Только человек, обладающий его силой и здоровьем, может без ущерба для себя занимать подобный пост».

7 На минувшей неделе в Санкт-Петербурге в ДК сталепрокатного завода состоялась презентация новой книги Егора Лигачева. Книга называется «Загадка Горбачева». Праздник, устроенный Егором Кузьмичом для рабочих завода, не омрачил даже слух о якобы подложенном в зал взрывном устройстве.

7 В Москве и Новгороде состоялись парады в честь юбилея Ледового побоища. Напомним: 750 лет назад на Чудском озере новгородский князь Александр Невский одержал решающую победу над немецкими рыцарями.

С анализом наперевес

Кем лучше быть: психами или психологами?

Недавно я позвонил в академический Институт психологии. Какие, спрашиваю, могут быть у вас рекомендации в нашей повсеместной нервотрепке и непонятностях на всех человеческих уровнях!

И вдруг слышу в трубке от рекомендованного специалиста по трудовой психологии с ходу, без подготовки: «Гнать надо этого Гайдара с его правительством! И никаких разговоров!» Я изумился: «Позвольте, гнать — это совсем не психология, это другая наука!» Но общего языка мы так и не нашли.

Немудрено, что учить нас психоанализу приехали из своего уютного европейского далека французы. Всю прошлую неделю в стенах Академии управления шла совместная с ними конференция «Психоанализ и науки о человеке». От нас участвовали ученые институтов философии, социологии, человека. Приятно было слушать умные доклады и дискуссии, сопровождаемые синхронным переводом. Но иногда с чьих-то уст с горечью срывалось: разговор слепого с глухим! Французский анализ — это научная теория, рассматривающая некую аномалию кропотливо, как мошку на булавке под микроскопом, в окружающих нормальных, устоявшихся условиях. Наша же модель — это одна большая глобальная ненормальность, в которой стоит скромных трудов найти капельку нормы. Порой наши попросту срывались на жалобы: что их тонкие и деликатные исследования с рекомендациями никому не нужны. Напоминали, что в двадцатые годы марксизм и психоанализ как атеистические дисциплины сосуществовали вполне мирно, но потом воинствующий правящий конкурент надолго придавил науку, пробуждающую сознание. Что ж, разбудим ее вновь или опять победят луженые глотки?

А. ТАРАСОВ

Развод по-уральски

Водки чекушку — и ту пополам пытаются поделить нынче при разводах, рассказывают многоопытные работники судов. Но в особо сложных случаях даже суд оказывается бессилен: например, в бывшей семье супругов Н. из уральского города Сухой Лог попытка поделить супердефицит — сахар — вылилась в нанесение телесных повреждений.

Наталья ЗЕНОВА,
соб. корр. «ЛГ»

ЕКАТЕРИНБУРГ

Парламент и улица

Что думают москвичи и российские депутаты о приднестровском конфликте?

Приднестровье. Опять похороны. Фото Владимира ШЕВЧЕНКО

На вопрос, на чьей стороне ваши симпатии в молдово-приднестровском конфликте, по данным Центра прикладных социологических исследований, 34 процента москвичей высказались за приднестровскую сторону, 12 процентов — за молдавскую.

Участие казачьих частей в молдово-приднестровском конфликте одобряют 26 процентов москвичей, возможное участие румынской стороны — 7 процентов. Лишь 14 процентов опрошенных однозначно высказались за то, чтобы Россия оказала военную поддержку приднестровцам.

В целом очевидно, что население Москвы относится к событиям в Приднестровье отчужденно, «еще одна горячая точка», и своих российских интересов там не видит. Хотя, безусловно, в москвичах доминирует пассивная симпатия русскоязычному населению в Приднестровье.

Это еще одно свидетельство серьезных сбоев в механизме самоидентификации русского этноса. Оно свидетельствует о возможном процессе зарождения субэтносов типа сибирского или южнорусского казачества.

Иная картина наблюдается в наших политических кругах. Если Приднестровье с первого дня конфликта стало предметом пристального интереса «правых» фракций, то среди демократов длительное время доминировал «классовый» подход. Считалось, что демократическая Молдова борется с прокоммунистическим Тирасполем.

Переоценка событий начинает происходить только сейчас, причем лишь частичная переоценка. Единая позиция у демократических фракций еще не выработана.

До сих пор от демократических фракций были лишь слышны общие призывы к мирному урегулированию конфликта, признанию его внутренним делом Молдовы, протесты против возможной интернализации противостояния. В первую очередь против участия казачьих формирований в конфликте и создания добровольческой русской армии.

Ясно, что события в бывшей Молдавии — это первый по-настоящему серьезный вызов для позиции «ухода и покаяния» России, локализации ее интересов. Ясно также, что эскалация напряженности в Приднестровье может серьезно повлиять на расстановку сил в российском руководстве, что уже отчасти произошло и в результате последних событий в Карабахе.

Леонтий БЫЗОВ,
социолог Верховного Совета России

Куда татарину податься?

Симферопольские коммунисты решали «крымскотатарский вопрос» с помощью омоновских дубинок. Киевские демократы воспользовались этим же опытом

Приезд в столицу Украины одной тысячи крымских татар с полуострова был шагом отчаянья, еще одной попыткой привлечь внимание парламента республики к проблеме возвращения крымскотатарского народа на свою историческую родину.

Киевский горисполком первым встал на защиту высоких государственных интересов, запретив крымским татарам устанавливать свои палатки в парке, неподалеку от украинского парламента. Законопослушные крымские татары решились нарушить запрет лишь после встречи лидеров Организации крымскотатарского национального движения с руководителями парламента Украины и ее премьер-министром. И тогда свое весомое слово сказал киевский ОМОН. Для наведения порядка он применил резиновые дубинки и слезоточивый газ, продемонстрировав тем самым, что придерживается самых передовых взглядов в вопросе создания правового государства.

Впрочем, не стоит обвинять во всем милицию, которая в конце-то концов не по своей воле взялась решать «крымскотатарский вопрос». Речь прежде всего идет о том, что если полуостров Крым оказался козырной картой в политической игре между Ельциным и Кравчуком, то его коренное население — крымские татары — стало пешкой в шахматном поединке между президентом Украины и председателем Верховного Совета Крыма Багровым. Именно Л. Кравчук поспособствовал в свое время тому, что Крымский обком компартии реализовал сепаратистские намерения, превратив полуостров не в национальную, а в территориальную автономию, где крымским татарам места не нашлось.

Терпение малого народа нельзя испытывать вечно. Как показали события последнего времени в некоторых регионах СНГ, подобные эксперименты иногда заканчиваются вооруженным противостоянием, кровью. Думается, и Украине, и России, и самому Крыму стоит помнить, что на полуостров уже возвратилось из среднеазиатской ссылки более 180 тысяч долготерпеливых крымских татар, 70 процентов которых составляют молодые мужчины, чьи семьи по-прежнему находятся в Средней Азии. А автомат Калашникова стоит в Крыму не дороже, чем, скажем, в Закавказье.

Сергей КИСЕЛЕВ,
соб. корр. «ЛГ»

Спонсоры—дело божеское

Полмиллиона—это много или мало?

Для детского хора Соколова (именно так, по имени своего создателя и руководителя известен в музыкальном мире не только нашей страны, но и Франции, Чехо-Словакии, Венгрии, Болгарии, Польши детский хор Института художественного воспитания Академии педнаук) эта сумма за пределами возможностей.

— Это означает одно — гибель хора, — говорит Виктор Вячеславович Масленников, ближайший помощник В. Г. Соколова, работающий с ним 25 лет. — АПН, на балансе которой мы находимся, такие деньги дать не в состоянии. Раньше, когда 5 тысяч в год стоили поездки и 15 тысяч — костюмы, АПН могла нас финансировать. Сегодня слава Богу, что у них хватает сил оплачивать труд педагогов. Понятно, что ставки мизерные. Но в данный момент дело не в нас. Поймите, наш хор уникален. Не только тем, что мы получили в 1988 году Гран-при «Золотую струну» на польском конкурсе камерных детских и юношеских хоров в Быдгоще. Мы — старейший хор страны, который всегда был еще и методическим центром для музыкальных педагогов, и исследовательским центром в области детского музыкального воспитания. А какой радостью были эти поездки для детей! Как писателю нужен читатель, так и певцу — серьезные выступления на публике. Это же очевидно.

— Ваши концерты не окупают себя?

— Себя не может окупить ни один оркестр, ни один хор, ни один театр, ни один творческий коллектив. Даже национальный оркестр США, которым руководит Ростропович. Их бюджет — 9 млн. долларов в год. Один миллион (!) они зарабатывают. Один дает государство. 7 миллионов — спонсоры. Среди них, например, такие компании, как «Пепси-кола», «Дженерал моторс».

— Для вашего хора вы тоже видите выход в помощи спонсоров?

— Это дело божеское. У нас 400 детей в хоре. Плату за обучение мы не берем, чтобы была возможность заниматься у всех способных ребят. Они у нас поют Палестрину, Баха, Чайковского, Мусоргского... Не все, конечно, связывают свою жизнь с музыкой, хотя наши ученики поют и на сцене Большого театра. Но, знаете, я не верю, что ребенок, который пел в хоре «Отче наш...», не меняется. Это остается с ним на всю жизнь.

А то, что останется с нашими детьми сегодня, то мы и будем иметь завтра.

«МАСК», я вас знаю!

Создана новая, крайне важная ассоциация

На минувшей неделе деятели отечественной культуры собрались в ассоциацию, цель которой — помочь выжить нищающим предпринимателям. Не правда ли, абсурдная новость!

А было-то все наоборот.

Действительно, собирались — предприниматели и деятели культуры. Только цель, как нетрудно догадаться, была совсем иная — помочь гибнущей культуре. Для этого президент «МАСК» (Международная ассоциация содействия культуре) Николай Губенко пригласил в Серебряный бор банкиров, предпринимателей, членов руководства ведущих зарубежных фирм, работающих в Москве.

Культура была представлена видными ее деятелями и пыталась сохранить достоинство, но тема разговора была настолько исполнена драматизма, что даже самые богатые люди вели себя сочувственно, а некоторые даже обещали помочь.

Да, на фоне всеобщего ухудшения положения в стране у культуры дела и вовсе плохи. Особенно в поддержке нуждается настоящее, высокое искусство. Его прежде всего и имел в виду Николай Губенко, создавая «МАСК».

Богатые, вы действительно станете богатыми, если поможете сохранить в России то, что всегда было одной из главных ее примет.

Ждет «МАСК», ждет погибающая культура России.

Ю. С.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

● **Издательство "Вентус" приглашает к сотрудничеству всех непризнанных гениев России, которых прежде называли "графоманами". "Вентус" намеревается издавать литературно-художественный журнал, где будет напечатано все, что вы напишете.**

Шлите свои творения по адресу: 603070 г.Нижний Новгород-70, а/я 298. О подробностях и условиях публикации можно узнать по тел.. (8312) 49-60-91.

● **Основы восточной медицины. Учителя из Китая, Индии, Тибета. Обучение 1 месяц. Предоставляется гостиница и питание. Тел. в Москве: 288-59-94.**

● **Предприятие "Нормаль" изготавливает *напольные часы* в индивидуальном исполнении с использованием ценных пород древесины.**

300001 г.Тула, Привокзальная плотина, 4-а. Тел.:(0872)31-62-64.

● **Фирма "Инвенция" предлагает: телефоны, факсы, автоответчики фирмы "ПАНАСОНИК". Ксероксы, диктофоны. Тел.: (095) 971-44-38.**

Не в России родился Кафка

Бахыт КЕНЖЕЕВ в беседе с Еленой ЯКОВИЧ

«Стихи Набокова. Америка. Апрель. Подсчитаны мои потери...»

Подсчитаны ли! Сколько еще терять людей — от набережения, от проклятой неустроенности нашего бытия! Эмиграция накрывает, как волна. Близкий человек еще здесь, смеется, разговаривает с тобой, но он уже мысленно пересек ту границу, которая скоро разделит вас, и оба вы знаете, что он уже там, а ты здесь. Едва ли не каждому из нас знакомо это чувство бессильной тоски, невозможности, а главное, ненадобности, удержать. Но тогда, пару лет назад, впервые прочитав в «Знамени» Бахыта Кенжеева, я бросилась к телефону и читала, читала, как заклинание, в трубку: «Бог Бог, а вот порог, а вот и новый дом, но сердце в ритме сокровенном... Знай плачет об отечестве своем осиновом и внутривенном... Я одиночества такого никогда... О одиночества такого никому...» Бог мой, кого на этом свете могли остановить стихи!

Говорят, Коржавин плакал над ними.

Юрий Кублановский сказал: «Бахыт как поэт родился в эмиграции, от ностальгии».

Что я знала о нем до этой беседы! Уехал десять лет назад, живет в Канаде, работал в русской службе «Радио Канады», ушел на совместное предприятие, чтобы ездить сюда часто. Две книги стихов там, стихи и проза в «Знамени» и «Октябре», «Новом мире» и «Дружбе народов»... Вот, пожалуй, и все.

— Бахыт, скажите, пожалуйста, есть ли путь назад? Что сложнее — уехать или вернуться?

— Я уже уезжал, но еще не возвращался и оттого не знаю. На днях говорил по телефону с близкой знакомой, женой известной эмигрантской литературной фигуры. Той фигуры, которой вроде бы сам бог велел вернуться: его известность рождалась в шестидесятые, он знаменит. Я спросил, не хотят ли они вернуться, они нищие там, в Америке. Она сказала мне очень грустно, что, наверное, не сможет больше на старости лет стоять в очереди. При этом я знаю, что там они в очереди за социальным пособием... Вообще с возвращением все оказалось сложнее, чем я предполагал. Десять лет назад я был уверен, что, как только прогонят большевиков, я немедленно вернусь.

— Вы сказали так обыденно: как только прогонят большевиков... Вы что, знали об этом уже десять лет назад?

— Да нет же, конечно, нет. Я был уверен, что это тысячелетний рейх и что все мы помрем при них — только я в комфортабельном изгнании, по выражению Набокова, а все мои друзья и родные — здесь. Но поступали и другие указания, очень странные. Так, Саше Соколову было видение, что большевиков прогонят к 90-му... Александр Исаевич Солженицын написал Юрию Кублановскому: а я вот думаю, их прогонят к 94-му... Оба они оказались пессимистами. А в 72-м году Сашенька Сопровский написал мне такие стихи: мы пройдем по столице России лет примерно чрез двадцать пять. Я верю в Поэзию, я прикинул — к 97-му году будет столица России, не Советского Союза. Саша не дожил, погиб год назад. Вот три моих источника, и относился я к ним всерьез.

Когда случился путч, я стал думать, что же мне делать, если эти ребятишки победят? Примириться с судьбой Набокова? Но тот же Набоков написал замечательный роман «Подвиг», где проиграл другой вариант судьбы. Помните, молодой человек Мартын неведомо зачем ночью переходит границу в Россию, чтобы его там расстреляли.

Я вовсе не мужественный человек, не герой. Недавно Тимур Кибиров во всеуслышанье заявил, что он мещанин. Я солидарен с ним, я обыватель. Но если бы путчисты победили, я, скорей всего, вернулся бы. В противном случае мне было бы трудно жить, а точнее, даже невозможно.

— Ну, а в мирное время почему так трудно переселиться?

— Мы выпали из той ежедневной ткани бытия, с которой трудно срастись вновь. Я уж не говорю о таких бытовых вещах, как квартира, работа.

— Позвольте, но когда вы ехали туда, тоже не было ни квартиры, ни работы. А ехали ведь, значит, способны были совершить поступок...

— Ну что вам на это сказать? Что я был моложе на десять лет, а с возрастом человек слабеет? Но это будет часть правды. В предисловии Сергея Сергеевича Аверинцева к двухтомнику Мандельштама высказана, на мой взгляд, гениальная мысль: как важно было Мандельштаму быть маргинальным, то есть никому и ничему не принадлежать. Он даже крестился в лютеранство. Почему? Почему не в православие? Будучи крещенным в православие, он приобрел бы дополнительные права. А он хотел креститься **без прав**. Вот эта маргинальность — желание ни к чему не принадлежать: ни к одной литературной группировке, ни к одной партии и в данном, моем, случае ни к одной стране — для меня очень важна. Мне нравится, что я этнически не русский. Что я не американец — Америка и так большая. Что я гражданин смешной страны Канады. Что я не канадец, наконец... А что до ностальгии, то есть такое слово в русском языке и есть в английском, но означают они разные вещи. Ностальгия по-русски — тоска по родине, ностальгия по-английски — тоска по невозвратному, основной двигатель творчества у многих писателей.

— Что для вас невозвратное?

— О, что невозвратное... Сейчас на развалинах большевизма рождается новая цивилизация. Она прекрасна и ужасна. Иногда у нее лицо свободы, иногда — фарцовщика с выражением секретаря обкома...

Я родился в Чимкенте. В Москву меня привезли в 53-м. Жили мы в прекрасной трехкомнатной квартире — 22 человека, все родственники. Потом довольно долго в подвальной комнате... Я терпеть не могу Сталина, но это не мешает мне на станции «Комсомольская»-кольцевая помнить, как я входил туда шестилетним мальчиком, и какое чувство восторга испытывал от величия метро, от высоток, от всей этой фараонской, но цельной культуры. Я не могу с ненавистью вспоминать, как однажды во время демонстрации меня посадили на специальную конструкцию из велосипедных колес, разукрашенную нелепыми лозунгами, и довезли аж до самой Красной площади... Это я сейчас понимаю, что вообще не должен был ходить на демонстрацию, а должен был играть в бильярд и пить пепси-колу, но это уже мое, и у меня нельзя этого отнять. И я не могу не грустить по тому времени, когда можно было встать среди ночи, поехать на другой конец города, взять десятую, дурную машинопись Ходасевича, за ночь прочесть и утром вернуть. Потому что так доставшийся Ходасевич, он, наверное, не лучше, но все-таки слаще. Ну вот, а потом я поступил на химфак и стал писать. Ходил в университетскую студию «Луч», ею руководил Игорь Волгин. Из этого «Луча» родилось объединение «Московское время» — Александр Сопровский, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков, ваш покорный слуга и Саша Казинцев, ныне член редколлегии «Нашего современника».

— А вы с Казинцевым не встречались с тех пор?

— Нет, я не видел его пятнадцать лет.

— И вам никогда не хотелось с ним поговорить?

— Боюсь, нам не о чем разговаривать. Беда в том, что с этой идеологией, вокруг которой ломалось столько копий, невозможно спорить. Да и не идеология это вовсе. Это какое-то чувство, направленное **против**. Я, например, считаю себя патриотом России, поскольку по культуре я русский человек. Но мне никогда не придет в голову обвинять в бедах России другие народы. Никому и никогда это не приносило добра.

— Вам не странно, что время вас так развело?

— Ужасно странно. Я раньше думал, что такое случается только в романах, ан нет, бывает и в жизни. Саша писал славные светлые стихи, которые абсолютно вписывались в поэтику нашего маленького круга.

— Но если все-таки попытаться его понять? Где произошел этот слом?

— Можно и понять. Вот я принципиальный противник насилия, ни разу в жизни не ударил человека. Но когда я был месяц в офицерских лагерях и стоял в строю с автоматом, то, к ужасу и негодованию против себя самого, вдруг ощутил, что мне хочется находиться в строю, что я счастлив стоять по стойке смирно и что появилось желание стрелять. Боюсь, с Казинцевым произошло то же самое. Национальная почва дает такую же иллюзию, как армия, — что тебя поддерживают со всех сторон, что ты часть единой силы и за тебя разберутся.

Что до русской судьбы, я очень в нее верю. И парадоксальнейшим образом «Макдональдс» на Пушкинской вызывает у меня ничуть не меньшее умиление, чем у Кунаева. Россия захотела стать Америкой, а становится Гватемалой.

— Бахыт, вы сказали, что ощущаете себя частью русской культуры. А как насчет казахской?

— Вот тут сложный вопрос: и да, и нет. К Казахстану я отношусь с огромной нежностью. Я знаю вкус кумыса, но это не только сентиментальные привязанности. Я очень верю в его судьбу. Это самое динамичное государство на территории бывшего Союза, с самым изобретательным, умным и прагматичным правительством.

И когда я говорю, что принадлежу к русской культуре, то говорю это не с гордостью, но с горечью. С гораздо большим удовольствием я принадлежал бы обеим культурам. Но из Чимкента меня увезли в возрасте трех лет. В школе называли Борей: бабушка, русская, сказала, что если буду Бахытом, то задразнят. Лет в шестнадцать я отказался быть Борей. Решил выучить казахский, на котором говорил до трех лет, потом забыл. Написал родным в Алма-Ату, чтобы прислали самоучитель. К моему стыду и умилению, такого самоучителя не было, и языка я до сих пор не знаю. Мои двоюродные братья и сестры в Алма-Ате лучше говорят по-русски, чем по-казахски... Дед, который был ишачом, духовным князем Южного Казахстана, должно быть, переворачивается в гробу от этого. Он был очень светлым человеком, просветителем, построил на свои деньги больницу и школу в Чимкенте, они стоят до сих пор. Нелепо погиб от копыта лошади в 23-м, я считаю, что ему повезло, иначе бы расстреляли, и очень скоро. Старики в Чимкенте и сегодня его помнят. Половину его потомства расстреляли: казахскую интеллигенцию косили пачками. Был у меня и дядя секретарь обкома, тоже погиб в 37-м...

— А вы ощущаете себя частью евразийского пространства, о котором сейчас так много говорят?

— Я думаю, что Россия все-таки ближе к Европе, чем к Азии. Блок, мой любимый поэт, был здесь, к сожалению, не очень прорицателен. Его великолепные «Скифы», обозначившие позицию России между двух враждебных рас, для меня красивые стихи, но не более. То же самое в таком случае должны были сказать про себя венгры, или финны, или волжские болгары. Россия — европейская нация и по культуре своей: все-таки православие пришло из Греции.

— Но вы верите в какое-то общее будущее у России с Казахстаном?

— О да, конечно. Есть страны — естественные союзники, есть и естественные враги, которые лишь на время из тактических соображений могут стать союзниками. Россия и Казахстан — союзники. Будучи внуком ишана и православным человеком по вере, я лишь недавно открыл для себя ислам и убедился, что вокруг него ровно столько лжи и предубеждений, сколько было вокруг христианства в Древнем Риме. К тому же в Казахстане очень мягкий вариант ислама. Казахстан мог бы стать, и очень быстро, второй Канадой — по процветанию и по политике своей. И именно на основании тесных связей с Россией — своего двуязычия и двукультурия. Вообще, когда страна чувствует себя уверенно, ей нет смысла стремительно рвать исторически сложившиеся связи. Британская империя давно распалась, однако и в Австралии, и в Канаде до сих пор царствует королева Британская Милостью Божьей Елизавета Вторая.

— Ну и как вы это чувствуете у себя в Канаде?

— Я это чувствую каждый день: профиль королевы на всех монетках. И еще раз в год перед Рождеством, когда она выступает по телевидению с рождественской речью. А если серьезно: чувствую ли я это? В России говорят — меньше, чем мне бы хотелось, — о монархизме. Я убежденный монархист и конституционную монархию считаю идеальной формой правления. Когда я упоминаю об этом здесь, на меня кидаются: действительно, с точки зрения современного рационального сознания монархия просто глупа: ну с какой стати человек только потому, что родился в королевской семье, должен быть самым главным? Так считают не только здесь. Так считают американцы, которые смеются над канадской монархией. Да и в Квебеке, где я живу, в франкоязычной провинции, сильны голоса: почему у нас на деньгах иностранный монарх? Между тем существует совсем недавний, разительный пример того, как монархия спасла замечательную страну от гражданской войны и разрушения. Это пример Испании. После падения Франко в Испании не нашлось политической силы, которая могла бы объединить нацию, зато нашлась моральная. И вот наша королева царствует, но не правит — казалось бы, чистая декорация. Ан нет, она существует как память народа, как живой символ, вокруг которого могут на почве патриотизма объединиться противоположные силы. Если королева говорит политическим врагам: примиритесь, они могут и не примириться, но больше им этого сказать некому, ни у кого нет такого авторитета в стране.

Вот США и Канада — совсем рядом, в основном говорящие на одном языке. И тем не менее исключительно разные страны, с разной культурой и ощущением жизни. Не могу сказать, что одно лучше другой, нет. В Америке и работу найти легче, и возможностей больше, и вообще она по сравнению с Канадой этакая залихватская ковбойская страна. А Канада — задний двор, спокойный такой, тихий. Ничего там не происходит, как жалуются сами канадцы, даже армии порядочной нет. Но вот в Канаде — монархия, а в Америке — нет. В Америке была гражданская война, в Канаде — нет. В Америке была революция, в Канаде — нет. И с освоения Запада и истребления индейцев, со времен гражданской войны в истории Америки было гораздо больше насилия, чем в Канаде. Я уверен, что началось это насилие с провозглашения республики.

А сейчас чувствуется это или нет? Ответ напрашивается сам собой: с какой стати? А вот во всей Канаде с населением в 27 миллионов человек за год убивают людей меньше, чем в каком-нибудь Детройте.

— Ну хорошо, даже если принять то, что вы говорите, то монарх как память народа существует там, где целочка эта не прерывалась. Что делать, скажем, в России, где в память народа заложены не только монархия, но и революция, свергнувшая монарха, и десятилетия жизни без него? Это вопрос из того же разряда, можно ли построить заново храм Христа Спасителя.

— Насаждать монархию насильно нельзя. Но если бы в какой-то момент русский человек пришел в храм и увидел икону новомучеников российских, святого Николая II и семьи его, и если бы ему вдруг пришло в голову, этому абстрактному русскому человеку, как было бы хорошо, если бы государь-император сейчас вернулся сюда — Владимир Кириллович или его наследники, кто согласится, — вернулся бы и занялся благородным делом собирания России. Ему не нужно быть при этом экономистом, не нужно быть никем, ничем, ему нужно быть, простите за высокое слово, помазанником Божьим. Есть же на свете вещи, которые выше экономики и политики. И нечего мне возразить человеку, который спросит: ну зачем он нам здесь нужен? Он прав: только лишний расход. И макдональдсов будет меньше. Понять можно только на уровне сердца.

— А как вам кажется, Бахыт, где больше монархистов — здесь или в эмиграции?

— Монархисты — как филателисты: их везде мало. Абсолютно всем ясно, что монархизм как политическое течение себя изжил. И я это прекрасно понимаю, не идиот, но старомоден... Христианство тоже старомодно. Это не делает его хуже.

— И все-таки: в церковь здесь сейчас ходят, и Николая II, как это ни кощунственно звучит, в моде, а вот монархистов, которые могли бы связно объяснить, почему они монархисты, как в случае с вами, я что-то не встречала...

— Еще встретите, я надеюсь. Хотя, пожалуй, в эмиграции их действительно больше.

— Может быть, это потому, что для вас там идея существует в своей чистоте, а мы тут выходим на грязные улицы...

— Ну, в таком случае Менделеев не должен был думать о химической таблице элементов, а подумать о том, что ломовой извозчик напился и в деревне секут крестьян.

— Я не об этом — о некоей эстетической неразберихе. Сама слышала, как телединтор сказал: «Санктпетербуржцы не успели перед Новым годом отоварить талоны на сахар» — каково? И к нашей нескладной действительности еще и монарха?!

— Наконец-то прозвучало слово «эстетика». Красиво все, что имеет отношение к Богу. А царь на Руси всегда был помазанником Божьим. В том-то и дело, что монархия обещает внерациональное и даже внеэтическое — именно эстетическое обустройство общества. А получится ли, не знаю.

Да не должны мы разбираться в эстетической неразберихе! Наше дело стремиться к тому, чтобы мы сами на старости лет, и дети наши, и внуки жили в красоте. Ну а то, что неразбериха эта пока при нас множится, что кругом царит безумие с точки зрения эстетики, что не красиво — тут уж ничего не поделаешь. Это факт, это жизнь. Впрочем, есть во всем этом и какой-то веселый потенциал (веселие не как смех, как православный термин). Вот и постараемся внести в это веселие побольше осмысленности и красоты.

— А как вы полагаете, дает ли нынешняя эстетическая неразбериха новые возможности для литературы?

— О, сейчас лучшее время для литературы!

— Что-то непохоже.

— И тем не менее. Мы все были в плену. Одной идеи: что большевизм — это плохо, а духовность — хорошо. И эта оппозиция — большевики — Иисус Христос, — она так доэлела над нами, что вырваться было очень трудно. Если ты из нее вырывался, все равно на хвосте оставался след борьбы. И вот парадокс: ты и права-то не имел вырываться окончательно из-под власти этой оппозиции. Нельзя, не получается в концлагере писать стихи, в которых никак не отразится концлагерь.

Возьмем самого эзотерического нашего писателя Сашу Соколова. Когда я прочитал его книгу «Между собакой и волком», то был потрясен тем, что в ней в очень сжатом, в очень преображенном виде дана исключительно точная картина жизни Советского Союза 1949 года. Когда я спросил об этом Сашу, он удивился этого не замечали. Но как он мог помнить, ведь ему было всего лет пять? А его как раз в том году привезли из Канады в Советский Союз, и картины врезались в память.

Не надо больше писать литературу в газовой камере. Можно выйти за ее пределы и посмотреть, что вокруг. А вокруг мир. И это будет литература, которую отличает иная, более высокая степень постижения мира. Но готовы ли мы к этому? Боюсь, что очень немногие. Трудно говорить с богом без оглядки на советскую власть.

— «Знамя» с третьего номера печатает ваш роман «Плато». Что это такое, плато?

— Вообще-то, плато — это пологий участок на кривой. Но это еще и район Монреаля, где живет городская беднота. Деревянные дома, пожары. Маленькие магазинчики, тихая, размеренная жизнь. Вот туда я поселяю своего героя, который бежал из России, точнее, из самолета, чтобы соединиться со своей возлюбленной и другом. Но друг стал миллионером и ему нечего с ним больше делить. А любимая женщина умерла еще два года назад, а он об этом не знал. Ну что с этим всем делать, кроме как поплакать над этой человеческой ситуацией? Мне кажется, это, скорее, не роман, а большая поэма в прозе.

— Когда произошло совмещение стихов с прозой, почему вы, собственно, начали ее писать?

— У меня мало сил. Я не умею чувствовать себя на площади, как в эпоху, как, наверное, умели Мандельштам или Блок. Вот Блок никогда не писал прозы, не оскоромился. Проза решает другие проблемы, может быть, менее тонкие и более насущные. Скажем, когда человек в храме, он решает свои отношения с господом богом. Когда он выходит на улицу — господь Бог все равно присутствует, он все равно рядом, но вокруг уже толпа, уже другая обстановка. Вот для меня такие отношения между поэзией и прозой. Да, Блок умел себя чувствовать в кабаках, в переулках, в извивах, в электрическом сне наяву всегда, в аптеке, и спасибо ему за это. Я не умею. Поэтому я пытался писать прозу уже сколько? Пятнадцать лет назад начал первый роман «Младший брат», аллюзия на эрзеллозского Старшего Брата. Этим летом его в «Октябре» собираются напечатать...

Да, кстати, роман о маргинальности, о которой мы с вами говорили. Маргинальность — по-русски пограничность. Так вот, 74-й год, молодой человек работает в Интуристе, идеально пограничная для той поры ситуация. И вот в результате столкновения между двумя мирами, которые в принципе не должны сталкиваться — я не мог бы написать этот роман в Албании, в Албанию не пускали иностранцев, — мой бедный герой гибнет, и мне его очень жалко. Но он гибнет потому, что перешел черту, определявшую положенную ему от века свободу. И дело не в том, что советская власть плохая — хотя роман, конечно, антисоветский в том смысле, какой вкладывали гэбэшники в 70-х годах, — а в том, что жизнь сама по себе трагичная штука. Не в России родился Кафка, и Фицджеральд, самый грустный писатель века, родился не в России, и Беккет, самый абсурдный писатель столетия... Все они родились на вольном, благополучном, сытом Западе, который не знал сталинских расстрелов и всего того, что выпало на долю нашего несчастного государства. На том самом Западе, где можно съесть банан и не написать пьесу «В ожидании Годо». Но они написали.

Я хотел бы сказать, в чем для меня смысл жизни. Я сейчас говорю совсем серьезно. Вот здесь сейчас 50 журналов и 100 газет. Независимых газет и прочих разных — Нагорный Карабах есть, приватизация есть, даже о литературе пишут. Но слова «красота» как такового нет, его забыли. А красота... Это понятие очень серьезное, в значительной мере утраченное при большевизме. Да, красота — это соразмерность частей. Это первое ее определение. Но есть и второе, что красота, каким боком непонятно, она же и есть истина. Вот ссылаемся на Достоевского: красота спасет мир. Я готов заключить пари: кто сейчас понимает полный смысл этого высказывания? Боже мой, да неужели эта потаскушка Настасья Филипповна своей внешней красотой спасет мир, предотвратит Октябрьскую революцию? Конечно, нет, идея гораздо глубже. Кто сегодня готов ее понять? Мы потеряли целую категорию мирозоззрения. Мы, думаем, что красота — это Венера Милосская с отрубленными руками. Ни в коем случае.

Вот 37-й, кажется, год. Сидит лысый беззубый человек в ссылке в Воронеже. Он нищий, он голодает, у него есть одно яйцо на завтрак. Он сидит на кухне, другого помещения у него нет. Рядом с ним стареющая жена в отчаянии, потому что она выходила за известного поэта, а оказалась женой ссыльного... Вот этот человек за кухонным столом пишет такое: «Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста. — На холсте уста вселенной...» Красиво ли это? С точки зрения Венеры Милосской, нет, это ужасно — какой-то улыбающийся гневный ягненок. Но с высшей точки зрения это и есть красота. Вот эту красоту понимало очень мало людей в человечестве. А уж мы, дети перестройки и афганской войны, и подавно...

Вот другой человек. Внешне он красив. Сидит в ресторане, не очень дорогом, и денег у него не очень много. Что-то там он пьет, за другим столиком какая-то женщина. Вот он сидит и смотрит вокруг. Что мы увидим? Мы увидим сцену: бизнесмены собрались с подругами выпить... А этот человек приходит домой и, едва отправившись от похмелья, пишет: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, вина. И это красиво. Это красиво не в том смысле — я повторюсь, — как Венера Милосская, это красиво как улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет...

Вот эту красоту понимала русская поэзия. Ее понимали Блок, Мандельштам, Сологуб, Ходасевич, Георгий Иванов, такие вот торжественные фигуры, которые все как на подбор умерли в нищете и унижении, но они отдали свою жизнь не зря. Они сделали красоту, они ее сделали.

Вопрос: умеем ли мы это? Я не знаю ответа. Мне бы хотелось думать, что да, что кто-то найдется. А может быть, господь сподобит, и я напишу одну-две строчки такие же. Такие же в смысле той красоты, которая зависит от Бога. Богом данная красота — чувство мгновенное, то самое, которое испытывал Давид, когда плясал перед Ковчегом Завета, которое испытывал Иисус Христос, когда он сказал, что не хлебом единым жив человек... Но мы, пожалуй, разучились мыслить в таких категориях. Может быть, так было всегда, я не знаю других времен, я живу в это время.

С идеей красоты тесно связана идея Слова, слова с большой буквы. И вот в чем смысл жизни, такой сакраментальный вопрос. Смысл жизни еще и в том, что если не самому произнесть, то знать, что кто-то рядом с тобой встанет и скажет Слово, которое приблизит его к господу Богу. Как было бы хорошо, сказал я когда-то Александру Сопровскому в частном разговоре, как было бы хорошо, если бы кто-то встал сейчас, в наше время, в нашу неразбериху, когда Ельцин, Горбачев, перестройка, смута встал бы и сказал: «Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листы с своих ветвей». И Саша перед смертью взял и написал стихи, которые кончались строкой: «И выдохнуть легко. Октябрь уж наступил». Это было Слово, красота, смысл жизни. Вот то, о чем я сам хотел бы думать гораздо больше, чем я думаю, и то, о чем бы я хотел, чтобы другие думали тоже, потому что мы в ответе за это перед господом богом и перед нашими детьми.

Такова литературная жизнь

ДВА ОРГКОМИТЕТА—ДВА СЪЕЗДА?

События в Союзе писателей на истекшей неделе развивались столь же бурно, как и на двух предыдущих. Во вторник, 31 марта, в Министерстве юстиции Российской Федерации было наконец зарегистрировано Содружество союзов писателей (ССП). Его учредителями стали Союз писателей Армении, Союз писателей Киргызстана, Союз российских писателей, Союз писателей Москвы, Союз писателей Санкт-Петербурга, «Апрель» и другие писательские ассоциации. В тот же день инициативная группа оргкомитета по созыву съезда писателей, созданного 18 октября 1991 года и утвержденного учредительной конференцией ССП 10 января 1992 года, отстранила Тимура Пулатова от руководства этим комитетом, поставив ему в вину злоупотребление служебным положением и доверием своих коллег. Комитет возглавили Чингиз Айтматов, Сергей Антонов и Василь Быков, которые обратились ко всем писателям с письмом, разъясняющим сложившуюся ситуацию. Совет сопредседателей и исполком ССП сделали заявление о том, что считают правомочным именно этот оргкомитет, а создание нового оргкомитета под руководством Т. Пулатова на совещании представителей писательских организаций 17 марта 1992 года — незаконным.

Между тем 2 апреля собрался новый оргкомитет под руководством Т. Пулатова. Он принял к сведению факт регистрации ССП и проигнорировал заявление Совета сопредседателей и исполкома ССП. В свою очередь, ссылаясь на решение представителей писательских организаций от 17 марта, он счел оргкомитет, созданный 18 октября 1991 года, утратившим свои полномочия. Было избрано бюро оргкомитета для решения оперативных вопросов, связанных с подготовкой и проведением IX съезда писателей в составе Т. Пулатова, М. Кудимовой, Б. Романова, Ш. Ниязи, Н. Мончана, Б. Можаева, Максута Ибрагимбекова. В проекте постановления принято также к сведению заявление членов правления и сопредседателей Союза российских писателей (Р. Солнцева, М. Юхмы, Н. Золотусского, В. Лукьянина, А. Иванченко, М. Кудимовой, Х. Бештокова) о том, что СРП приостанавливает членство в ССП.

Когда верстался номер, состоялось заседание секретариата правления СП бывшего СССР, на котором он подтвердил, что, никем не ликвидированный и не принимавший решения о самороспуске, он продолжает действовать и в настоящее время, а исполком содружества фактически осуществлял и осуществляет свои полномочия от его имени. На секретариате было дезавуировано постановление оргкомитета от 2 апреля и принято решение об отстранении Пулатова (до съезда) от должности первого секретаря правления СП и лишении его права финансовой подписи. На время до проведения съезда решение всех финансово-экономических вопросов, связанных с деятельностью ССП, поручено секретарям Союза писателей, входящим в руководство ССП — А. Адамовичу, В. Арро, Ч. Айтматову, А. Ананьеву, А. Анфиногенову, Г. Бакланову, В. Быкову, А. Вознесенскому, А. Дементьеву, Ф. Искандеру, Д. Кугультинову, Б. Можаеву, А. Пуйкину, В. Огневу, В. Оскоцкому, А. Приставкину, Е. Сидорову, В. Савельеву, Ю. Суровцеву, М. Шатрову, Ю. Черниченко.

Между тем вопрос о правопреемственности Союзу писателей СССР остается открытым. Во многом его решение зависит от позиции Союза российских писателей, которая, может быть, наконец проявится на координационном совете этого союза 16 апреля.

Панорама французской периодики

Так называется выставка, организованная Французским культурным центром в Москве и Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы. Нынешняя экспозиция, предлагающая 350 изданий, дает возможность широко познакомиться с современной печатной продукцией Франции: общественно-политические газеты и журналы, издания по политическим и юридическим наукам, религии и философии...

Директор центра Клод Круай отметил, что она — часть культурных мероприятий программы Центра, в которой, кстати, немалое место уделяется и литературе. В ближайшем будущем, например, предполагается организация выставки, посвященной М. Цветаевой.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Илья ФОНЯКОВ

Отчаяние публициста

Никогда не забуду эту картину: идет по улице отрешенный человек с транзисторным приемником, и рвется из этого черного ящика не песня Окуджавы иль Высоцкого, не музыкальные выплески модной рок-группы, а сбивчивая, взволнованная речь очередного оратора на I Съезде народных депутатов. И другие прохожие невольно замедляют шаг, подстраиваются, прислушиваются к этой устной публицистике. Удивительное было время — настолько недавнее, что даже как-то странно говорить о нем «было»: страна спешила выговориться после долгого вынужденного молчания о многих и о многом.

Даниил Гранин жаловался тогда: нет времени читать серьезные книги, все внимание публицистика забирает. Даугой собрат по перу с жаром говорил: «Вы только подумайте, какое время настало! Я любого министра могу назвать дураком!» Теперь, между прочим, открещивается: бросьте, не мог я сказать такой глупости! И я ему, как ни странно, верю: он совершенно искренне не помнит. Это одно из поразительнейших открытий, сделанных мною в последние годы: люди совершенно искренне не помнят, что они говорили вчера. И в этом одна из причин моего прощания с публицистикой. То есть, конечно, не надо понимать эти слова слишком буквально. Никуда не денусь: профессионал. О конкретных вещах и проблемах буду писать, как писал. Но уже не с публицистических статей, как это было недавно, начну знакомство с новой книжкой журнала. Ибо в эти годы публицистика со всей отчетливостью продемонстрировала не только свое фантастическое могущество, но и свою ущербность, свою, если хотите, мотыльковость. Я люблю шахматные образы и сравнения — так вот, публицист представляется мне шахматистом, который считает лишь на один ход вперед. Главное — громко крикнуть «шах!» и еще громче стукнуть ферзем о доску, чтобы все услышали и обернулись. Ибо если же не услышат и не обернутся — какая это публицистика? Сколько таких громогласных «шахов» мы слышали за последние годы — а позиция на доске между тем все ухудшается и ухудшается. И не в этом ли причина нынешнего удивления недавних лидеров нашей публицистики — того же «Огонька» или «Московских новостей»? Сижу в писательском собрании, слушаю речи коллег о судьбе творческого союза, который нужен всем нам, «чтоб не пропасть поодиночке», по словам поэта, в наши смутные времена. И просто духу не хватает напомнить коллегам их же недавние (печатные!) выступления с проклятиями в адрес «этого министерства литературы», «этого слепка сталинского тоталитаризма»...

Помнится, был у меня спор в печати с известным пародистом Александром Ивановым, выступавшим тогда как последовательный сторонник «рыночного» подхода к литературе: пусть, мол, читатель голосует рублем, и серость отсеется сама собой. Тщетно приводил я строки юной, но уже тогда отнюдь не «серой» Цветаевой о ее стихах, «разбросанных в пыли по магазинам, (где их никто не брал и не берет!)», — убежденность моего оппонента ничто не могло поколебать. Ныне мечты его сбылись. И что же? За что, как говорится, боролись на то и напоролись. Упаси бог, не злорадствую. И не сужу, и не виню. Потому что не слова наши определяют течение событий — скорее, наоборот. «Мы вольны делать, что хотим, но мы не вольны хотеть, что хотим», — заметил, кажется, Шопенгауэр. И уж тем более «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Вот вам и вторая причина, побуждающая меня к прощанию с публицистикой: ее тщетность. Результат если и бывает, то совсем не тот, на который рассчитывал автор, отважно бросаясь в бой.

Впрочем, отдельные совпадения возможны. Высказываются тысячи мнений, всегда найдется кто-то, кто напомнит: «Ведь я ж вам говорил!» Говорил, да не был услышан. Недостаточно громко стукнул деревянной фигурой о доску, недостаточно громко прокричал над ухом у Времени: «Шах!» Надо бы погромче в следующий раз, поэнергичнее! И вот уже пишет один публицист про «окровавленный и вонючий хвост преступлений», тянущийся за его оппонентами. «С той поры, как сдох Суслов...» — меланхолически вспоминает другой. Третий занимается выяснением, к какому полу принадлежит злосчастный «хомо советикус», и устанавливает, что не к мужскому, не к женскому, а... к советскому, что, по мысли автора, выражает крайнюю степень презрения. Все громче слова, все грубей, все надсадней. Это уже не крик, а визг. Я привожу здесь примеры из публицистики, условно говоря, прогрессивной. Ибо публицистике «патриотической», не умеющей толком просклонять даже любимое русское слово «вече» («Народному вече — быть!» — такой был заголовок в одной из газет накануне 17 марта), вообще трудно всерьез рассуждать серьезно. Но если говорящий брызжет слюной, хочется посторониться независимо от того, прогрессивные речи говорит он или консервативные.

Участившиеся срывы на визг — это деградация публицистики, симптом того, что ее время прошло. И это третья причина моего прощания с нею.

Придет время — и мы вновь, забыв как это нам свойственно, все свои разочарования, кинемся в твои объятия!

Роман АРБИТМАН

«До свидания, мальчики...»

О прозе Александра Терехова

СТРОЙ — это ряд людей, шеренга, а также воинская часть, стоящая в рядах. Но не только. Строй — это размеренный порядок единообразия, при котором газоны выравниваются по линейке и трава на них подкрашивается ровной ядовитой зеленью, зазор между краем пилотки и бровью особо оговорен в уставе, местоположение полевого сортира на четыре очка грамотно определяется по компасу, плац надраен, как операционный стол, а единственная морщинка на казенном одеяле, почти незаметная в безупречной перспективе уходящих вдаль двухъярусных нар, равновелика измене родине или, как минимум, космической катастрофе. Но не только. Строй — это еще и строгая, арифметически выверенная иерархия деловитого насилия, годами отработанного, неторопливого и даже в чем-то равнодушного: начальников — над подчиненными, старших — над младшими, «салабонов» над «духами», «шнурков» — над теми и другими, «дедов» — над ними всеми вместе взятыми, за обиды расплачиваются не с обидчиками, а просто с теми, кто ниже тебя, это бессмысленно, это положено. Причем психология строя имеет не так уж много общего, скажем, с психологией толпы. Толпа истерична, неустойчива в симпатиях и антипатиях, подвержена крайним эмоциям, способна на зверство, а впрочем, и на великодушие — во всяком случае, и казнит, и милует толпа с чувством, со смаком, от души. Строем же правит ритуал ледяной и вполне бессердечный, эмоциям здесь не место, зверство совершается больше по обязанности, по предписанию, чем по искреннему велению души, зато и великодушие строй начисто исключает: оно заранее не предусмотрено и, стало быть, невозможно...

Начиная с самого первого рассказа, опубликованного в конце 80-х в «Неделе», московский прозаик Александр Терехов пытается — и небезуспешно — художественно исследовать эти и другие особенности строя, и прежде всего в произведениях, что называется, «на армейскую тематику». Понятно, что с самого начала легкокрылая наша критика удостоила Терехова россыпи торопливых комплиментов — за смелость и прямоту: автор был с ходу обруган «Красной звездой» и недомыслом маршала Язова, прогрессистами же зачислен в разряд обличителей, помещен в полупустую тогда ячейку с надписью «неуставные отношения» и на некоторое время там благополучно забыт. Тем более что и вторая его вещь — повесть «Зёма» в демократическом альманахе «Апрель» — только, казалось бы, подтвердила первоначальный «диагноз». Но вот «неуставная» тема давно перепорхнула из области изящной словесности в сферу журнальной полемики, затем полемики газетной, потом незаметно переползла на поле деятельности союзного парламента, в какую-то из многочисленных комиссий, где тихо и сгинула вместе с парламентом и всеми его комиссиями. Наша читающая публика усвоила, что «дедовщина» в армии имеется и с ней наконец будут официально бороться (прежнее Министерство обороны только злобно бурчало об «очернительстве» и «отдельных нетипичных случаях»), успокоилась и обратилась к другим сенсациям.

С прозаиком же Тереховым все оказалось много сложней. В минувшем году, когда увидела свет его последняя повесть «Зимний день начала новой жизни» («Знамя», № 5), где об армии вообще речи не было, стало ясно, что для автора «дедовщина» в армии — лишь частный случай проявления законов строя, хотя самый страшный и самый наглядный. Терехов вдумчиво анатомирует строй, разбирает его на составляющие, внимательно вглядывается в каждое лицо в строю. Его очень интересует, как сумели такие разные люди стать одинаковыми, единые — послушными, что было обычных людей в твердый брусок темно-зеленого защитного цвета? Сила? Слабость? Законопослушность? Желание разделить ответственность с «вождем»? Терехов приступает к своей задаче честно — не имея готового решения в рукаве. Он и сам не знает его пока. В поисках ответа он использует быструю смену ракурсов повествования, например, в «Мемуарах срочной службы» (журнал «Согласие», № 2, 1991) читатель имеет возможность взглянуть на почти одни и те же события глазами то оголтевшего от нескончаемых унижений и страха рядового Козлова, то младшего сержанта Мальцева, прошедшего уже свой срок в «салабонах», то мучителя рядового Козлова — «самого жуткого деда» — Петренко. Но и читатели вслед за автором бессильны разобраться, отчего люди, вполне нормальные, такие понятные, не этого-френы, с достаточно сложным внутренним миром, со своими переживаниями, даже славные по отдельности, в строю превращаются в нечто тупое и грозное — так в кошмарном американском фантастическом романе экзотические инопланетные зверьки, безобидные поодиночке, вместе объединяются в холодный негуманоидный разум, агрессивный, цепкий и абсолютно безжалостный.

Сильная черта прозы Терехова — внешняя невозмутимость в описаниях «беспредела»: даже когда повествование ведется от первого лица и насилию подвергается герой-рассказчик. Все эмоции как бы спрятаны в уголок души вместе с «больным, изодранным чувством суверенитета», чтобы их было труднее достать посторонним и над ними надругаться; тогда кажется, что дуют по пустой оболочке, не так страшно, не так больно. Строй наказывает просто и эффективно — регулярными побоями «просто так», грязной работой, которую один делает за других; гнусным бытом, который из-за палачества и скотства делается в сотню раз гнусней; наконец, обычным элементарным голодом — потому что «деду» не зазорно отнять у «салабона» попавшуюся ему пайку да еще и избить, если пайка протянута жертвой без излишней почтительности. В повести «Зёма», названной ироническим дневником, иронии и интеллигентского безобидного зубоскальства у автора хватает только на несколько первых страниц, посвященных приезду в часть почти гашековского «генерала дохлятины». А затем повествование резко выходит за пределы обозначенного жанра. Сцена истязания военнослужащих, попавших на гауптвахту, когда эсэсовские замашки у начальника караула выглядят такими пугающе естественными, отбивает у автора вообще всякую охоту шутить, а у читателя — воспринимать шутки.

Строй бесчеловечен, он опрокидывает даже житейский здравый смысл. Вроде бы очевидно, человек, испытавший на себе все мучительства ГУЛАГа (а Терехов вполне убеждает нас, что армия с ее едва ли не узаконенным «беспределом» — тот же лагерь, «мертвый дом» в миниатюре), как будто не может назавтра стать вертухаем и с той же аккуратной последовательностью совершать церемониал унижения над кем-то другим. Однако на деле все оказывается иначе, ибо строй держится на круговороте насилия, на неизменно повторяющемся процессе, когда жертва обязательно дослуживается до ранга палача. И — становится палачом. Ужас в том, что насилие над другим превращается в единственную разрешенную ритуалом «от души», в единственный лучик света в окружающем мраке, единственный способ почувствовать, что неписаный волчий закон строя, который всегда был «против тебя», вдруг на миг — «за тебя».

Александр Терехов убеждает нас, что строй практически неуязвим — и все же он может исчезнуть, пусть не надолго и при самых исключительных обстоятельствах. Когда, например, в тех же «Мемуарах срочной службы» затравленный рядовой Улитин бежит со своего поста в ночь, а затем пытается расстрелять из «калашникова» преследователей, своих всегдашних «штатных» мучителей, — вот тут-то на мгновение на месте пустой безглазости под шапкой прорезаются человеческие лица: в первый раз и жертва, и палачи заглядывают за грань Великого Ничто, и ужасаются вместе, и на короткое время превращаются в людей, страдающих, усталых, способных на поступки, выходящие за пределы ритуала...

ВЫХОД из строя, по Терехову — единственный способ спасения собственного «я». Тут реальность противоречит идиоматике русского языка: выйти из строя, то есть сломаться, на самом деле означает как раз противоположное — остаться не сломленным, сохранить в неприкосновенности то самое «чувство суверенитета», о котором размышляет один из персонажей. И если у героев Юрия Трифонова, чье влияние на Терехова-прозаика достаточно ощутимо — будь то Глебов из «Дома на набережной» или Антипов из «Времени и места», — есть хотя бы символическое время на раздумье, хотя бы иллюзорная пауза, то герои Терехова, решившие выйти из строя, не имеют и этой малости, им предстоит сделать выбор сразу, с первой же минуты пребывания в строю и подтверждать его ежедневно, ежечасно. Автор не выдает желаемое за действительное: выходящих из строя немало, однако вышедших — единицы (таковы, например, близкие самому автору Курицын в «Зёме» или повествователь в рассказе «Дурачок»). Большинство же не в силах ежедневно сносить бремя выбора и решает плыть по течению: писатель не упрекает и не оправдывает своих героев — только изучает. При этом А. Терехов не скрывает и даже всячески подчеркивает некую «автобиографичность» своей прозы.

Герои «лейтенантской» прозы Бакланова и Быкова, светлые мальчики Окуджавы и Балтера возвращались с Великой Отечественной (те, что возвращались вообще) повзрослевшими. Четыре года войны были не просто адом, но и очищением, войной за правое дело: мальчики приходили домой мужчинами. Герои Терехова в атмосфере бессмысленного, равнодушного насилия, насилия «просто так», по графику, не взрослеют, но мгновенно стареются, день равен году, недели складываются в десятилетия. Пацаны превращаются в стариков: те, кто «остался в строю», — в стариков слабых, злопамятных и слезливых; те, кому удалось «выйти из строя», — в стариков мудрых, сдержанных, но тоже злопамятных. Не случайно повествователь в рассказе «Дурачок», вчерашний новобранец, так по-стариковски шаркает по полу, рядовой Козлов двигается, привычно старчески сгорбившись, герой «Зёмы» чувствует, что еще вчера он «лег в кроватку под сказку, а проснулся — волосы седы»; наконец, Грачев из «Зимнего дня...», уже прошедший через строй, ставший студентом, сам себе кажется старым и глядит на мир «с безучастностью пенсионера, осматривающего пионерский лагерь».

Александр Терехов не дистанцируется от своих героев, да это и невозможно: по анкете ему двадцать шесть, однако писателю Терехову — скажем, так — далеко за шестьдесят. Это неизбежная расплата за ранний удачный дебют, за «свою» тему, а главное — за бесполезный (согласно Шаламову), но бесценный для литератора опыт пребывания в строю, а осознание его как данности, за муки выхода из него; за все госпожа Фортуна требует расплатиться по счетам. Наблюдатель легко обнаружит все необратимые «возрастные» изменения в ткани прозы Терехова. Это и старческая жадность к любой детали, одышливое нервное многословие, стремление как бы охватить в одной фразе, в одном абзаце все видимые глазом мелочи, словно все в последний раз. Отсюда же — перенасыщенность текста точными и тонкими сравнениями и метафорами (будто надо выпустить их в мир сразу все, завтра, возможно, шанса не будет!), отсюда — синильная кислота рефлексии, которая временами тормозит сюжет и разъедает ткань прозы, и сентиментальные красивости вроде «огромного паруса синевы с белыми заплатами облаков» (критика уже обратила на них внимание, но посчитала издержками стиля молодого увлекающегося литератора; в действительности же — все наоборот).

Перечитывая прозу Терехова, начинаешь понимать и истоки откровенной неприязни автора да и многих других литераторов этой же генерации к поколению «шестидесятников». Понимаешь, почему малосимпатичные персонажи недавней повести Терехова изъясняются нарочито оглупленными тезисами «детей XX съезда», почему так агрессивен тон публицистики, обращенной против «шестидесятников» («На этом поколении стало явным бесчестье нашего общества», — это из самых безобидных пассажей статьи, опубликованной нашим автором в «Неделе»). Дело, разумеется, не в каких либо «идеологических» расхождениях — это вызвано, скорее, эпатажем, желанием демонстративно поквитаться с теми, кто с восемнадцати не был изуродован армейским строем, у кого были в свое время какие-то немыслимые надежды на будущее, пусть нелепая, но вера в нечто «с человеческим лицом», в нравственное превосходство справедливого лысоватого вождя над кровавым и беспринципным усатым — а не просто черный «бесконечный тупик» вместо прошлого и будущего. Конфликт тех, кто даже в тридцать лет считал написание собственной автобиографии «преждевременным», с теми, кто уже в двадцать с небольшим принимается за «мемуары», — это ведь из области противоречия «отцов и детей», только вывернутого наизнанку: нормальная зависть молодых стариков к старым мальчишкам.

«Поколение перевернутой шестерки», к которому принадлежит и Александр Терехов, сегодня зло нахмурено, живет стиснув зубы, прижав к бокам острые локти, никому не веря и надеясь только на себя. Пройдя сквозь строй — необязательно армейский (ипостаси его многочисленны), — состарившись на век, сумев так или иначе выломиться из строя и не сломаться, они накрепко решили для себя «кто виноват». Читать их произведения интересно, но спорить с ними в чем-то иначе пытаться переубедить их в чем-то — бессмысленно. Да и зачем? Они уже прожили жизнь, им все известно. Видимо, прав был Юрий Трифонов, однажды написавший в романе: «Мальчик Саша вырос и давно состарился. Поэтому никому ничего не надо».

«Silentium»

Философско-художественный альманах. Непериодическое издание философско-культурологической исследовательской лаборатории «Эйдос». Выпуск первый. Санкт-Петербург, 1991. Две тысячи экземпляров из ротапринта. Восемнадцать листов — солидно. Текст мелкий, не везде хорошо пропечатан, читать трудновато, что как бы совершенно нормально: багрянец с мелованной бумагой, пусть уходит на «Анжелику», лишь бы печатались — пусть и скромно — такие вот «непериодические издания».

Современная философия и культурология — вот что питает перспективные художественные течения, именно на ее базе возможно появление новых гуманитарных идей. Путь к русскому читателю ей как будто открыт. Мешают незначительные смешные подробности, как-то не явная, мягко говоря, нерентабельность этой литературы плюс злосчастная конвенционная цифирь «1974». И если книжным предпринимателям она глаз особо не выест (какая, в общем, разница, на чем заработывать — на ранней Дюма или на позднем Кинге?), то невозможность издавать, например, Дерриду — штука весьма неприятная.

Потому сочатся к нам эти тексты пока еще маленькими ручейками. «Вопросы философии» и «Человек» вдвоем этого пола не вспашут. Многое делала в прежние годы маломощная «Даугава». Работает в этом направлении свердловско-ленинградский «Лабиринт-Экс-центр». Вряд ли специалисты пришли в восторг от первого номера «Логоса», но тем не менее — начинание очень полезное. И, наконец, «Silentium» — издание, полностью посвященное принципиальным философским проблемам.

Читатель найдет здесь статью о Ж.-Д. Лиотаре, содержательный обзор Ю. Дорохова «Психоанализ и современная культура» его же подробную аннотацию книги Ж. Делеза и Ф. Гуаттари. Он прочтет в разной степени интересные тексты современных авторов — Л. Моревой, А. Говорунова, Н. Постоловой и других, эссе В. Бибихина о Данте и И. Савкина о Платонове, лекцию М. Мамардашвили. Встретит очередные фрагменты из «Бесконечного тупика» (подписанные на сей раз не «Д. Галковский», а «Д. Одиноков»). И так далее.

Выход этих текстов из университетских и академических кругов к более широкой публике — благо несомненное. Не столько для лабораторной философии, сколько для тех ее потенциальных потребителей, что не имеют надежных каналов общения с ней.

Может насторожить некоторый эклектизм: постмодернизм, Шестов и история французского религиозного дискурса как-то не намекают на единство модели. Следующие выпуски, впрочем, покажут, что это — ошибка концепции или какая-то ее особенность.

В. ЯРОСЛАВЦЕВ

У "МММ" НЕТ ПРОБЛЕМ !

МММ

ТОВАРЫ ОТ "МММ" -
ЛУЧШЕЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗА РУБЛИ !
Если Вы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи - Вы наш покупатель.
Торговый центр "МММ" - калейдоскоп товаров.
В РОЗНИЧНОЙ И ОПТОВОЙ ПРОДАЖЕ
парфюмерия, белье, одежда, обувь,
электробытовая техника, аудио- и видеоаппаратура
ПРОИЗВОДСТВА ВЕДУЩИХ ФИРМ МИРА.
Организациям и частным лицам оптимальные условия покупки :
за рубли, за наличный и безналичный расчет,
без предоплаты, с приложением инструкции на русском языке.

1 РУБЛЬ

Адрес: 109518 Москва, Газгольдерная улица. 10
Тел. (095) 171 06 90, 171 03 97, 171 13 81, 173 44 15

ТОЛЬКО БРОКЕРЫ "МММ"
всего за 2% с оплаты по результату обеспечат Вам МАКСИМАЛЬНУЮ ПРИБЫЛЬ в коммерческих сделках на 11 крупнейших биржах страны.

Тел. (095) 171 02 52

11

МММ BANK коммерческий объединение «МММ»

117335 Москва,
ул. Красикова, 27
Тел. (095) 425 34 41

КОММЕРЧЕСКИЙ "МММ"-БАНК —
ЭТО СОХРАННОСТЬ И РОСТ КАПИТАЛА.
Только "МММ" - БАНК ГАРАНТИРУЕТ
организациям и частным лицам
НАИВЫСШИЙ ПРОЦЕНТ по вкладам.

%

Александр КУШНЕР

■

«От финских хладных скал
до пламенной Колхиды...»
Не надо было нам писать таких стихов,
А надо было нам горячие обиды
Чужие, как свои, заглаживать, защиты
У ласточек искать, у кленов и дубов.

А надо было нам считать людей и, мраком
Дыша, их не делить на тьмы, и тьмы,
и тьмы...
Как страшно было мне
стоять под красным флагом!
Как море я любил в Крыму под Аюдагом!
Но «я» не смел сказать, а только:
«мы, мы, мы».

■

Будем считать, что во все времена одни
И те же люди — под разными именами.
Будем считать, что Антоний и в наши дни,
Заговор сколотив, кабинет шагами
Меряет грузными, в клетчатом пиджаке;
Будем считать,
что правитель обманут снова;
Будем считать, что построены на песке
Наши надежды на счастье,
что жизнь сурова,
Но иногда, очень редко, победу честь
Празднует и справедливость,
на зависть грусти;
Будем считать, что и Тацит меж ними есть,
Только фамилию носит на «ов», допустим,
И, заполняя свидетельствами тетрадь,
Пишет, что танки по улицам, как трамваи,
Ходят; по осени будем цыплят считать:
Все неизменно, особенно — негодяи;
Будем считать, что кизиловый куст одет
В те же густые одежки, а как иначе?
Будем считать,
что бессмертны стихи, что след
Не остывает: потрогай, какой горячий.

Санкт-Петербург

Из сумрака его, надеюсь, долгих лет
Мы выбрали тот век, когда, утратив имя,
Всего несчастней был он, в лозунги одет,
Трамваями обвит и страхами ночными.

И может быть, затем родились мы как раз,
Любя его сады и мокрые граниты,
В слепые годы те, что он нуждался в нас,
Как сильный человек, скрывающий обиды.

И помнить будет нас он долго, долго: след
Страданья смыть трудней,
чем счастья и удачи.
Так старые стихи читает кто-то: нет
В них, бедных, ничего...
а он над ними плачет.

■

Каких камней я дома не держал!
И халцедон, и палевый опал,
Не буду их расцвечивать словами —
И без меня им льстили, вспоминал,
В руке вертя их, черноморский вал,
Скалистый берег, грезящий стихами.

Со светляком сравнивший изумруд,
Ну как, скажи, его не вспомнить тут?
Другой лиловым отдал аметистам
Свою любовь, у третьего агат
На муравья похож, я им не сват,
Не брат, я рад в том хоре быть хористом.

Но у меня для них с недавних пор
Подарок есть, — клянусь, он может взор
Любой привлечь пресыщенный — гранита
Кусочек; праздник празднует рука:
Повержен председатель ВЧКа,
Оплачен счет, отомщена обида.

■

Крымские запахи,
как вы приятны в Европе,
Как неожиданны в Оксфорде
где-нибудь, в Киле!
Память лелеет их, ловит,
и жаждет, и копит,
И ничего, что нет мела, известки и пыли.

Если бы я переехал куда-нибудь в Цюрих,
Я бы там выжил, быть может,
за счет кипарисных
Кустиков этих и одури знойной, лазури.
Смел скипидарных и хвойных
и троп каменистых.

Я бы считал, что в Гурзуфе живу или Ялте,
Комнату сняв далеко, к сожаленью, от моря
И в октябре почему-то, и кланяюсь Марте,
А не Людмиле Семеновне,
с грустью во взоре.

Мне бы казалось,
что отдых слегка затянулся,
Прыгают буквы, —
должно быть, жара виновата,
Или такой любознательный текст
подвернулся:
Как на испуг реагируешь—знать ему надо.

■

В Ленинграде мне повезло родиться,
И умру, даст бог, в Петербурге,—город,
Сколько помню себя, как в воде, двоится,
Достоевская сырость течет за ворот.

Солнце похоронили — и вновь воскресло,
Для поэзии смерти, как видишь, нету.
Умирают — и вновь занимают кресла
Слушать Моцарта, кашлем мешать соседу.

Переглядываться с незнакомкой в зале.
Через двух в этом мире все, все знакомы.
Если б знал, где споткнусь
(а другие знали?), —
Все равно бы не подстелил соломы.

■

У любящих уж так заведено
Из одного стакана пить вино,
А это значит — мысли знать друг друга.
Все? Все. До самой тайной, что на дне.
— И самому ее не видно мне.
— Совсем не видно?
— Так, чуть-чуть.
— Хитрюга!

■

Зачем писать стихи на смертном языке,
Который все равно ни райским,
ни всемирным
Не будет? Лучше в сад пойти, накоротке
С кустом потолковать,
склоняясь к розам жирным.

В тени найти скамью и с книгой посидеть.
Прозаики еще порой переводимы,
И то не все; как дрозд, попал я в эту сеть:
Железные тиски и мрачные режимы.

Но что это? Пройдусь—и кажется: не зря
К столу я припадал,
весь слух и весь вниманье,
Как будто есть страна, где все без словаря
Понятно, где нас ждут,
исполнивших заданье.

Там чуткие стихи звучат не хуже нот,
Не требуя венца и премий для таланта.
У Пушкина люблю я в драме эпизод,
Где хвалит музыкант другого музыканта.

Так весело напеть чужое что-нибудь...
Черт знает, чем и как
кормили нас в трактире,
С кем в черном довелось нам встретиться—
забудь!
Что было, то прошло.
До встречи в лучшем мире!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Год назад не стало Инны Анатольевны Гофф. Известный прозаик, она была и незаурядным поэтом, на ее стихи написаны такие популярные песни, как «Русское поле», «Август», «Ветер северный», и другие.

Впрочем, именно песни Инны Гофф легли в основу сюжета ее рассказа, который мы предлагаем сегодня читателям.

РЕДАКЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Инна ГОФФ

Дар природы

РЕДАКЦИЯ журнала, в котором была помещена моя повесть, переслала мне по просьбе читателя его письмо. Писем на повесть пришло много, но это было особенное. Пришло оно из северного, окруженного лесами старинного городка, маленького, но весьма известного — строки о нем есть у Пушкина. Автор письма — назовем его здесь Александр Бояринцев — обращался ко мне с просьбой.

И просьба тоже была особенная — она касалась не самой повести, а моих песен, в ней упомянутых. Одной, в частности. Оно было из тех писем, которые невозможно оставить без ответа.

Впрочем, судите сами.

«Здравствуйте, Инна Анатольевна!

Под впечатлением прочитанного пишу Вам. Не знаю, как отважился беспокоить Вас, надеясь, что мое письмо дойдет. Я раньше слыхал о чудаках, которые через журнал, газету, радио, телевидение обращаются к писателям, артистам или пишут в Москву, имярек...

В общем, как на деревню дедушке. А оказывается, теперь в этой роли выступаю и я.

Вполне возможно, мое письмо покажется наивным, даже глупым, заранее прошу извинения. Значит, я не сумел объяснить то, что хотел.

Начну с того, что, прочитав:

Скоро осень, за окнами август,
От дождя потемнели кусты...

— не смог читать дальше сразу. Сейчас объясню.

Родился я в пятидесятом году. Затем школа, учеба в военном училище, работа, семейная жизнь. Все как у всех. Не могу сказать, что я любитель песен. Опять как все, да и петь я не мог, если только то, что в школьном хоре. Это потом, через много лет, я стал понимать, что значат песни для человека. Он растет, взрослеет, а они, песни, остаются там, в прошлых годах, и уже вспоминая какую-либо песню, сразу же вспоминаешь именно то время, которое уже прошло, не вернешь. А песни есть, осталась.

Вот пример — «Куст ракиты над рекой» — детство, начало учебы в школе. «Осенний свет, к чему слова, осеннем светом полна голова» — это уже пора взросления, десятый класс. Любая песня тех лет напоминает какого-то человека, близкого тебе. Опять же Ваш «Август». Так все совпадает — первый брак был неудачным и все произошло именно в августе.

Вот и подошел я в письме к самому существу. Сейчас уже новые времена, новые песни, но очень плохо то, что новых песен я знать не могу, а старые позабыл, растерял. Так, остались осколки музыки в душе. Вот в Вашем «Августе»: «Отчего же тоска тебя гложет»... и музыка. Я сейчас ее душой чувствую, какая она следует за Вашими словами. Но только душой! Слухом нет. Я глухой уже давно, двенадцать лет. Привык. Всегда говорю: «Бог с ним, со слухом, пережил и дальше так буду жить. Не слышу родных — другие способы общения есть». Но песен уже нет и не будет. Пусть я буду знать слова новых песен, но без музыки они немы. И вот чего жалко — старые песни, с которыми я рос, жил, любил, тоже ушли. Мотив знаю, а слов нет, да и где их найдешь?! Я имею в виду Ваши песни, Инна Анатольевна. И еще Льва Ошанина, помните? «У наших старых, наших маленьких ворот».

Слух мне никогда не вернуть, но хоть слова прошлых песен еще можно найти. Пусть мне будет сорок, пятьдесят, но я буду жить со своими песнями, новых-то уже не будет именно для меня.

Но нет текстов. Был в библиотеках, даже чуть и стыдно спрашивать-искать. Чего это глухой в песни ударился? Не смогу я каждому объяснить, что значат песни для меня, в моей жизни.

Если Вас не затруднит, пришлите, пожалуйста, свои песни-стихи, на которые была написана музыка...

Еще раз извините. Может, Вам письмо и не понравится по своей нелепости. Не знаю...»

И подпись.

Конечно, я тут же выполнила просьбу Саши — для себя я уже так называла его. И если бы наше общение с ним на этом закончилось, не стала бы, пожалуй, писать о молодом человеке, потерявшем слух и тоскующем по старым песням. Мало ли есть трудных судеб? Мало ли песен входит в чью-то судьбу? Конечно, понятно, что среди них есть и мои. То, что новое время приносит с собой новые песни, тоже не ново. Разве что в этом случае пословицу надо бы переделать: «Новое время — с т а р ы е песни». И от письма осталась какая-то щемящая нота...

Но вот прошел месяц, а может, больше, и я получила извещение на посылку. Аккуратный фанерный ящичек со знакомым уже обратным адресом. Дома я открыла ее, и мне в лицо пахнул свежий медово-сладкий запах. Тут были баночки с вареньем из земляники и лесной малины, и все густо пересыпано сухой крупной клюквой.

В посылку было вложено письмо. Я перечла его несколько раз, читала друзьям. Пересказывала его своими словами. И вдруг я поняла — это не просто письмо. Это невыдуманные истории, все из жизни. Вот и захотелось поделиться ими с читателем, как поделился со мной Саша Бояринцев. Не просто захотелось, возникла потребность в этом, как возникла она у Саши.

ПОТРЕБНОСТЬ поделиться.

«Здравствуйте, Инна Анатольевна!

Огромное Вам спасибо за присланное письмо, по правде говоря, я не ожидал, что Вы напишете мне.

Ради бога, не обижайтесь за эту маленькую посылочку. Просто это дары нашего леса. Уж какой год мы с мамой собираем ягоды, как сезон какой. Начинаем в конце июня земляникой и кончаем в сентябре — клюквой. Мама у меня старенькая: она очень любит собирать ягоды, но одну ее нельзя отпустить.

Спросишь у нее: «А мотоцикл где? В какой стороне?» (Всегда едем на этом транспорте.) Как правило, показывает в другую сторону. Уже в этот год Таня, моя жена, говорит, что все, хватит нам ягод, довольно по лесам ездить. А мама сразу мне: «Завтра не повезешь — пешком пойду!»

Этой осенью случай вышел такой неприятный. Сестры мои, обе старше меня, решили тоже ехать за клюквой. Мы с мамой приехали к ним на мотоцикле, это рядом здесь, семьдесят километров. У сестры муж там служит. Но на мотоцикле, хоть она и с коляской, вчетвером не поедешь. Муж сестры разрешил взять его машину. Новая, только в этом году купили.

Приехали к болоту, поставили машину в укромное место. До ягодных мест еще порядком надо идти. Брали-брали ягоды, да и удалились порядочно. Это всегда так. Болото большое, ягод много. За машину я не беспокоился — место малолюдное, да и к тому же не первый раз я сюда приезжаю.

Первой забеспокоилась сестра за свое добро. «Саша, а машину никто не тронет?» — «Да брось ты, там и люди не ходят, только я знаю это место». Как будто успокоилась. Но видно было, что думает. «А! Свою машину там бы не оставил без присмотра...» Через некоторое время подходит мама, спрашивает что-то. Сестер я понимаю, они могут на пальцах со мной общаться, а мама — нет. Да и если и захочет, ничего не получится — пальцы, натруженные работой, артикуляцию глухих не прочувствуют.

Понял только, что спросила про дорогу. «Ага! — говорю — Там еще по болоту одна тропа есть». Думал, ориентируется по местности. Ну, мама и пошла. Быстро так. Я еще вслед ей подумал — куда это побежала от ягод... Через минут десять подскакивает сестра: «Ты куда маму отправил?» «Да никуда, дорогу спрашивала, здесь рядом». Оказывается, мама пошумела к машине, как бы охранять ее. Услышала, что дочь беспокойство проявляет. А дорога-то, о которой речь, вообще в глубь болота пошла, а болото без конца и края! С ума сойти! Старуха и так между трех сосен путается, а тут пошла одна да еще в противоположную сторону. «Ну, девки, ездил я на мотоцикле и лиха не знал. Все, приехали! Это же страх божий — мать-старуху на болоте потерять». Кричали — бесполезно. И ягоды не милы. Долго рассказывать, что мы перетерпели. Машина стояла на месте, а мама, дав кругаля, к вечеру нашлась. Вот такие ягоды! Заканяся ездить, но маму не отговорить. Этот случай всех нас потряс, а она отдохнула — и через день снова речь о ягодах.

Инна Анатольевна. Вы спрашиваете обо мне, то есть о моей глухоте. Не люблю рассказывать о болезнях и не терплю людей, у которых, где бы то ни было, главная тема разговора — болезни. Да, заболел во время учебы в военном училище. Демобилизовали инвалидом второй группы. Умудрился еще и жениться. Родители подсуропили: «Ах, Саша, ты больной, она врач, всегда может помочь...»

Уже потом, при лечении антибиотиками, слух — как короза слизнула. От родителей мы уехали сюда, а стал глухим — и жена укатила. Так я и остался — ни кола, ни двора и ни здоровья. Осилил, так считаю. Дали квартиру. Поступил в Ленинграде в юридический техникум на заочное отделение. Конечно, трудно было, но диплом получил с отличием.

Мало того, в стенах техникума встретил свою будущую жену. Скоро уж будет 9 лет, как вместе, а кажется, год-другой живем.

Работаю, конечно. Как будто все есть для жизни необходимое. Даже мотоцикл, если считать это необходимостью. Но за все я благодарен жене Тане. Хорошо — радуется, что-то плохо — всегда найдет слова одобрения, поддержки. А для меня это много значит. Теперь люди черствее стали. Раньше, говорят, при меньшем достатке сплоченней были. Ну, ладно. Чего судить о других? Давайте я еще о себе расскажу.

В общем, так. Самое главное увлечение мое, к огорчению Тани и мамы, это рыбалка! Зимняя, летняя — все равно, лишь бы рыба была в озере.

Ловили вдвоем с товарищем в феврале. Пришли на озеро. Наша область считается краем озер. Много их у нас, и больших, и маленьких. После обеда пошел мягкий снег, поднялась круговерть, и две вороны, видя, что больше им ничего не отломится, косо вдоль берега потянули к лесу. Умные такие вороны, любят быть вблизи рыбаков.

Нас двое было на озере. Вороны улетели, даже как-то пусто стало. Деревня далеко, и идти до автобуса далеко, через деревню километров пять будет. Щуки — их наловили довольно много — казались на льду головешками от костра, разбросанные по-разному и припорошенные снегом. Решили завтра вновь приехать сюда, жерлицы оставили и, погрузив рыбу в рюкзаки — пришлось на каждого по двадцать с лишним штук, — тронулись домой.

Идти через деревню — это лишние три километра, и мы, предполагая, что есть дорога прямее, через лес на шоссе, пошли прямо к лесу. Дорогу нашли быстро. Видно было, что пользовались ею редко. Кто-то проехал в легких санках, и по полузасыпанным следам полозьев пошли и мы. В лесу снег не так заметно падал, быстро вечерело, и за каждым поворотом дороги ожидалось увидеть деревню, по которой проходило шоссе. Товарищ мой отстал. Решив, что вернее ждать его у автобусной остановки, я пошел быстрее. После леса открылось поле, а уже за полем деревня, нужная нам. Но входили мы в нее с другой стороны, как бы с тыла, что ли. Прямо через поле смотрели на лес два дома. Один из них был ухожен, обшит тесом. Гараж, хозяйственные постройки покрашены серой краской, все закрыто, заколочено до лета. Дача, догадался я. Места красивые, озера рядом, из Москвы, Ленинграда приезжают сюда. Другой, второй дом — полная противоположность первому. Дряхлый такой дом, при зимнем вечернем свете он угрюмо смотрел окнами на поле, лес, и я заметил, что кто-то из окна наблюдает, как я подхожу к деревне. Дорога летняя, и, конечно, смотрящему из окна удивительно было, кто это идет, согнувшись под тяжестью рюкзака. Занавески на окнах были старые, такой пожелтевший тюль, и кто-то, смотря на меня, легонько их отвел в сторону. Я догадался, что, самое вероятное, там, за окном, какая-нибудь дряхлая бабка. Много таких бабок живет в глухих деревнях. Не дождались мужей с войны, так и коротают свой век. Летом дачники приезжают, туда сходила, там посмотрела. Пенсия маленькая есть, жить можно. А вот зимой скука им тошная, ни дровинки, ни водинки. Зашел я как-то летом к такой бабке, тоже шел с рыбалки. У меня тогда еще слух был. Попить попросил.

— Бабушк, а что это вода у тебя такая невкусная, тухлая?

— Кормилец, где ж ей вкусной быть? Из дождя.

— Как из дожди?

— А так. Колодец далеко, мне не принести, а вот дождь идет и с крыши в бочку всегда попадает.

— А зимой?

— Ну, зимой легче, снегу много...

Да, вот и живут бабки, так Хорошо еще, когда соседи помогут, дровишек привезут, хлеба купят. Но вот чтобы идти жить в дом престарелых, и разговора не заводи. Слушать не будут. Здесь сама себе хозяйка — хочу лежу, хочу иду. А там и кормят по часам, и все не так.

Вот и моя бабка. Смотрит из окна, и, конечно, вопрос: что это за человек из леса вышел, а там и второй виднется?

Уже проходя мимо дома, убедился, что там живет старая-старая бабушка. По снегу цепочка следов, хозяйственные постройки полуразобраны, пущены на дрова, радио не подведено и электропроводка обрезана. Бабушка или сама не захотела пользоваться электричеством, урезать часть своей пенсии, или за долгую неуплату обрезали. И такое бывает.

Боже мой, и труба рассыпанная, и одно окно подушкой заткнуто. Как же она живет?! А сам уже мимо прошел. Надо бы бабке рыбки дать, но боюсь опоздать на автобус — последний в этот день. С тем и дальше пошел. Посидел на остановке, товарищ подошел, а у меня эта бабка в голову вбилась. Как же она там? И печка, наверное, холодная. Что ж я рыбки не дал? Ведь мог — все равно дома соседям раздаю. И автобуса нет. Идти обратно? А вдруг опоздаю?

Подошел автобус. Через час я был уже дома. Расстроился крепко, даже с товарищем смурно простился до завтра. Что же я рыбы пожалел! Пожалел? Нет. Некогда было! А другой голос: «Да, некогда... Не захотел останавливаться».

Дома ждала меня жена, тепло ванной, вкусные запахи кухни... Стоя под душем, опять с болью в душе думал: а бабка как же сейчас там? Наверно, на холодной печке. А ты бы дал рыбы, она бы сейчас уху варила, косточки обглодала, тебя бы вспоминала.

Как было тяжело! Жене я ничего рассказывать не стал. Чистил рыбу, а бабка на холодной печке из ума не выходила. Хоть брось все и едь туда, обратно. Весь вечер был тягостный — что же я рыбы бабушке не дал!

И если казнить себя, то до конца. Вспомнилась другая бабка, тоже на моей совести. Грех, который себе никогда не прощу.

Утром выехал рано, дорога пустая, машин мало. Попутная попадется — указатель поворота, взгляд в зеркало, руль влево, газ, вправо и опять прямо. Темп стабильный, хоть и спешить особо не было причины.

В одной деревне у дороги стояла бабка с палкой в руке, в фуфайке. Голосовала. Пока думал — брать или не брать, — сам мимо, даже ногу с акселератора не снял. Успокоил себя, что автобусы еще только пойдут все.

А бабка не просто голосовала, она в пояс кланялась мне. Что ей за причина была ехать, это я потом уже обмозговывал, «задним умом». Быть может, горе. Она кланялась мне, как барину какому, а я мимо. Откуда знать, что ее и автобус возьмет, не все автобусы останавливаются... А поворачивать поздно, далеко отъехал.

Давно уже это было, все до сих пор душу сосет. Не люблю вспоминать.

А здесь то рыбы мог дать. И здесь я мимо?

На другой день уговорил товарища идти назад дорогой, где вчера шли. Ему рассказывать ничего не стал. Запросто и позубоскалить может.

Пошел еще быстрее, чем вчера. Уже на озере отложил в пакет рыбы. Бабушке. Опять за полем показалась деревня, но занавеску никто не трогал. Не ждала бабушка, что я зайду. Я и решил не заходить, вдруг какие у нее сени темные, а я глухой, только бабушку напугаю. Решил, подойду, постучу в окно: «Бабушка, выйди, рыбки тебе принес». Сам себе я даже понравился.

Опять так же быстро стемнело, на окне, заметил, лежит кот. Еще подумал, что бабушке хватает продовольствия и кота держать. Подошел к завалинке и хотел постучать, еще отметил в уме: рамы не двойные, холодно же зимой.

Но вдруг в том месте рамы, где хотел постучать, вообще стекла не оказалось. Даже удивиться не успел. Глянул в проем окна, а на полу снег, балки осыпаны, печка разрушена. Сто лет в доме никто не живет. Нет там никого! А я так сердце себе этой бабкой измаял! Будь лет на двадцать меньше, расплакался бы, честное слово. Так обидно было. Называется, сделал хорошее дело. Хоть эту приготовленную рыбу в проем окна бросай.

Вчера и не смотрел никто. Это вечерний ветерок в незастекленном окне слабо отводил занавеску, а мне показалось — рука человека. Вот тебе и бабка! А на подоконнике лежало голенище от валенка, и я при своем отличном зрении подумал издали, что это кот.

Да, и сейчас досадно. Вот уже снова лед на озере, снова на то озеро вскоре поеду, но уже той дорогой никогда не пойду.

Делай доброе дело сразу, а не погодя.

Утомил я письмом Вас, Инна Анатольевна. Таня меня ворит за длинные письма родственникам, говорит, их, такие длинные, читать неинтересно. Но я читать люблю, а уж писать тем более. Так что не обессудьте, пожалуйста. Слабость моя...

Всего Вам и Вашей семье хорошего.

С уважением...»

И подпись.

НЕ РАЗ я возвращалась мыслями к этому письму. К северному городку, где живет Саша Бояринцев — будем по-прежнему называть его так.

«Не обижайтесь за эту маленькую посылочку, — писал Саша, — просто это дары нашего леса».

Понимал ли он, что главный его дар для меня было само это письмо? Северная озерная глушь. Одинокие старики. Нелегкая судьба и болезнь, которую человек сумел победить, преодолеть. «Осилил, так считаю», — пишет он. Да, осилил. Пусть он потерял слух. Но сколько глухих с прекрасным слухом! Сколько глухих ко всему истинному! Красоте родной природы. К голосу собственного сердца. Голосу совести. К чужой беде. Всем этим он обладает в полной мере.

Читая его письмо, невольно задумываешься о себе. О своей жизни. О несостоявшихся замыслах. О несовершенных поступках. Кроме того, в письме присутствует собственно дар рассказчика, этот волшебный дар природы. Литературная одаренность человека, щедро тратящего этот свой дар на длинные письма родственникам. Почудился мне этот дар в письме Саши Бояринцева. Но написать ему об этом я не решилась. А теперь думаю — не пожалею ли потом? Ведь чаще сожалеем о том, чего не сделали.

Публикация К. ВАНШЕНКИНА

Юлий КИМ
Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Герцен: с того берега

Ирина ЖЕЛВАКОВА

ПОИСКИ И НАХОДКИ В АМЕРИКАНСКИХ АРХИВАХ

АПОГЕЙ борьбы за Герцена и его наследие, как правило, приходился на эпохи крутых общественных пересозданий. Вот и наши дни не обошли вниманием лондонского изгнанника, причем разброс оценок в прессе — от площадных ругательств, гнерических притоптываний у изголовья «разбуженного декабристами» до прямого водворения в сан пророка, русского Нострадамуса, прозорливо предсказавшего последствия социалистических упований. Спору нет, у Герцена можно почерпнуть многое. Главное — не создать новых мифов.

Идеологическая маска, прочно надетая на Герцена в советское время, не могла не деформировать его облик. Тем не менее фундаментальная работа ученых по сбору и публикации рассеянного по миру герценовского наследия не прекращалась. Архивы пополнялись, сочинения издавались («Былое и думы» — с крамольной главой о «марксидах»), вышли факсимильные издания Вольной русской типографии, бесценные тома «Литературного наследства», тридцатитомное собрание сочинений, феноменальная пятитомная «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена». В Москве наконец открылся музей (Филиал Гослитмузея), да еще в эпоху, менее всего располагавшую к принародному чествованию диссидента и эмигранта. Так что к нынешнему 180-летию со дня рождения писателя герценоведение пришло с объемистым документальным багажом, но лакуны в нем все же есть.

Почти не освоенным архивным материком для нас оставалась до недавнего времени Америка. Не удавалось до поры проникнуть в Гуверовский институт революции, войны и мира при Стэнфордском университете. Не было возможности поработать там в архиве признанного знатока русской, советской истории и политики Бориса Ивановича Николаевского. Ничего не знали мы и о семейных собраниях американских потомков писателя, так как мало было известно о той ветви родословного древа Герценов, что укоренилась в США.

И вот новые времена — новые ветры. Я — в Америке. (В ноябре 1987-го приглашена праправнуком Герцена Михаилом и его женой Маргаритой, живу в их доме в Рейдвуд-Сити, совсем недалеко от Стэнфорда.) Допущена в Гуверовский институт, работаю в архиве Николаевского, хожу по улицам соседнего со Стэнфордом города Менло Парк, где еще недавно видели статную фигуру «великого архивного старика» (Николаевский умер здесь в 1966-м)... В 1989 году двери Института Гувера открываются перед Н. Я. Эйдельманом. Домой им привезено более 25 кг ксерокопий[1]. Блистательный отчет в ЦДЛ о новых находках. 18 октября доклад в Доме-музее Герцена. Последний, за 40 дней до смерти... Тогда мы еще говорим, что неплохо бы написать о новонайденном «вокруг Герцена»...

Легенда о чемоданах

Из биографии Николаевского становится понятным, почему более чем на полвека его имя в СССР было стерто с печатных страниц. Директор историко-революционного архива с 1917-го, он как меньшевик уже сидел в очередной раз в тюрьме, когда вышло ленинское постановление 1921 года о создании Института Маркса — Энгельса. Вновь назначенный директор ИМЭ Д. Б. Рязанов доложил правительству, что лучшего специалиста, чем Николаевский, он не знает... Николаевского освобождают, направляют в Берлин, где он успешно работает для института вплоть до 1931 года. Нарастающий шквал репрессий, связь Николаевского с семьей А. И. Рыкова (он его сваяк) резко меняют его судьбу. Николаевский — «невозвращенец». В Москве остается его престарелая мать, связь с которой не прерывается даже в самые страшные времена. И вот примерно году в 1938-м она получает от сына важное письмо, которое становится известным видным ученым Б. И. Козьмину и С. А. Макашину. Через много лет Сергей Александрович вспоминает: «Б. И. Николаевский очень взволнованно сообщал матери, что он только что приехал из Швейцарии в Париж и привез с собой драгоценные архивные материалы...» В разговоре с нами в 1986 году С. А. Макашин уточняет: «Речь шла о чемоданах герценовских бумаг, которых хватило бы на несколько томов «Литературного наследства». Но что за материалы были в этих чемоданах, долго оставалось тайной. Так родилась легенда, будоражившая не одно поколение герценоведов.

После прихода к власти фашистов Николаевский из Берлина перебирается в Париж, а затем после оккупации Франции в 1940-м году едет в США, куда увозит сотни тысяч собранных им документов. В Стэнфорде он получает профессорскую должность и неограниченную возможность расширять архивы Гуверовского института. Сюда же попадает от вдовы Николаевского А. М. Бургиной и личное собрание его бумаг.

Ныне, когда «Литературное наследство» приступило к заключительному этапу многолетней работы по публикации материалов, пришедших из-за рубежа и найденных в нашей стране, некогда распавшийся огромный герценовский архив обретает свою цельность и полноту в этом крупнейшем источниковедческом издании. Но какой ценой?

Работа С. В. Житомирской [illegible] архиве Герцена и Огарева [illegible] турное наследство», т. 96, [illegible] кропотливо расследовавшей [illegible] нейшую историю [illegible] риалов, многое прояснила.

В сентябре 1[illegible] года в [illegible] скончалась старшая дочь Герцена Наталья Александровна. [illegible] к советскому режиму [illegible] пытки [illegible] ский архив. [illegible] отправились в Прагу. [illegible] ле войны [illegible] распоряжалась [illegible] ва, ей принадлежавший, [illegible] музей, и в марте 1[illegible] году [illegible] отправились в Москву. [illegible] ся в Москве. [illegible] до случайности [illegible] в октябре 1956 года. [illegible] Герцен, [illegible] обратился в советское посольство в Праге с предложением [illegible] мейный архив. [illegible] В. Д. Бонч-Бруевичем, [illegible] директором Литературного [illegible] [illegible] архив был 1[illegible] год. [illegible] Бонч-Бруевича [illegible] что он даже не смог открыть большевикам, и к меньшевикам. Бебутов был тверд в решении ничего не отдавать в Россию (у Ленина было желание «завладеть архивом») до тех пор, пока русские социалисты не будут едины. А поскольку этого случиться не могло, в Россию архив не попал, а следы большей части его бумаг где-то затерялись. Однако Николаевскому удалось все же заполучить на собрания [illegible] какие материалы, и в частности бумаги редакции журнала [illegible] «Вперед». Здесь обнаружились [illegible] письмо Огарева [illegible] обращения, адресованные, кстати, В. И. Смирнову, секретарю журнала, ставшему в 1877 году [illegible] Лаврова.

«[illegible] посылаю вам 4 нумера [illegible] Ведомостей. Надеюсь, [illegible] в уме давно не видал; а [illegible] станем опять возвышать [illegible] ность. По крайней мере с этою посылкою Москва. Ведомости [illegible] не чаю вовсе расстаться в [illegible] и военно и универ[illegible] уставы, которые [illegible] сберечь, как мерзость, о которой еще придется говорить...»

Журнал Лаврова, создававшийся под живым впечатлением от «Колокола», вышел в Огареве проверенного [illegible] «Ваш совет, как друга и товарища Александра Ивановича для нас закон», — писал Лавров Огареву. В 1875 году, незадолго до смерти Огарева, состоялось [illegible] Огарева, [illegible] и [illegible] к [illegible] старается выбрать Смирнова и Лаврова хоть какой-нибудь информацией, которая используется [illegible] в [illegible].

Об архиве Бебутова Н. А. Герцен, работавшая с М. Лемке над собранием сочинений отца, узнала от В. Фишер. На запрос дочери Герцена «нет ли чего-нибудь относящегося к его памяти и неизвестного публике», управляющий архивом Г. М. Вяземский отвечал 28 июня 1913 года: «В архиве-музее... имеется специальный отдел Герцена, в который мы собираем все, что относится к памяти Александра Ивановича». Письма Вяземского оказались в ЦГАЛИ и частично опубликованы, но все ответы и запросы другой стороны обнаружились в Гуверовском архиве: 22 письма за 1913—1914 годы Н. А. Герцен к Г. М. Вяземскому, оказывавшему ей неизменную поддержку во всех ее разысканиях. Наталья Александровна тоже не остается в долгу: дарит музею то фотографию Герцена, то «Полярную звезду», надписанную им немецкому литератору Боденштедту, не весть как оказавшуюся в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге.

В Калифорнии неожиданно вытягивается еще одна ниточка, важная для истории архива Герцена и его семьи, и события разворачиваются непосредственно в Рейдвуд-Сити.

Встреча с Достоевским

Герцены в Калифорнии! Как они там оказались? А фамилия Зоти, входящая в герценовское родословие?.. Нам ведь о ней почти ничего не известно. Да и М. Лемке не знал: редко когда не осведомленный, справлялся у Н. А. Герцен в 1913 году: «Нельзя ли снестись с какой-то Зоти, у которой, говорят, есть рукописи и письма?», и Наталья Александровна отвечала, что мадам Зоти 3—4 года назад умерла, что ее отца она не знала, а про рукописи никогда не слыхала.

Через много лет на мои вопросы отвечал Михаил, праправнук Герцена, филолог по образованию, знающий русский язык, он составил даже родословное древо, ветви которого раскинулись в США.

История американских Герценов начинается с его бабушки, дочери Константина Михайловича Зоти Елены. Лоты, как все ее звали в семье, Красива, богата, независима ездила по Европам, о замужестве не помышляла. Но в году 96-м отец вызвал дочь домой, в Кишинев, чтобы наконец выдать ее замуж. Он уже знал сына Герцена — Петра Александровича и полагал, что партия вполне подходящая. Да и Петр был в Лоту влюблен. 21 апреля 1898 года сыграли свадьбу. Поселились в России. Пошли дети. Старшая — Елена (Милюся), Александр и Константин (отец Михаила). И вот однажды, в 11-м году, когда в семье уже чувствовался разлад, Лота собирает детей, говорит домашним, что отправляется на курорт, а сама снаряжается вовсе не [illegible], ибо намерение имеет [illegible] в Америку. Понравилось и климат для детей подходящий. Поселилась в Калифорнии. Дети выросли и обзавелись, как [illegible], собственными детьми. Та [illegible] стала родоначальницей [illegible] фамилии Герцен. Я [illegible] познакомиться с ее дочерью [illegible] Еленой Петровной [illegible], жившей в 1983 году. [illegible] раннего, предложившего [illegible] дом, я много [illegible] трагической и счастливой судьбе американских Герценов.

Удача поджидала меня и в Сиэтле, в доме [illegible] Герцена Антуанетты Рист [illegible], переехавшей из Франции в США. [illegible] буду описывать подробности этой истории (рассказ [illegible] в журнале «Советская музыка» № 6, 1990) [illegible] старых семейных фотографий [illegible] одна выпорхнула [illegible] знакомый Достоевский. На обороте — надпись: «Александру Ивановичу Герцену в память [illegible] Лондоне от Ф. Достоевского. [illegible] 20 июля 1862 года».

По «Летописи» жизни Герцена выходит, что Герцен и Достоевский виделись в Лондоне дважды — 19(1) и 19(7) июля. [illegible] июля можно записать в [illegible] данных отношениях. [illegible] ссылку Достоевского побывать у Герцена в Лондоне. [illegible] встрече остался [illegible] «Время» с «Записками из Мертвого дома», который Достоевский подписал и поднес «Александру Ивановичу Герцену в знак глубочайшего [illegible] автора». При второй [illegible] Герцен подарил Достоевскому свою фотографию «В знак глубокой [illegible] от А. Герцена. 19 июля 1862 года». Теперь знаем, что и Достоевский не остался в долгу. Он подписал Герцену фотографию, которая через 125 лет обнаружилась в калифорнийском городе Окленд.

---

[1] Часть материала опубликована вдовой Н. Я. Эйдельмана Ю. Мадорой-Эйдельман в «Огоньке» (№ 28, 1990).

[1] С сожалением отметим, что подготовленные к печати два очередных герценовских тома лежат мертвым грузом в издательстве «Наука».

[1] Сейчас нет не только музея в Покровском — нет почти и дома, исчезающего после трех пожаров, и все призывы общественности восстановить его результата не дали. Может быть, появятся новые радетели?

Позвольте вам не позволить

С. ЛОМИНАДЗЕ

ПОЛЕМИКА С «СОМНИТЕЛЬНЫМИ УРОКАМИ...» П. ВАЙЛЯ И А. ГЕНИСА

В СВОЕ ВРЕМЯ манифест «Пощечина общественному вкусу», призвавший «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности», наделал много шума. Ныне и Русь не та, и русские не те, как товарищ Жданов сказал. Недаром одного классика русской поэзии сбросили-таки с Парохода, и никто не ахнул: «Человек за бортом». Влепили звонкую пощечину общественному вкусу — и никакой реакции: то ли общество пропало, то ли вкус, то ли то и другое вместе.

В самом деле. Откройте литературоведческую новинку, бестселлер «Родная речь», адресованный «учителям-словесникам, учащимся старших классов и всем любителям хорошей прозы». «Хорошей прозой» в эссе о поэте Лермонтове вам разъяснят, до чего же плоха его поэзия. «Так мыслитель он был оригинален», но вот беда — не мог толком уложить мысль «в правильную стихотворную строку, мысль блекла, терялась, исчезала». «В результате возникает впечатление, что мыслит один, а пишет — другой». Как именно пишет, изображено с тонким юмором: «Твердо зная, что новую строку надо начинать с прописной буквы, а перед «что» ставить запятую, Лермонтов точно так же знает — какими словами следует описывать закат, какие выражения приличествуют любви, каких эпитетов требуют печаль, гнев, восторг». Вот он и «пользовался готовым набором метафор и эпитетов по необходимости — как знаками препинания, которые тоже давно придумал кто-то другой». Кроме того, Лермонтов пользовался еще и «набором слов», «привычным набором слов», «привычным стиховым набором», «расхожими оборотами», «готовыми словесными блоками», «всем романтическим комплектом», «набившим оскомину комплектом», прибегал к «романтическим же вскрикам», впадал в «клишированный пафос и напыщенность» и т. д. и т. п. «Концентрация штампов — пародийная» (о стихотворении «Не верь себе»). Концентрация понятий «штамп» с его синонимами и производными в суждениях о поэзии Лермонтова — уникальная. А что поделаешь, если штампы в ней неизбежны, как запятые. «Любая свежая мысль, любая оригинальная эмоция — тонут в потоке бесчисленных штампов, разбросанных по лермонтовским правильным стихам» «Мцыри» и «Демон», к примеру, «написаны тем же размером, что и «Евгений Онегин», но бесконечно более плоски, монотонны, скучны» (хорошо хоть одобрен «Онегин», который тоже «плоск, монотонен, скучен», но бесконечно менее «Демона»). В «Бородине» — «простодушный патриотизм», «оперные солдаты». «Не верь себе» еще и тем досаждает, что ведь «вся эта банальность кажется штампованной не только XX веку. Она была затерта и в лермонтовские времена: такими строками украшали уездные альбомы поручики и студенты»...

Словом, рядовой графоман с романтическим уклоном. Причем «в поэзии и в жизни»: «жаргону», который «составляет большинство стихотворений и поэм Лермонтова», соответствует «этикет», определяющий «поведение». («...Жаргон составляет большинство стихотворений...» — «хорошая» ли это «проза», родная ли это речь?) Недаром «при чтении всего Лермонтова видно, изная ли него разница — ПИСАТЬ СТИХИ или ПИСАТЬ». Глубокомысленно, не правда ли? Легко теперь сообразить: почему для Лермонтова «уместны и даже обязательны» и «вывернутая светская поза», и «извращения в стихах»? Потому что он «писатель стихов». Тот, кто «следует норме, этикету, традиции, порядку вещей» (почему следование «порядку вещей» ведет к «извращениям в стихах», спрашивать не будем). По той же причине Лермонтов написал и «знаменитый «Парус» — потому что «писателю стихов можно и нужно быть утомительно и лживо разочарованным...». Вообще все-то Лермонтов «знал заранее и во всем наперед был разочарован. Ничто его не веселит: «И наконец я вчерашнего моря, но кто поэта обманул?.. Я в роковом его просторе великих дум не почерпнул». (Через столетие Ильф и Петров напишут: «Горы не понравились Остапу».)»

ТУТ САМАЯ пора назвать авторов «Родной речи»: П. Вайль и А. Гениса. Момент удачный, поскольку их уподобление Лермонтова Остапу Бендеру, по-моему, автопортретно. «Сталин — это Ленин сегодня». Вайль и Генис — сегодняшние Ильф и Петров. По крайней мере они так же все знают о своем персонаже, как Ильф и Петров о своем. Правда, я бы для этой «пропорции» избрал другого героя неувядаемых сатириков. «Писатель стихов» у Вайля и Гениса с тем же успехом представляет лермонтовскую поэзию, с каким русскую интеллигенцию у Ильфа с Петровым олицетворяет Васисуалий Лоханкин.

При этом очевидно, что предмет внимания Вайля и Гениса не только поэзия Лермонтова как таковая. В любой из глав книги, посвященных тому или иному классику, просматривается сверхзадача. С наибольшей прямотой она выражена в одном из «текстов», которые, как сообщила недавно «Независимая газета» (издатель «Родной речи»), авторы «прочитали на презентации своей книги в Москве» и которыми их «блестящие и остроумные эссе о русской литературе вполне могут быть пополнены» («НГ», № 18). В здесь же публикуемом «тексте» А. Гениса многообещающе озаглавленном «Сомнительные уроки классики», сомнению первым долгом подвергнуто представление о том, что «для разобщенного народа в эпоху великой духовной смуты классика, нетленные, бесспорные шедевры являются последним бастионом, последней опорой», что поэтому именно у классиков «ищут утешения, надежды и поучения». Генису «такая аргументация напоминает заклинания: так что в пору великой смуты не взывали (по-блоковски) к Пушкину: «Помоги в немой борьбе...», не смеши остроумных людей (хоть так и подмывает им в простоте душевной сказать «Что не вы господа хорошие: «последняя опора» оставалась — и ту хотите отнять? Позвольте вам не позволить!»). А все дело оказывается, в том, «что титаны нашей словесности жили в другое время. Что Достоевский не знал ГУЛАГа, Некрасов — колхозов, а Толстой не слышал про атомную бомбу. Тот факт, что со всем этим знакомы мы, делает нас не умнее, но умудреннее». Ну, если на то пошло, меня лично одна «Забытая деревня» Некрасова больше просвещает в плане «колхозов», нежели горы статей иных современных публицистов. В принципе же свежее наблюдение Гениса восходит к значительно более давнему тезису насчет сапог и Шекспира (трубочистов и Апеллеса и так далее) и к теоретической полемике не располагает. Могу лишь опять-таки поделиться собственным опытом. Достоевский действительно «не знал ГУЛАГа», но, получив 10 лет по 58-й статье и впервые прочитав «Братьев Карамазовых» за месяц до выхода из зоны (в начале 50-х), я почему-то не почувствовал себя «умудренней» Федора Михайловича — наверное, мало просидел. «Толстой не слышал про атомную бомбу», а все же «утешения, надежды и поучения» хочется искать в «Хаджи-Мурате» или «Анне Карениной», а, допустим, не в «Маме» и нейтронной бомбе». Генис между тем припечатывает: «Будущее классиков — наше прошлое (в нашем настоящем им места не находится — С. Л.) То, что мы продолжаем искать у них ответы, говорит не столько об уважении к классикам, сколько о неуважении к себе».

СВЕРХЗАДАЧА «Родной речи» и заключается в том, чтобы вернуть нам уважение к себе. Чтобы отучить нас наконец искать у классиков «ответы», вникать в их «уроки» и т. д. и т. п. Книга реализует эту сверхзадачу прежде всего тем, что сама демонстрирует собой безупречный пример отсутствия живого интереса к упомянутым «урокам» и «ответам». Живейший интерес проявлен именно к тому, чтобы нас от них отвадить. А. Синявский пишет в предисловии, что книга «предполагает, что чтение — это сотворчество. У всякого — свое». Сотворчество Вайля и Гениса с Пушкиным и Львом Толстым, Гоголем и Чеховым налицо. Но запомнился оно в основном упорными попытками заменить прежние «уроки» прямо противоположными. Кто бы, скажем, мог подумать, что фонвизинский «Митрофанушка и его родители — единственное светлое пятно в пьесе»? А что? «Живые, полнокровные, несущие естественные эмоции и здравый смысл люди — Простаковы — среди тьмы лицемерия, ханжества, официоза». Поистине луч света в темном царстве — задолго, задолго до просиявшего Добролюбову. Или: знали мы, конечно, что «положительные герои» «Недоросля» вышли куда бледней «отрицательных», да не зрили в корень, не догадывались, что «конфликт» между «угрюмыми и косными силами, собранными вокруг Стародума», и Простаковыми — это конфликт между «авторитарным и свободным сознанием». И как знаменательно, что Стародум сходится с Солженицыным в «подозрительном отношении к Западу: тезисы Стародума могли быть включены в Гарвардскую речь, не нарушив ее идейной и стилистической цельности». Сам «язык» Стародума и «положительных героев» выдает их идейное кредо: «В конечном счете понятно, что только такие люди могут вводить войска и комендантский час». Тарас Скотинин, надо полагать, ввести комендантский час не сможет.

Привел пример из комедии, приведу из романа-трагедии. Вспомним эпизод «Преступления и наказания», где Раскольников излагает свою «главную мысль» о «делении людей» «на два разряда»: «на низший» («обыкновенные» люди, «материал») «и собственно на людей», не способных сказать «новое слово». И среди них — «великих гениев», «законодателей и установителей человечества», тех, кто «для своей идеи» имеет «право на преступление» и может «по совести» «перешагнуть через кровь». Авторы «Родной речи» заявляют, что, когда герой, перечисляя «законодателей и установителей человечества», «упоминает Линкурга, Солона, Магомета и Наполеона», — «бросается в глаза отсутствие одного имени: нет Христа. Этим красноречивым умолчанием Достоевский задает крайне провокационный вопрос: а не был ли и Христос преступником — «уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушал древний, свято чтимый обществом»?» Лихо! А главное — в точку, в самое яблочко. Никто до сих пор не поражался, что в одном ряду с людьми, да еще, как сказано в романе, с «такими людьми, которые других-то резать право имеют», с «особенно страшными кровопроливцами» вроде Наполеона, не назван у Достоевского Сын Божий. Никому это доселе в глаза не бросалось, но дождались-таки — бросилось, да еще вместе с «красноречивым умолчанием» классика, от чьего лица и можно теперь поставить «крайне провокационный вопрос».

Вопрос, впрочем, риторический: Вайль и Генис убеждены, что Достоевский «видит в Сыне Божьем... прообраз своего героя». Ведь Раскольникову, чтобы стать «всечеловеком», «завершителем человечества» (его «идеал»), «нужно принять на себя грехи человеческие и тем изжить их. Его преступление, в парадоксальной этике Достоевского, смыкается с величайшей жертвой. Смертный грех — цена освобождения от истории, цена Нового Иерусалима», в который, по мнению авторов, Раскольников «свято верит».

Распутывать эту логику хлопотно, но вывод из нее, думается, однозначен: в том, что Раскольников зарубил топором старуху-процентщицу с Лизаветой, Достоевский видит его подобие Христу, принявшему крестную муку во искупление грехов человеческих. Так «начинается важнейшая для Достоевского тема «Христа-преступника», которая мучила его всю жизнь и которую он пытался решить в образах Ставрогина и братьев Карамазовых» (неизвестно, правда, вместе ли братья Карамазовы решают «тему Христа-преступника» или поодиночке, все ли они в этом участвуют: Алеша, к примеру, тоже наполовину «преступник»? Смердяков тоже наполовину «Христос»?..).

СЛОВ НЕТ, такое приобщение к «урокам классики» с обратным знаком впечатляет. Но наибольший интерес представляют, на мой взгляд, все же не наоборотные трактовки прозы. Проза, как известно, требует мыслей и мыслей, тут есть за что зацепиться в ответ Вайлю и Генису. В случае с тем же Достоевским все-таки что-нибудь да значит, что он десятки лет размышлял не о том, «был ли и Христос преступником», а о «сияющей личности» Христа, «пресветлом лике богочеловека, его нравственной недостижимости, его чудесной и чудотворной красоте». Да и в самом романе «Преступление и наказание» при всей его сложнейшей проблематике духовные полюса ясны (иначе и органическая сложность рассыпалась бы). Ясно, что Христос скрыто присутствует в романе, не дополняя ряд Наполеонов-«кровопроливцев», а противостоя ему, и ясно, зачем он присутствует в романе открыто — в знаменитой сцене «чтения вечной книги» («Нового завета в русском переводе»), цитируя которую, кстати, Достоевский «от себя» подчеркнул (как и в своем экземпляре Евангелия) слова Христа: «Я есмь воскресение и жизнь». В общем, сам роман, стоит его раскрыть, с несомненностью докажет, что Христос Завет читается в нем не в развитие «парадоксальной этики» с целью подвигнуть Раскольникова на новую «величайшую жертву» в виде убийства или иного «смертного греха» и что «прообраз своего героя» Достоевский видел не в Сыне Божьем, а в умершем Лазаре, которого воскресил Христос. Так — в прозе. А как быть с поэзией, когда вопрос встает не о трактовке поэмы или стихотворения, а о самой поэтической ценности! Доказать, что Лермонтов — поэт, а не графоман, невозможно.

Читаю в «тексте» Гениса о «тоталитарном духе», «уже к 30-м годам» породившем «иерархию стилей, претендующую на вечность». Увенчала эту табель, естественно, русская классика. Подразумевается, естественно, вызов: развенчивай узенчанное. Заметим, Генис говорит не о «трактовках» — именно о «стилях», о самом художестве. Здесь он имеет в виду и прозу, в книге же «тоталитарный дух» классического искусства всего решительней развенчан на примере поэзии Лермонтова.

Генис клеймит в «НГ» и «тиранию классики, упорно утверждаемую государством, школой и общественным мнением...» Пафос принципиальнейший, особенно если учесть, что Министерство образования РСФСР официально рекомендует книгу «и спереди и сзади» (выражаясь пушкинским словом). На титуле и на обложке, и «юношеству» и «читателям любого возраста». Министерство при этом «с полной определенностью» констатирует, что Вайлю и Генису «блестяще удалось» опрозергнуть «школьную традицию».

ТУТ И ВОЗНИКАЕТ проблема. Объявить поэзию Лермонтова графоманской — значит не просто опровергнуть «школьную традицию», а совершить коперниковский переворот во всей русской культуре. Не знаю, подтвердили бы, скажем, в Англии или Испании на государственном уровне «с полной определенностью», что Шекспир никудышный драматург, а Сервантес никчемный романист, но загвоздка в том, что в таких вопросах «полной определенности» не бывает. Пусть недоказуемо, что Лермонтов не графоман, но ведь столь же недоказуемо и открытие Вайля и Гениса. Может, я считаю, что то, что они считают «штампом», не штамп, или штамп — но не у Лермонтова. Надо было по крайней мере предварительно хоть как-то удостовериться в тонкости авторского восприятия поэзии, тем паче что сама книга дает хорошую возможность для такого теста.

Дело в том, что, по Вайлю и Генису, когда не умевший «писать стихи», но умевший «писать» Лермонтов «просто пишет — то есть выражает свою мысль, — весь ход его мышления и стиль сугубо прозаический». Потому-то в прозе он на высоте и превзошел своим романом даже Дюма с его «Тремя мушкетерами» (есть «блестящее и остроумное эссе» и об этом). Но и в «лучших стихотворениях» Лермонтова «идет непрерывное сражение мысли и стиха», и четыре раза мысль даже побеждает. «Победе мысли и обязаны такие лермонтовские шедевры, как «Дума», «Родина», «Валерик», «Три пальмы». В этих вещах — как бы облеченных в поэтическую форму эссе и новеллах — рифма и размер кажутся необязательными и даже случайными. Почти рудиментарными явлениями, вроде волос на груди или умения шевелить ушами». Как видим, процесс восприятия «лермонтовских шедевров» шел у Вайля и Гениса довольно сложным путем. Наверное, семим приходилось давать в уме подстрочник: «Думы» (а из него «новеллу»), заодно отделываясь от неотвязных мыслей о шевелящихся ушах и волосатых грудях. Что вообразилось авторам при чтении не единичных «шедевров» Лермонтова, а стихотворений, где «рудименты берут верх», о том, пожалуй, задумываться не стоит.

Лермонтов, однако, держался иного мнения о своей способности выражать мысли в стихах. Помнится, он как-то обмолвился о «днях вдохновенного труда», когда, мол: «На мысли, дышащие силой, как жемчуг нижутся слова». И мне, например, человеку, несомненно, «любого возраста», трогательно охваченного мимистерской рекомендацией, даже когда я читаю: «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...», — никакие волосатые «рудименты» не мерещатся. Может, опросить и «юношество»?

Украинская ночь 33-го года

Ю. БАРАБАШ

Василь Барка и его роман «Желтый князь»

В марте 1940 года в Москве на совместном заседании ученых советов МГУ и пединститута немолодой, 32-летний аспирант, недавний сельский учитель из Донбасса Василий Очерет защитил кандидатскую диссертацию «Стиль «Божественной комедии» Данте». Думалось ли тогда, что очень скоро начнется собственный его путь по адским кругам безумного века: война, народное ополчение, оборона Кавказа, тяжелое ранение, плен, горькая доля «остарбайтера», лагерь для «перемещенных лиц» в Аугсбурге, эмиграция за океан, годы полуголодного существования на чужбине... На одном из этих кругов исчез с литературного горизонта поэт Василь Очерет (он же Иван Вершина), когда-то обласканный Павлом Тычиной и тогда же заклейменный официозной критикой как «классовый враг»... Пересылая в 1943 году с оказией из Германии в пражский журнал свое стихотворение «Земля», Василий Константинович вдруг с ужасом осознал, какую смертельную угрозу таит его имя для оставшихся по ту сторону жены и сына, — и подписался: Василь Барка. Этому имени и суждено было обрести мировую писательскую известность.

Я НЕ ПРЕУВЕЛИЧИВАЮ: он обрел мировую писательскую известность. В своей «башне из сосновой кости» в Гленд Спее, что севернее Нью-Йорка, Василь Барка по примеру своего земляка-полтавца Григория Сковороды ведет жизнь уединенную почти затворническую, но его романы, книги стихов, эпические поэмы и драмы переведены с родного украинского и высоко оценены на всех континентах, в десятках стран. Кроме Украины — так, во всяком случае, было до недавнего времени. Этого, не побоюсь сказать, крупнейшего из ныне живущих украинских писателей для «материкового» читателя как бы не существовало.

Между тем все, без исключения все, что создано Василем Баркой, так или иначе, прямо или философски-опосредованно, через сложную цепь метафорических обобщений, ассоциаций, аналогий — именно о ней, об Украине, о ее многострадальной исторической судьбе. И поэтические сборники «Апостолы», «Весь белый свет», «Псалом голубиного поля», «Лирник», и четырехтомная эпопея в стихах «Свидетель для солнца шестикрылых»; и поэма «Судная степь», и литературоведческие, религиозно-философские эссе; и романы, один из которых — «Желтый князь» — недавно вышел наконец («в длинной очереди на реабилитацию», по выражению американского филолога Юрия Шевелева) на Украине и вскоре в Москве в мастерском, художественно адекватном переводе Леся Танюка — редкая замечу кстати, переводческая удача «Дружбы народов», по крайней мере что касается украинники.

На фронте, в аду фашистского плена, в госпитале св. Креста на 41-й нью-йоркской улице, где Барка служил санитаром, перед его глазами, через сознание и душу прошло столько людских страданий и смертей, что, казалось бы, они могли заслонить все на свете, притупить, если не загасить вовсе память о виденном и пережитом в далекой молодости, на умиравшей от голода Украине «в год распятия тридцать третий». Не заслонили и не притупили. «Для сюжета в романе «Желтый князь», — говорится в предпосланном украинскому изданию слове от автора, — основа складывалась из постоянно собираемых подробностей в течение четверти века: от времени самого лихолетья и до начала оформления текста — в 1958 году». Писатель более чем скромен: «оформление текста» — всего-то? А ведь книга — крик живой, никогда не затухающей боли, кровавый сгусток жестокой правды и неизбывного горя, в ней заряд потрясающей, скажу больше — пугающей, подчас отталкивающей силы.

Запало в память выражение из одной статьи (кажется, в той же «Литгазете», да простит ее автор мою забывчивость): нечеловеческий труд переживания. Так вот, «Желтый князь» — плод именно такого труда. И от читателя он требует того же. Книга, которой не суждено стать бестселлером, она не для метро или электрички, не для отдыха, не для приятного расслабления перед сном. Да и критик, упоенно исследующий извивы подсознания и недосознания в каком-нибудь «Эдичке», романом Барки, думаю, вряд ли будет увлечен. Слишком это страшное, невыносимо тяжкое, изматывающее чтение. Но тот, кто готов к нечеловеческому труду сопереживания, будет вознагражден сторицей — очищающим чувством горечи и сострадания, светлой печали и праведного гнева.

УМИРАЕТ от голода крестьянская семья Мирона Катранника, умирает медленно, мучительно. Первой тихо, никого не потревожив, покидает этот мир бабушка, ангел-хранитель дома. Нинкнут, вянут, словно подкошенные острым серпом колосонки, сначала старшенький Микола, за ним — прозрачная, невесомая, уже не от мира сего Оленка. Отчаянно, из последних гаснущих сил борется за выживание близких Мирон, за каждую гнилую свеколку или картофелину, за горсть отрубей, кусок манухи, мерзлый обрубок конской ноги, мечется в поисках какого-нибудь заработка — и падает замертво на пороге своей выстуженной холодом и опустошенной голодом хаты. А следом безвестно уходит из жизни и жена Дарья, судорожно сжимая в руке школьную тетрадку покойной дочери. Последний из рода, Андрей, навсегда прощается с отчим домом, с развалинами, «которые были когда-то родным жильем». Теперь здесь пустыня, мертвые владения царя-голода.

В такую пустыню превращается все село Кленочоти, вся крестьянская, от деда-прадеда хлеборобская Украина, исполов веков кормившая не только себя, но и многочисленных соседей, друзей, недругов. Смерть не выбирает, не делает различия — Бог ли у тебя в душе, дьявол ли или вообще пустота, единоличник ты, «подкулачник» или покорный колхозник, избегал ли жестких, но варных объятий властей предержащих, стараясь держаться от них подальше, или, как Лунькин, всегда и по всякому поводу первым тянул руку «за» (так бедняга, и окоченел в снегу с вытянутой рукой — «за»). Люди умирают в своих хатах и на дорогах, в поле и на железнодорожных станциях, у наглухо запертых дверей городских магазинов и просто на улицах, гибнут под пулями часовых на подступах и мельницах и складах; их — мертвых и еще живых — товарняками вывозят в морозную степь, сваливают в снег, в пылающие огнем овраги, спускают под лед, складывают штабелями, как бревна... В кровавой круговерти исчезают и те, кто поставлен быть палачом, но предпочитает стать жертвой, — самоубийца-партсекретарь, честный партиец («не ихнего поля ягода») Зинченко, обезумевший «пророк в милицейском френче»...

Нет, не голод это, не стихийное бедствие, не Божия кара. Разве не сознательно подчистую выметают озверевшие активисты все съестное — остатки зерна и картошки, мешочек непроветренного проса, даже узелок фасоли, даже последнюю краюху хлеба — из натранниковой хаты, да и только ли из нее? Разве не гудят день и ночь жернова на мельнице, охраняемой будто военный объект, и не уходят непрерывным потоком вагон за вагоном, набитые до отказа мешками с мукой? И не гниют ли — только бы голодающим не досталось — на полу разграбленной церкви кучи зерна и картошки? А вокруг смерть, смерть, смерть...

НЕ ПРОСТО голод — голодомор, гено- и этноцид, бестрепетной рукой направляемая, по-большевистски четко организованная война государства против украинского крестьянства, против целого народа.

Знал ли мир об этой, так страшно не похожей на гоголевскую «украинской ночи»? Вроде бы не знал. Или не хотел знать? Или (подобно нам, до сих пор не покаявшимся, не отмолившим свой грех трусости, малодушия, конформизма) не смел знать? Несмываемое пятно на торе западной демократии: именно в том 1933-м, Америка, эта всемирная защитница прав человека, устанавливает дипломатические отношения со сталинским режимом, а год спустя СССР принимают в Лигу наций. Редкие попытки донести до мирового сообщества правду об одном из величайших преступлений века, заставить Запад открыть глаза и содрогнуться — попытки эти нейтрализовались свидетельствами таких либеральных авторитетов, как Эдуар Эррио и Бернард Шоу, не увидевших в стране «ни одного голодного человека»... Только теперь, ужасаясь, пытаемся вглядеться во тьму той украинской ночи постичь непостижимое, проанализировать не подвластное нормальной логике, сосчитать количество жертв. Сколько их было — пять миллионов (Р. Конквест), шесть с половиной (Р. Соловей), семь с половиной (О. Шиллер, С. Соловей, Е. Слонимский)?.. Если и так, то ведь это чуть ли не пятая часть всего населения тогдашней Украины. А если больше, если около двенадцати миллионов, как полагают многие?..

Профессор Сорбонны Ален Безançон считает, что украинцев, погибших в годы голодомора, было как минимум столько же, сколько уничтоженных Гитлером евреев. «Но в то время, как конечный результат уничтожения евреев известен всему миру, в то время, как оно стало объектом исследования большой литературы на всех языках и память о нем свято и строго сохраняется, искусственный голод (на Украине. — Ю. Б.)... остается почти неизвестным».

Для Василя Барки оба преступления — одной природы. «Я очень сочувствовал еврейским жертвам (эти размышления писателя приводит М. Жулинский в содержательном, высокоинформативном предисловии к украинскому изданию романа. — Ю. Б.)... Я думал, что преступление, совершенное Гитлером против еврейского этноса, совершено и против украинского этноса». Но если, говорит Барка, «пророки еврейской нации найдут путь, чтобы дать сведения миру о страшной катастрофе», то он не убежден, что найдется среди украинцев «кто-нибудь из писателей, кто пережил этот голод и беду, а я видел беду тысяч... Я почувствовал, что это мой долг — составить свидетельство об этом». И пока мировое сообщество медлит, не находя в себе то ли силы, то ли воли, то ли желания официально назвать преступление преступлением, а преступников преступниками, Василь Барка выносит приговор — как очевидец и как художник.

Справедливости ради скажу, что, на мой взгляд, в художественном отношении не все «пункты» этого обвинения равноценны; порой голос автора как бы срывается от горя и ненависти, и тогда в описаниях красноречивых сельсоветчиков или «партейщины высокого ранга и звания», «с выражением кисловато-горделивой скуки» поглядывающей на толпы сквозь стекла легковых машин, — во всем этом голая публицистика, фельетон, шарж берут верх над художественным обобщением. Но это периферия эстетической системы «Желтого князя».

Центр ее, «несущую конструкцию» составляет оппозиционная пара: Мирон Катранник — Отроходин; их противостояние, социальная и духовная несовместимость — смысловая доминанта романа, его нравственный нерв. Натренированным классовым чутьем выделяет Отроходин в толпе хлеборобов этого внешне неприметного, по-крестьянски обыденного, но таящего в себе для него, Отроходина, какую-то не вполне ясную угрозу... Сегодня он на ниве, успешно выполненное задание по хлебозаготовкам сулит ему партийный звездный час, карьеру в столице, ради которой «готов был перетрясти весь мир», не то что жалкие Кленочоти: только не грянет ли и над ним гром, не ухватит ли и его «ежовая рукавица», и получит он пулю в затылок либо превратится в лагерную пыль...

Отроходин мечтает о столице: «По всюду площади, простор отчаянно сложные ритмы: в бледно-розовой сизой дали цветастыми великанами поднимаются здания — и древние, с башнями, и новые, многооконные и красноармейские». Москва? Может быть... Впрочем, легендарная столица первого в мире социалистического государства не раз помянется в романе и без эвфемизмов, под своим именем. Поминается, прямо скажем, недобрым словом. Это оттуда расползаются по украинской земле отроходины — «не люди, а крючки — хлеб тянуть!». Да и кое-кто покрупнее: «Ночью приходит поезд обтыканный стражею: переполох... городское начальство хором пылит на вокзал — главные едут — из Москвы!» (Вспоминается мандельштамовское: «сброд тонконогих вождей».) Это туда, толкуют меж собою дядьки, «железным колесом наш хлеб тянут: от твоего рта и от моего — прямиком на Москву...» И приказ установить непроходимые сторожевые посты на границе между Россией и Украиной — все из той же Москвы. Кто-то из хлеборобов, отчаявшись, предлагает: «А что, если бы мы семьями, с детьми опухшими поехали и бросились в снег под Москвой, и не уходили бы, пока не отдадут наш хлеб для малых ребят!» Наивно: «Да как же оно могло бы помочь, если приказ есть — не пускать нашего брата в Расею; отправлять назад! Нет у них сердца — камень под ребром».

ЗДЕСЬ я одергиваю себя: нужны ли подобные цитаты? Не лучше ли было уклониться, умолчать, попросту пройти мимо того, что — я понимаю — непереносимо для уха русского читателя. Тем более, что ужасы голода «в те годы дальние, глухие» испытал ведь и русский крестьянин — разве не так? Так-то оно так, только рискну заметить, что голод и голодомор — вещи очень разные. Вот почему с умолчанием не получится; как говорят, теплый кожух, да не на меня сшит. Лучше уж начистоту.

Прежде всего: Василь Барка таков, каков он есть, и гримировать его, «улучшать», редактировать, даже путем невинного умолчания, некорректно, проще сказать — оскорбительно. Важно и другое. Ни одного обидного слова, адресованного русскому народу, русскому человеку, у Барки нет; Москва выступает в романе не столько в изначальном своем качестве, сколько как псевдоним злой имперской силы, центра тоталитарной антинациональной и античеловеческой системы, и представляют эту «Москву» не только русские Молотов и Постышев, но и «кремлевский горец» Сталин, и еврей Каганович, не только тысячи отроходиных, но и далеко не малочисленные «землячки» — подручные убийц, соучастники преступления против своего народа.

И еще, быть может, главное. Справедливы или нет звучащие в романе тяжкие упреки «Москве» — пусть рассудит история, вернее же всего — Бог. Но хотелось бы, чтобы и нынешний вдумчивый, совестливый русский читатель, освобождающийся, хотя и с немалым трудом, от синдрома «старшего брата», попробовал мысленно поставить себя на место кого-нибудь из жителей села Кленочоти, того же Мирона Катранника, например. Чтобы ответил себе самому, много ли он знает о той украинской ночи 33-го, о трагедии миллионов, не умерших от голода, нет, — убитых при помощи голода. И чтобы не впустил он в свое сердце суетного, мелкого чувства, а только со-жаление, со-болезнование, только со-страдание — пусть и запоздалые по отношению к брату «младшему»...

Такое прочтение романа Василя Барки необходимо не столько для расчета с прошлым, сколько для настоящего и будущего.

Желтые тона возникают на палитре романа с первых же страниц, по ходу всего повествования всякий раз, когда в том или ином обличье выступает Зло, несущее гибель людям. Оно предстает в желтом — разных оттенков — цвете: сернисто-желтые райисполкомовские двери и рыжие кожанки сов. служащих; ядовито-желтая кровля раздаточной газеты, трубящей о счастливой жизни хлеборобов... Разбрызганные по всему тексту романа блики мертвящей желтизны фокусируются в обобщенном образе Желтого князя на рисунке безымянного художника: «Сидит остроглазый кто-то, и весь будто литой из червонного золота; корона на нем причудливая, и облачен в роскошь. Высоко вознесся... Ребра похожи на верхушку ворот, раскрытых так, что туда, непрерывным потоком тянутся люди; бездолаги сирые — входят в грудную клеть призрака и там исчезают. Как овцы на бойне». Так выявляется второе — наряду с реально-предметным, хотя и фантасмагорическим в немыслимой своей жестокости — измерение романа Барки: он сам называет это измерение «метафизическим, собственно, духовным».

Символический мир Василя Барки — сложная, многосоставная система, компоненты которой в большинстве укоренены в библейской мифологии. Отдаленные отголоски ветхозаветного мотива, связанного с истуканом Ваалом, золотым кумиром... Мистические народные представления об антихристе, пришедшем в облике «коммунии» (в стихотворении П. Тычины «Чистила мать картошку» крестьянка говорит: «Ленин-антихрист явился...»). Интерпретации апокалиптических пророчеств «о сатане и о служащем ему звере, о палате в желтой одежде, в коей он княжит, и о конце века, который близится»; ныне этот зверь разрывает, губит людей, завтра «поставит на каждом искушенном знак: что думать и что делать», даже «корки хлеба не дадут, коли не язвить знак на лбу и на ладони, проставленный князем, что при диявоте ходит»... И глазные для писателя, константные образы: исполненный страданий крестный путь на Голгофу, пройденный его народом следом за Сыном Божиим, и Церковь как единственный залог спасения.

Можно представить, что этот образный пласт романа «Желтый князь» будет особенно труден для «совкового» сознания, ему, обедненному, духовно кастрированному, сформированному в русле воинствующего, вульгарно-примитивного атеизма, куда доступнее ярлыки типа «религиозный фанатизм» или «мистицизм», нежели «богословская метафорика».

В этой связи позволю себе небольшое отступление, чтобы высказать одно, возможно, спорное, суждение. Как ни странно, христианские реминисценции Василя Барки русскому читателю могут оказаться ближе и понятнее, нежели украинскому, он больше к этому внутренне готов. Конечно, и русское читательское восприятие тронуто революционно-демократическим позитивизмом, не говоря уж об атеистическом соцреализме. Но все-таки: были поздние Пушкин и Гоголь, Тютчев, Достоевский, Л. Толстой, русский символизм, религиозная мысль рубежа веков, уже совсем рядом — Пастернак, М. Булгаков, Пришвин, Шаламов, Солженицын, Л. Пантелеев, наконец, христианские мотивы в русской прозе самого последнего времени. Подобного национального духовного опыта у читателя украинского нет или почти нет. История так распорядилась, что после взлета барокко XVII—XVIII вв., после Г. Сковороды украинской литературе на протяжении двух веков было не до религиозных исканий, не до нравственного самостроения личности, не до экзистенциальных проблем, ее без остатка поглощали гнев и боль, социальный протест, борьба за выживание нации, языка, культуры, за собственное выживание, наконец. И ныне христианская идея, мораль, мирочувствование пока слабо приживаются на украинской литературной почве: духовной жаждою томим, «в Украине сущий» (литература диаспоры, — в том числе и о голодоморе — особая тема) украинский писатель, за редким исключением — скажем, Е. Сверстюк, И. Калинец или С. Сапеляк, — чаще обращается к другим источникам — к предельно секуляризированному пантеизму, или деизму, или неоязычеству, а то и конструирует свои, доморощенные конфессиональные схемы. С этой точки зрения, вхождение в общеукраинский литературный процесс органичной, ничем не замутненной христианской ментальности Василя Барки, его «украинского византизма», интегрировавшего строгую греческую духовность с античноренессансным жизнелюбием и изысканностью барокко, — такое вхождение может и, я убежден, будет иметь благотворное влияние.

ВЕРНУСЬ, однако, к «Желтому князю».

Читая роман, мысленно все время обращаешься к Апокалипсису. Это естественно, это отвечает замыслу писателя — выдающегося знатока и интерпретатора Священного писания, особенно Откровения св. Иоанна Богослова. С известной долей условности роман «Желтый князь» можно определить как развернутую апокалиптическую метафору, художественный сплав пророческих видений с неправдоподобно-реальными картинами земных катастроф. И все же при этом книга оставляет чувство не только ужаса, но, как было отмечено, и светлой печали, надежды. Ю. Керякин недавно справедливо обратил внимание на то, что Апокалипсис не исчерпывается предсказаниями гибели, Страшного суда, конца света, это еще и весть о возможном спасении, которое зависит от самого человека, от его Веры. Таким мироощущением проникнут роман Василя Барки.

После прошедших перед потрясенным читателем трагедий, страданий, плача и скрежета зубовного, после изуверств, мук и смертей кажется невероятным, как люди находят в себе силы для возвращения к земле, к жатве, для возвращения к человечности. Молодой Андрей Катранник, прежде чем покинуть руины родного села, проверяет тайник, где зарыта в чернозем церковная чаша, которую спасли от рук грабителей крестьяне, «страшно умирая друг за другом в обреченном кругу». Когда оглянулся, уходя, увидел: «там, над святым местом, вставало пламя; с такой огромной и лучистой смесью жасминной просветленности, пурпура, крови, ослепительного горения, словно там зарождались могучие силы не нашей жизни, вознося в небеса сокровище, отрытое из глубины земли. Пылающий столб, что разбрасывал свет во все стороны, как стрелы молний, по всему небосводу, как свод дорогого сосуда, — приобрел теперь абрис чаши...» — символа избавления и грядущего возрождения народа. Неопалимая купина...

Фото Александра УТРОБИНА (фотоагентство ПРЕСС)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. В целях содействия развитию крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуального и кооперативного жилищного строительства учреждения Сберегательного банка России направляют на кредитование населения с 1 апреля 1992 года до 30% привлеченных кредитных ресурсов.

2. Долгосрочные и краткосрочные ссуды крестьянским (фермерским) хозяйствам предоставляются на любые цели, связанные с производством сельскохозяйственной продукции.

3. Долгосрочные ссуды гражданам, в том числе имеющим право на получение льготных ссуд в соответствии с постановлениями правительств СССР и Российской Федерации, предоставляются на:

- строительство, покупку, реконструкцию и капитальный ремонт индивидуального и кооперативного жилья;
- приобретение крупного рогатого скота и молодняка;
- строительство, капитальный ремонт садовых домиков и благоустройство садовых участков; строительство, покупку и ремонт домов в сельской местности для сезонного проживания;
- строительство народных построек, приобретение оборудования для инженерного обустройства домов, присоединение индивидуальных жилых домов к инженерным сетям, приобретение средств малой механизации.

Все указанные кредиты предоставляются на льготных условиях - с уплатой заемщиком 8% годовых.

Кредиты выдаются учреждениями Сберегательного банка России в пределах привлеченных ими средств населения в 1992 году.

ФАКТ + ФАКТ

В Союзе писателей Азербайджана состоялся вечер памяти Назыма Хикмета. Проходил он в условиях, напоминающих прифронтовые: за окном лежал хмурый город, в давно не отапливаемом помещении не было даже света, но зато за одним столом собрались популярные политики, члены парламента, министры, на короткий срок вновь ощутившие себя просто писателями, поэтами и учеными. Всех объединила искренняя любовь к выдающемуся турецкому поэту, с которым многие были знакомы лично. Назым Хикмет часто приезжал в Азербайджан, посвятил его столице много проникновенных строк, а незадолго до смерти сказал своему другу поэту Расулу Рзе: «Когда умру — похороните меня в Баку».

●

...А в Москве состоялся авторский вечер азербайджанского писателя, заслуженного деятеля искусств республики профессора Чингиза Гусейнова. Он был организован полномочным представительством АР в Москве и Азербайджанским фондом культуры. На встречу с автором широко известных книг «Магомед, Мамед, Мамши», «Семейные тайны», «Фатальный Фатали» (они продавались тут же, в фойе) пришло много ценителей его дара.

●

Вышли первые номера еженедельника «Огуз Эли», который издает ассоциация творческих союзов и объединений. Главная цель учредителей издания — знакомить читателей с многовековой культурой и историей обычаями тюркоязычных народов. Газета будет выходить на азербайджанском и турецком языках и распространяться во всех тюркоязычных регионах бывшего Союза.

Э. АХУНДОВА

БАКУ

ОБА ГЛАВНЫХ ТЕЛЕКАНАЛА СНГ УЖЕ КОТОРЫЙ МЕСЯЦ ПЫТАЮТСЯ РАССЧИТАТЬСЯ НА ПЕРВЫЙ-ВТОРОЙ. БОРОТЬСЯ ЗА ТЕЛЕЗРИТЕЛЯ ПОКА ИМ НЕДОСУГ.

Кто подаст побольше?

Юрий БОГОМОЛОВ

Российская телекомпания не могла бы позволить себе роскошь показывать парламентскую рутину в столь смотрибельное, как вечернее и ночное, время, если бы борьба за телезрителей носила очевидный характер.

Понятно, что у этой телекомпании определенные обязательства перед российскими властями, главным образом законодательными, которые уже не могут без того, чтобы не глядеться в зеркала телеэкранов. По части склонности к нарциссизму члены Верховного Совета во главе со своим спикером вполне могут соперничать с покойным Брежневым, которому частое появление на телеэкране, как мы знаем, авторитета не прибавило. Не прибавляется его и у российских парламентариев, в чем легко они могли бы убедиться, сверившись с данными социологических зондажей.

Но это, как говорится, их проблема.

Проблема руководителей телекомпаний в том, чтобы оказаться жестко ангажированными телеаудиторией СНГ.

Значимость этого условия сравнима с оздоровлением финансов в нашей экономике. Пока за кулисами ТВ происходит борьба большей частью за кадры, матчасть, спонсоров, бюджетные ассигнования.

Гайдар бьется, чтобы найти управу на стихию хозяйственно-предпринимательской деятельности. И чтоб вожжи (или рычаги, или кнопки) управления находились бы не лично у него и его министров, а у населения, в просторечии называемом потребителем. В этом и суть телевизионной реформы, которая, как и все у нас, движется неровно. Март в этом отношении столь же показателен, как февраль и, как предполагаю, апрель.

Что на кону?

Подземные переходы перестали быть просто переходами с одной стороны улицы на другую. Они еще и переходы к рыночной экономике. Они еще модель того, что собой представляет эфир.

Здесь (в эфире) и там (в переходе под Пушкинской площадью) богатый выбор информационных изданий. Есть что посмотреть и почитать эротоману и просто эротофилу. Есть религиозная литература, есть — клерикальная... Много рекламы и саморекламы. Попадается нечто инструктивно-просветительское. Можно найти нечто глубокомысленно-философское. И, конечно же, там и здесь развлекают, обольщают, обманывают.

Телеэфир, как и переход, — место, где хорошо подают...

За отчетный период (самый конец февраля и неполный март) на кону стояло (или на бочке лежало): видеоплейеры (3 шт.), автомобиль (2), телевизоры (2), швейная машинка, кухонный комбайн, страховки (тысяч на двадцать), а также мелочевка: зонты «Винстон», рубашки фирмы «Табанья», косметика, туристические путевки...

А также с появлением на наших телеэкранах импортных телеигр вроде «Ключи от форта Бойр»: СКВ (101 410 франков в одной программе и 147 000 — в другой).

Из отечественных программ щедрее других подает «Поле чудес». Причем с одной особенностью, резко отличающей практику вспомоществования на «Поле чудес» от того, как это принято на каменных плитах подземных переходов. Там больше кидают тому, кто понепрезентабельнее. Здесь предпочтение отдается тем, кто пореспектабельнее. Еще не успел выветриться из памяти фонтан призов, свалившихся на участников одного из праздничных «полей» в конце минувшего года, как в конце месяца минувшего можно было наблюдать приступ новой призовой активности по случаю появления у игрового круга Хазанова, Арканова, Трушкина и других юмористов. Слов нет, туповатая забава в жанре кроссворда, каковой и является полюбившееся миллионам «Поле чудес», несколько оживляется и разнообразится с вовлечением в нее остроумных и просто талантливых людей. Но что царапает? Видно, что господ художников и артистов результат занимает несколько больше, чем процесс. В отличие от рядовых тружеников чудесного поля, для которых одно появление в нарядном телешоу — уже сам по себе личный триумф.

Помнится, Ганечка Иволгин, не самый большой бессребреник, в обморок упал, но не бросился вытаскивать из огня брошенную туда Настасьей Филипповной солидную пачку банкнот.

Не забудется прямая осанка Сергея Федоровича Бондарчука, принимающего на одной из развлекательно-тусовочных программ с чувством глубокого удовлетворения японский фен. Евгений Ваганович Петросян отказался от подаяния фирмы «Нитрако» — автобусной туристической поездки до Гамбурга, но не поенебрег кухонным комбайном.

Надо сказать, что первый канал по количеству да и, пожалуй, по качеству телеигр, — безусловно, первый, чего не скажешь о программах, которые вызывают телезрителя на разговоры «за искусство».

На Российском ТВ они поживее. Тут много любопытного придумано по форме и по сути. Особенно в том, что касается кинематографа. «Команда-2» играет в довольно подвижные игры. Притом каждая имеет свое стилевое решение — будь то «САС» или «Абзац». Притом «Команда-2» идет на контакт со зрителем в прямом эфире, что тоже подвиг для художественной программы, стремящейся, чего бы это ей ни стоило, говорить «за искусство» кино неформально и, главное, нетрадиционно. Понятно, это само по себе не предопределяет удачи, но создает некоторые предпосылки для нее.

Исканиям, впрочем, не чуждо и «Останкино». В том числе и в области киноапологии, о чем свидетельствует набирающая популярность рубрика «Кинопрадва?», в рамках которой показываются а затем обсуждаются в прямом эфире фильмы 30-х — 40-х годов. Почти каждый из них сегодня смотрится как сенсация. Например, «Крестьяне» или «Падение Берлина», или показанная в марте «Секретная миссия». Только жаль, что обсуждение всякий раз ведется по касательной к самой проблеме. То есть вопрос не в том, правда или неправда показана на экране. Не спрашиваем же мы соответствуют ли факты, изложенные в мифе об Эдипе, реальной биографии этого человека. Предположим, все неправда от начала и до конца. Кстати, наверняка неправда. И что? Мифологический Эдип утрачивает для нас всякий интерес?

Кино 30-х и затем 40-х годов было насквозь мифологичным. И этим интересно. В том кино была воссоздана некая модель некоего мироздания. Надстройка тогда была много достовернее и основательнее базиса. Теперь то мироздание погребено толстым слоем нескольких десятилетий. Теперь оно как Атлантида: то ли было, то ли не было...

Вместе с попыткой демифологизировать кино довоенное все чаще возникает искушение мифологизировать кино застойной поры. Кинематографисты, собранные на передачу «Сеанс между сеансами», напомнили себе и миллионам телезрителей, какое самобытное кино они делали в 60-е и 70-е годы. Самый трудный вопрос для них: правильно ли теперь его называть советским? А если неправильно, то каким словом можно обозначить то, что прежде называлось «советским»? Все это было похоже на мучения Ивана Николаевича Бездомного, написавшего в своем заявлении: «Вчера вечером я пришел с покойным М. А. Берлиозом на Патриаршие пруды...» — и задумавшегося над тем, к месту ли он употребил слово «покойный». Можно ли ходить с покойным? А с другой стороны, Берлиоза уже по-другому и назвать нельзя было.

Сегодня мы все в какой-то степени находимся в положении Бездомного, пытаясь описать свое прошлое.

Сейчас оно мираж. Тогда было реальностью.

Гвоздем мартовского репертуара стал сериал Эльдара Рязанова «Восемь девок — один я». Хотя бы потому, что зрителям была предоставлена редкая возможность пообщаться с популярными актрисами при участии живого классика отечественной комедии Эльдара Александровича Рязанова.

По ходу встреч с Лией, Светой, Алисой, Люсей, Таней, Олей, Мариной и Ларисой было сказано много добрых, сердечных слов о прошлом и на будущее. Вспоминалось курьезное и трогательное. Воспоминания перемежались вопросами на засыпку: что думают Люся и Марина о бедственном положении нынешней культуры, могли ли бы они рекламировать колготки, что такое счастье?.. Но отвлекаясь от многословных излияний с той и с другой стороны, надо сказать, что это было сентиментальное путешествие в мираж. И еще — попытка заслониться миражем от сегодняшнего дня. Разумеется, в чисто эмоциональном плане.

Галине Вишневской по ходу юбилейного торжества на сцене Большого удалось другое — сентиментально-героическое путешествие из прошлого в нынешний день.

А вообще телевизионный месяц март оказался везучим на более или менее удачные портреты привлекательных людей. В программе Урмаса Отта познакомились с Лехом Валенсой. Леонид Парфенов на фоне грузинских событий запечатлел образ Джабы Иоселиани. На «политической кухне» Л. Телень и В. Выжутович поговорили с А. Вольским и Г. Явлинским. Санкт-Петербургская программа «Адамово яблоко» представила замечательно разнообразного человека по фамилии Ананов.

Были жуткие провалы. Один из них — «Арткабаре». Другой — «Госпожа удача». Не удалась «Актерская масленица». Очень плохо смотрится сериал «Кто с нами?». Последний — новейший опыт мифологизации нашего переходного времени. В подземных переходах ржавеют газетные автоматы. Они не смогли приспособиться к динамике рыночных цен на информационные издания. Они символизируют государственный сектор.

Но и рынок в переходах — нездоровый. Так же, как и в телеэфире.

Телевидение и мы — еще в переходе. Том самом, где в пиковое время не протолкнуться, где нищенствуют и богатеют.

КОНКУРЕНТЫ? Пока критик Юрий Богомолов пишет, что два телеканала безуспешно делят свои «сферы влияния», позабыв про зрителя, Татьяна Миткова и Юрий Ростов ведут дружеские беседы. Они превратятся в конкурентов лишь в тот момент, когда на экране появится заставка информационных программ «Новости» и «Вести»...

Фото Александра МАРШАНИ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ДНЕВНИКИ «ЛГ». МАРТ.

И НОВОДВОРСКАЯ, И НЕВЗОРОВ, ПОЛИТИЧЕСКИ РАЗНОПОЛЯРНЫЕ, ОБА — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ОБА НЕСКРЫВАЕМО СЧАСТЛИВЫ МОЕЙ, НАШЕЙ БЕДОЙ...

Жестокость

Ст. РАССАДИН

Если историческим можно назвать не только такой поступок (или хотя бы жест), который остается в истории, но и такой, который ее выражает, смело могу назвать таковым красноречивый жест Артема Боровика в финале его телебеседы с Горбачевым — аккурат после того, как тот перестал быть президентом. Я проверял: многие помнят, как молодой Боровик, провожая свежего отставника, покровительственно-сочувственно полуобнял его и потрепал по спине. Мол, ничего, старичок, все будет по кайфу...

За словесную вульгарность несу личную ответственность, но что делать, если только ею могу обозначить смысл похлопывания?

Не злословлю, тем паче что полон зрительской приязни к Боровику-фису. Уверен: он настолько воспитанный молодой человек, что ни за что не решился бы хлопнуть пониже талии Раису Максимовну. Он и достаточно, думаю, здравомыслен, чтобы не дать приятельского леща Ельцину. И Горбачеву он хотел всего лишь ободрить... Так ободрил, что ободрение у меня до сих пор перед глазами — как, повторю, исторический миг, как знак состояния общей, общественной души. В момент ее сентиментальной расслабленности — в том-то и штука!

Обращаюсь к архивистам ТВ: сохраните для будущего этот кадр, ради Бога не уничтожьте, обманувшись его видимой незначительностью. Авось, сами через года содрогнемся, авось, новым поколениям назидательно укажем: вот какими мы были, не только хамя вослед Первому Президенту, но даже посильно ему сострадая...

Одно слово — совки... Но тут спотыкаюсь.

Нет другого модного слова, от которого бы меня так трясло, и готов горячо согласиться с Мариной Павловой-Сильванской, заявившей в «Известиях», что мазохистское это самоопределение безнравственно: «Бесшабашное жонглирование им — в тот самый момент, когда люди, как никогда, нуждаются в самоуважении и личном достоинстве, — не пройдет бесследно для национального самосознания».

Хотя соглашаюсь, да не совсем. Да, мазохизм не из самых почтенных видов самосознания, но он хоть дурной, однако, по крайности неизбежный перехлест нынешнего освобождения от «собственной гордости» перед лицом буржуев всех стран, от искусственно возбуждавшегося самоуважения. Он не очищение, не омовение, он — та бессмысленная ярость, с какой в надежде очиститься царапают кожу, норовя ее как бы содрать; хуже того, ярость подозрительно демонстративная, словно находящая утешение в том, что и нынче мы, «как никогда», впереди планеты: хуже Индии, хуже Анголы, хуже Чада... Неискоренимый синдром чемпионства! Но хоть и противно глядеть на вопящего: «Я — совок! Мы — совки!» — это хоть извращенная, однако форма покаяния. Как умеем, так каемся.

Но обычно-то говорят не «мы», а «они», «вы». И словцо это, «совок», грациозно выпархивающее, ну, допустим, из уст ведущего передачи «Бомонд», которую мой язык все время хочет перекрестить в «Моветон», — никак не самобичующее. А имидж того же победительного телековбоя, всех способного сразить (разве что интервьюируемый Марк Дейч потерпит, потерпит, а потом, порезвев и будто шутя, определит натор как «нахальство»), — это... Обращусь к доморощенной метафоре.

Порядочное количество лет назад я обнаружил, что можно возненавидеть не человека, а вещь, это когда у нас вошли во всеобщую моду «атташе-кейсы», жесткие, остроугольные, из-за чего я из каждой поездки в метро возвращался с обколоченными до синяков ногами. Потом, повидав мельком лондонский Сити клерков в котелках и при этих самых кейсах, понял: хорошая вещь, но покуда не наша, не для толп, зажатых в вагонах и даже локти свои по провинциальной привычке к простору не умеющих держать при себе. Кейс в стране авосек и заплечных мешков — символ нашего самоутверждения, не обходящегося без наплевательства на то, каково соседским бокам и коленкам. Символ свободы по-нашенски, которая сама себе не в сладость, ежели не задевает — жестко, а то жестоко — сограждан-ина. Чем жестче, тем слаще.

Эдуард Стрельцов признавался, что ему неловко выигрывать со счетом 5:0, сама радость победы омрачена зрелищем не побежденного, а униженного соперника. Говорят, и мастерство боксера в том, чтоб выиграть бои хоть и нокаутом, но без излишней жестокости. Боюсь, что наше ТВ неспортивно, стало быть, недостаточно профессионально своей сладострастной жестокостью, тем, что хочет выиграть у меня со слишком большим перевесом.

Гнокойный Борис Слуцкий придумал когда-то игру в эстетическую иерархию, в шкалу поэтических ценностей: один мандель равен ста кобзям, как рубль — ста копейкам. (Имелись в виду поэты Мандель-Коржавин и Кобзев, для многих бывших воплощением бесталанности.) Игровая прелесть, подчеркиваемая сугубой серьезностью, с какой изобретатель шкалы представлял свое изобретение, была в оговорке, имитирующей научную, беспристрастную точность: Манделю, уверял Слуцкий, не всегда удается подняться до одного манделя, а Кобзеву случается сочинять на уровне двух-трех кобзей.

Заимствуя и серьезность, и шутливость, предлагаю свою денежную единицу, свой целковый, воплотивший высокую меру жестокости, недоброты, издевки, с какими наше ТВ подчас воспринимает меня, «совка»: один невзор. Заметив — опять-таки я подражание — что сам прославленный репортер в последнее время редко дотягивает до нетрачеиной одноименной единицы: масштабная кампания по борьбе с «дамой в тюрбане» или актерство, будто он силится, да никак не может вспомнить фамилию Погова, — это уж грошовая мелочевка. Что же касается одной сотой, тут мое словотворчество пасует, не найдя достаточно репрезентативного имени, хотя полагаю импозантный комментатор программы «Однако» Сергей Корзун в своем витиевато-снисходительном высокомерии может считаться достигнувшим напряжения, скажем, в 0,15 невзора, а Сергей Доренко, бывший ведущий «Вестей» (ныне — «Новостей» первого канала), лишь недавно снизил накал огульно-тотальной иронии до благоразумного минимума. Скажем, до 0,05.

Продолжая игру, а по правде, выходя из игры, ибо не до нее, скажу, что никак не даже чем в Пинтеры однозные и жестокие единицы, оцениваю комментарии Валерии Новодворской по праву своей биографии (сделанной знаменитым «Просвещением»). И даже когда ее мягкая, всех урезонивающая хозяйка Кира Прохутинская, горячась, говорит Новодворской, что делать, о чем бы та ни вела речь, всегда сводит к Карфагену, который должен быть разрушен, а власти, каковая должна быть искоренена — возражу.

В конце концов неистраная мысль насчет осужденного пасть Карфагена не только привычна для «профессионального революционера» (самоопределение Новодворской), вообще для той части интеллигенции, что пуще всего озабочена своей оппозиционностью: она неплоха и для власти, которой всегда невредно иметь острастку. Но когда Новодворская взялась оценить монолог пожилого абхазца с прекрасным лицом человека, прожившего в ладу с совестью ни единожды не осквернившегося уклонением от твердо понимаемого долга, я... Нет, не стану себя оглуплять, ждал, что и его оскорбит (и оскорбила «серая масса», конта из Оруэлла, который работает, пока не сведут на живодерню). Но, дождавшись, навсегда потерял к Новодворской интерес, так как суть профессионального революционерства предстала в невыносимо скучной всеобедняющей одноклеточности.

И она, и Невзоров, политически разнополярные — оба профессиональные революционеры, оба нескрываемо счастливы моей, нашей бедой; логика обоих именно как профессионалов этого разрушительного рода в том, чтоб обгадить... Власть? Это бы ладно, но и она обгаживается лишь на пути к главному предмету ненависти: к тому, что в больном обществе является обнадеживающе здоровым. И, Боже мой, до чего ж нетрудно представить, как оба реагировали бы на выступление в программе «Без ретуши» (вообще — интереснейшей) Святослава Федороза. Человека, для меня лично непостижимого, перед которым я, изредка встречаясь за общим столом непривычно робею — быть может, потому, что ощущаю дыхание гения (так робею, тщательно это скрывая перед моим другом Искандером). Человека, который и меня, едва ли не разуверившегося, убеждает своим упрямым существованием в условиях, для существования не приспособленных: выдержим, выдюжим, вывезем.

У ПОЭТА Ольги Седаковой прочел пересказ ее разговора с одной итальянкой, где автор позволил себе непривязанность к общей знакомой капризничает, горя не знала, слишком сладко жилось. «Да, ей жилось очень хорошо, — сказала Франческа, сама жизнью не избалованная, — и мне приятно глядеть на ее нетерпеливость на ее капризы — мне так понятно, что есть на свете счастливые и богатые люди, исходящие из нормы благополучия». Прочел и сам про себя догадал: отчего на благополучном Западе меня посещает не зависть, а облегчение. Возможность испытать счастье за того, у кого получается, будь то абхазский мужик или доктор Федоров, болея, радоваться здоровью здоровых, — вот то, что и нам больным неудачникам, дает шанс для выздоровления и удачи. Тот шанс, который мы вкупе с нашим жестоким ТВ торопимся упустить, затоптать. Так что, слегка стесняясь патетики, назову телепоказ юбилейного вечера Галины Вишневской праздником разделенного счастья — и прощения тоже обоюдного, хотя жаль, что только Евгению Велехову вступило в сердце попросить у великой артистки прощения за всех и за всё.

Сгущаю пафос: то был вечер торжества справедливости, в чем не только прекрасная назидательность воздаяния; ее-то легко опрокинуть скепсисом пословицы о росе, которая до восхода солнца успеет выесть очи — и сколько ж повыела! Нет, может, мы даже не представляем, насколько один этот вечер, если не был променян на шедшую параллельно крикливую презентацию, способен (виноват, снова красивость) посеять зерно добра, сулящее всходы. Подумалось вдруг: чем угодно можно шпынять мое поколение, пресловутых шестидесятников, — глупой готовностью к самообману, нестойкостью и т. д. и т. п., добавляйте, кому охота, все не в обиду, а впрок, — но чего не было, чего нет, так это изначальной, исходной жестокости. Кто знает, отчасти, возможно, и потому, что средь прочих противоядий было — сидеть на ступеньках в Большом, по входному билету, когда впервые являлась на сцене ослепительно-молодая Вишневская, уже повитая легендой, Леонора, Купава, Татьяна; впрочем, даже она — частность. Главное — были надежды, нынче осмеянные и... Что? Провалившиеся? Напрасные? Как сказать. Может ли быть вовсе напрасным зрелище справедливости, входящей в свои права, пусть оттепельно-ограниченные, — как бы то ни было, из небытия возникали таланты, из небытия возвращались люди...

Когда нынешний молодой эссеист, немедля вознагражденный за то званием «новый Розанов», говорит: «ровесники Октября», к счастью (!), по большей части погибшие на войне и в ГУЛАГе», я, понимая природу этой бестрепетности, думаю: ведь даже, допустим, Куняев, с его похожим злорадством по отношению к «детям Арбата», репрессированным поделом, — даже он к этой своей монструозности греб и догреб не сразу (я его помню все-таки не таким). Там — страшный итог; здесь — начало? Куда ж нам плыть?

«Счастье», хотя бы теоретически испытанное при воспоминании о миллионах погибших (определяю: два, три, четыре невзора, рекорд высоты или, вернее, низости!), — это даже не суд «обманутого сына». Хоть бы и потому, что вот уж понятие, искаженное до потери истинного смысла: суд.

«Для пророка, писавшего Апокалипсис Исайи, — читаем слова отца Александра Меня, лишь по дикости нашей выглядящие как новооткрытие и парадокс, — создание обновленного и преображенного мира было немыслимо без Судного дня. Как царство Господа неотделимо от Воскресения, так невозможен его приход без воздаяния силам зла. Суд есть вселенское утверждение Правды Божией. Вне ее всякая конечная гармония будет отравлена».

И еще: «О Суде вопиют души убиенных в Апокалипсисе Иоанна, его призывают Савонарола, Лямене, Достоевский, сознававшие, что без правды нет спасения»... О Суде, который осудит? Нет, который рассудит, и если в чем воплотилась-таки пресловутая наша совковость, так в том, что мы приучились суд смешивать с приговором, конечно, ясным заранее. «Это чувство, — продолжает отец Александр, — столь человеков и неискоренимое, выразил в простых и предельно искренних словах один из узников нашего жестокого времени: «Миру нужен Страшный Суд, — писал он из стен тюрьмы, — как Третьему Рейху — Нюрнбергский процесс. Иначе никак нельзя».

Каков это имеет отношение к нам? Боюсь, что пока — малое. «Суд над партией, — повторяем мы, и миллионы бывших партийцев навсегда ушибленные видением чрезвычаек и лагерей, вздрагивают в традиционном ужасе, и просвещенный Гавриил Попов в беседе с Борисом Ноткиным (в программе Московского телеканала) говорит о том же столь пугающе-жестко, что интеллигентнейший Ноткин спешит смягчить разговор, словно бы отводя угрозу расплаты от всякого-каждого. Хотя я б оснастил его мягкость еще и соображениями, как раз исходящими из слов Меня. Да, суд, без коего нам и вправду «нельзя», — это воздаяние по справедливости, по правде, путь к «конечной гармонии», и в этом смысле тот же вечер той же Вишневской — тоже суд времени, рассудивший на радость нам, справедливо. Что, как говорится, в сказке, тоже бывает. Редко, но бывает.

Главное — бог упаси, чтоб осуждение снова опережало потребность судить, опасность чего, по несчастью, реальна, ибо сама наша жестокость, торопящая приговор чему бы то ни было, есть признак нынешней нашей слабости. Метафора из животного мира: кажется, скунс, защищаясь, обдает пахучей струей, вот и жестокость — это как бы ядовитый фермент, который извергает из себя организм, все равно, индивидуальный или общественный, но непременно слабый или больной. Извергает, защищаясь и от самой идеи суда как воздаяния по справедливости — непредвзятой и неподкупной, пугающей, как все, от чего отвыкли.

ВЫПИСЫВАЙТЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
ПОКУПАЙТЕ
ПО СРЕДАМ
ЧИТАЙТЕ
ВСЮ НЕДЕЛЮ

Владимир СИМОНОВ

Миллиарды без гарантии

решилась наконец дать Америка бывшему врагу

Приятно делать кому-нибудь приятное. Мы сделали приятное Западу, когда так хорошо перезимовали.

Листая зарубежные газеты, понимаешь: они там не меньше нас были напуганы опасениями российского руководства, что зима-де будет самой лютой за полвека и январский взлет цен может вытолкнуть народ на улицы, а демократов — из Кремля.

Никаких таких катаклизмов не произошло. И прислушиваясь к журчанию весенних ручейков на наших просторах, их аналитики не могут скрыть чувства глубокого удовлетворения. Смотрите, восклицают они, в БСС (новое модное сокращение — Бывший Советский Союз) цела инфраструктура! Скажем, ходят поезда. Хотя и не через все границы и не по одному времени. Более или менее под контролем преступность. Хотя и возросла, проклятая, за год на 30 с лишним процентов. Работают школы. Хотя не совсем ясно, какому обществоведению там теперь учат.

Такому среднестатистическому обывателю, как моя жена, очень понравилась наблюдательность Джеффри Сакса, американского профессора, который консультирует Ельцина по части гладкого вхождения в рынок. Сакс обнаружил, что у нас, цитирую по газете «Либерасьон», «рост цен на товары народного потребления сейчас близок к нулю». Жена просила меня срочно связаться с профессором-консультантом и спросить, в каких конкретно московских магазинах он дегустирует цены. Наивная женщина надеется, что это не «Ирландский дом на Арбате».

Как бы то ни было, по мнению Запада, мы, видимо, вытерпели надрывный старт еще одного исторического эксперимента, смелости которого позавидовал бы Ленин. Я имею в виду попытку втиснуть себя в рынок без частной собственности, но со сплошной монополией. Тем не менее больной не умер. Теперь Запад уже не опасается пощупать ему пульс и приступить к лечебным процедурам.

Всю минувшую неделю мир вращался вокруг СНГ. В понедельник первые итоги гайдаровской реформы изучал на своем совещании Международный валютный фонд. Во вторник собралась сессия «Парижского клуба», где государства-кредиторы решили отсрочить выплату части внешнего долга бывшего СССР. А в среду произошло нечто важное и давно ожидаемое. Джордж Буш огласил впечатляющую программу помощи России и другим членам СНГ, где, как выразился президент, много «хорошего».

Действительно, программа полна впечатляющих цифр. Соединенные Штаты увеличивают свой взнос в МВФ на 12 миллиардов долларов, чтобы странам СНГ досталась более крупная квота, когда их примут в эту организацию в конце апреля. Выделяется полтора миллиарда на создание 6-миллиардного фонда стабилизации. Нам предоставлены дополнительные кредиты на закупку американского зерна. Обещаны также срочная продовольственная помощь и «техническое содействие»: поддержка частного предпринимательства, создание банковской системы западного типа, конверсия.

Неблагодарные ворчуны, конечно, найдутся и у них, и у нас. Их тезисы нетрудно предугадать. Зерновые кредиты? Вашингтон кидает кусок своим американским фермерам, которым некуда сбывать урожай. Продовольствие? Как витаминный укол в деревянную ногу. Не только не взбодришься — не почувствуешь. Фонд для укрепления рубля? Мнение высокопоставленного сотрудника минфина США из числа, видимо, диссидентов: «Стабилизационный фонд — это ужасная идея. Центральный банк России по-прежнему безрассудно печатает деньги и дает кредиты несостоятельным предприятиям. Семь миллиардов долларов, которые просят русские, будут за пару месяцев съедены импортом».

Другие, напротив, убеждены: из фонда не будет истрачено ни доллара. Посмотрим. Сейчас пока ясно одно: щедрая программа Буша вряд ли так уж случайно предупредила открытие шестого Съезда народных депутатов России. Вашингтон перестал носить траур по Горбачеву. Своим пакетом долларового милосердия он явно хочет помочь ельцинской реформе и лично Ельцину.

Тем самым Буш сделал решительный выбор.

Его благосклонности добивались две группировки теоретиков того, как Соединенным Штатам следует вести свои дела с поверженным Союзом. Школа Бжезинского—Киссинджера исходит из живучести имперских устремлений России. Российский империализм способен восстать из пепла, предупреждают они, если Америка сконцентрируется на помощи правительству Бориса Ельцина. Вывод: надо помогать Украине и прочим бывшим республикам, усиливая их позиции против Ельцина, России.

Школа Никсона — Рейгана — Эдварда Теллера (отец американской водородной бомбы) сложилась вокруг тезиса, что российский империализм заколочен в гроб и похоронен. Безопасность США окажется под угрозой как раз в том случае, считают они, если реформатор Ельцин, во многом выступающий в роли эталона для всего СНГ, не получит существенной западной помощи и потерпит неудачу.

Я не разделяю мнения тех аналитиков, кому кажется, будто Буш сильно рискует, залезая в карман налогоплательщика за русскими миллиардами в год президентских выборов. Эффект бумеранга? Возможно, он бы и сработал, если бы программа помощи СНГ сразу не приобрела двухпартийного характера. Буквально через несколько минут после пресс-конференции президента ведущий демократический кандидат Билл Клинтон одобрил почти каждую статью в смете Буша. Согласие конгресса вряд ли заставит себя долго ждать. Хотя Белый дом вырвет его не без натуги.

Миллиарды на бедность — это, конечно, прекрасно. Жаль, американцы не могут подарить в придачу одной молочи — гарантии, что даже с этими миллиардами наши реформы не захлебнутся.

7 дней в мире

7 США получили заверения от Украины, что передача ядерных вооружений России завершится в срок—к 1 июля. В то же время в частном порядке украинское руководство признает, что 1 июля — дата на 90 процентов нереальная. Похоже, Киев преподнесет еще немало сюрпризов Западу.

7 В интервью «Независимой газете» Андрей Козырев заявил, что абстрактную дискуссию о концепции внешней политики России навязывает «такой коричневатый псевдонационал-патриотизм», тогда как национальные интересы надо фиксировать и отстаивать по мере их поступления. Министр посетовал, что в МИДе шесть из каждых десяти работников — «это либо люди, полностью деморализованные системой, настроенные цинично, либо они находятся в прямой политической оппозиции». Теперь мидовцы настороженно поглядывают друг на друга: «Из чистых или нечистых?»

7 Президенты Ельцин и Гавел подписали в Москве российско-чехо-словацкий договор. Критики в Чехо-Словакии хотели бы видеть в документе более энергичные формулировки по поводу августа 68-го и двух десятилетий после него: «оккупация» вместо «неоправданное пребывание» советских войск и «незаконное вторжение» вместо «непозволительное применение силы».

«Мы пойдем другим путем»

Француз Ален де Бенуа предлагает нашим патриотам идти туда же

Западные консерваторы в гостях у русских консерваторов — такими словами главный редактор газеты «День» А. Проханов открыл состоявшуюся на прошлой неделе пресс-конференцию представителей европейского движения «Новые правые» Ален де Бенуа (Франция) и Робера Стойкерса (Бельгия).

Ален де Бенуа, известного во Франции философа, журналиста, главного редактора и издателя трех журналов — «Нувель эколь», «Кризис», «Элемент», удостоенного за эссеистику Гран-при Французской академии, можно считать идеологом движения. Повторив столь известную нам фразу: «Мы пойдем другим путем»,— Ален де Бенуа выдвинул идею создания достаточно эклектичной «третьей модели», лишенной пороков и капитализма, и социализма, но включающей их достоинства, а также тезис «возвращения к культуре», европейского измерения патриотизма.

«Новые правые» считают, что за 25 лет существования движения им удалось реставрировать то, что было отброшено как марксистской с ее догмами, так и западной либеральной идеологией в экономической политической и социальной областях. Они видят свою историческую роль в изменении «интеллектуального поля».

В этом смысле, по мнению Бенуа, Россия и западные страны живут в разных исторических моментах. На Западе, и во Франции в частности, существует колоссальный зазор между интеллектуальным и политическим влиянием. Вообще, политическое влияние в западных странах вторично по отношению к влиянию интеллектуальному.

Отвечая на вопросы журналистов, Ален де Бенуа высказал свою точку зрения на возможности развития России, пролив бальзам на души своих российских единомышленников. Россия, по его мнению, стоит перед реальностью внутреннего распада и перед выбором, принять ли западную помощь и капиталистический путь развития или отбросить и двигаться своим путем.

«Не бывает никакой незаинтересованной помощи, — сказал Бенуа. — И не нужно забывать, что еще несколько лет назад Россия была для американцев «империей зла». Такая помощь означает включение России в новый мировой порядок, а для нее это конец независимости». По мнению Бенуа, именно благодаря американской помощи такие страны, как Германия и Япония, долгое время представляли собой «политический ноль» и только сейчас начали обретать свое лицо. Эти страны — пример того, как «экономическая помощь приводит к политическому закабалению, и русским патриотам нужно сделать соответствующий вывод».

Итак, еще один совет, еще один вариант идеальной модели без капитализма, социализма, коммунизма.

Татьяна ЗЕМЦОВА

«Я ничего не скрываю», — говорит Саддам Хусейн.

Недавняя игра — кто кого перехитрит — иракского режима с инспекторами ООН, которые должны были проверить ликвидацию иракского оружия массового поражения, породила целый ряд ультиматумов и «последних предупреждений». Частично уступая требованиям ООН, иракский лидер не оставляет надежды создать собственную ядерную бомбу.

Рисунок из газеты «Интернэшнл геральд трибюн»

Марки для Калининграда у Бонна найдутся

Но немецкий журналист видит иной вариант

Гельмут Лёльхёффель, боннский корреспондент либеральной газеты «Франкфуртер рундшау», позвонил в бюро «ЛГ» и сделал неожиданное предложение: «Хочешь использовать мое имя для благородной цели!»

Знаю Гельмута давно, одна из его отличительных черт — скромность. А тут?! Пока я приходил в себя, мой немецкий коллега объяснял: «Понимаешь, мой отец — выходец из кенигсбергских краев, у него там осталась недвижимость. И вот теперь наследником всего стал я. Но мне надоела мышиная возня наших бывших кенигсбергцев, которые спят и видят свои старые имения и замки. Хочу пойти против течения и готов официально заявить о своем отказе от этой земли. Хватит в конце концов кроить и перекраивать границы в Европе».

А вот другое заявление. Из уст — невероятно, но факт! — одного из лидеров Союза изгнанных, депутата бундестага Хартмута Кошика: «Нельзя превращать Кенигсберг в поле битвы национальных эгоизмов».

Кошик—за реализацию в Кенигсберге планов свободной экономической зоны. Он убежден, что ответ здесь должен быть «не немецким, не польским, не литовским, а европейским», что концепцию развития этого региона должно разрабатывать Европейское сообщество совместно с российским руководством.

Прошу обратить внимание — совместно с Россией! А то иные наши горячие головы скоро начнут торг за кенигсбергские земли, чтобы потом пустить деньги на те же немецкую колбасу и масло.

Справедливости ради надо сказать, что официальные власти ФРГ проявляют демонстративную сдержанность. Они находят более привлекательной другую идею — превратить Калининград в «европейскую витрину», мост, связующий Россию с Прибалтикой и всей Европой.

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

БОНН

Все-таки куда делся танк с тягачом?..

Редакция получила следующую телеграмму:

Руководство Среднеазиатской железной дороги, коллективы станций Ташкент-Товарный и Термез выражают недоумение и возмущение по поводу ложных фактов, опубликованных «Литературной газетой» в корреспонденции «Куда пойдет танк с тягачом — большой-большой секрет» 11 марта 1992 года. Согласно непроверенному сообщению вашего собственного информатора, вот уже несколько дней будто бы закрыта товарная станция Ташкент-2, с которой поезда с военными грузами уходят в Сурхандарьинскую область (Байсун) или в Ашхабад. Факты же свидетельствуют о том, что станция Ташкент-Товарный (именуемая информатором Ташкент-2) никогда ни на одну минуту не закрывалась, работала и работает круглосуточно. Военная техника и боеприпасы с этой станции в Ашхабад и Сурхандарьинскую область (Байсун) не отправлялись.

Сам собой отпадает и так называемый «главный вопрос», поставленный информатором, — куда направляются проданная военная техника и боеприпасы? Утверждаем: ни в Афганистан, ни в Иран никаких военных грузов через железнодорожный переход Термез — Хайратон (Афганистан) не перевозилось. Требуем опубликовать опровержение в ближайшем номере газеты.

Народный депутат Республики Узбекистан, начальник Среднеазиатской железной дороги **ЖЕЛТОУХОВ**; начальник станции Ташкент-Товарный **АДИЛОВ**; начальник железнодорожного узла Термез **РАХИМОВ**.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя телеграмму, считаем необходимым отметить, что в упомянутой заметке высказывалось только предположение (!), что военная техника, ранее принадлежавшая Туркестанскому военному округу, продана либо в Иран, либо группировкам афганских моджахедов.

К тому же тема заметки была шире — судьба Туркестанского округа, его военной техники, чего авторы телеграммы почему-то не коснулись.

Folium

справочно-информационный узел МГТС

официальный владелец телефонно-адресной информации по Москве предлагает

компьютерные системы ФОЛИАНТ для IBM PC

ФОЛИАНТ - 1: Телефонный справочник учреждений г.Москвы
- более 70.000 учреждений
- менее 6 МБайт на винчестере
ФОЛИАНТ - 2: Деловой мир Москвы.
Банк данных службы "Москва для Вас" предоставит Вам информацию о видах деятельности, телефонах и адресах иностранных фирм, банков, бирж, кооперативов, МП, СП, авиакомпаний, посольств, а также международные коды
ФОЛИАНТ-АОН: Определение телефонного номера

ДЛЯ НАШИХ АБОНЕНТОВ:
- разработка компьтерных гипертекстовых систем
- поставка новых систем по льготным ценам
- обновление баз данных

Германия, Кёльн, Льву Копелеву

Дорогой Лев Зиновьевич! Горячо и сердечно поздравляем Вас, замечательного писателя, борца, патриота, с восьмидесятилетием. Годы не властны над Вашим талантом, всегда молодым и искренним, который мы так высоко ценим. Ваш мятущийся дух, зовущий к правде и справедливости, помогает нам сегодня в борьбе за утверждение подлинной демократии на нашей общей Родине — России.

Желаем Вам, дорогой друг, и впредь оставаться столь же неукротимым в поисках истины и добра.

А. АНФИНОГЕНОВ, Г. БАКЛАНОВ, И. ВИНОГРАДОВ, А. ДЕМЕНТЬЕВ, Я. ДРАБКИН, Е. ЕВТУШЕНКО, Ф. ИСКАНДЕР, Л. КАРПИНСКИЙ, Ю. КАРЯКИН, А. НУЙКИН, В. ОГНЕВ, Б. ОКУДЖАВА, В. САВЕЛЬЕВ, Ю. ЧЕРНИЧЕНКО, М. ШАТРОВ

80 плетей слишком умному

Стоит ли быть большим мусульманином, чем король Фахд?

В то время как волна исламизации захлестывает страны не только арабского, но и бывшего Советского Востока, в колыбели ислама — Саудовской Аравии, похоже, обозначаются тенденции обратного свойства.

«Мутаввааа» — так в саудовском королевстве называется религиозная полиция сродни полиции нравов, насчитывающая 50 тысяч человек. Отряды бородачей из «Мутаввааа» давно снискали себе среди местного населения репутацию непримиримых фанатиков-радикалов, то и дело превышающих свои полномочия. Чаще всего наряды этой полиции можно увидеть в районах базаров, мечетей, на оживленных улицах. Они проходятся кнутом по всякому, кто, на их взгляд, недостаточно строго придерживается предписываемых кораном норм.

Приехавшие в Саудовскую Аравию в составе войск антииракской коалиции военнослужащие Запада, в том числе тысячи женщин, внесли в спокойную жизнь королевства некоторый переполох. Американки, не привыкшие себя стеснять в одежде, особенно в условиях жары, частенько появлялись на людях в «неподобающем женщине» виде (шорты, майка), да еще за рулем, что вообще категорически запрещено женщине в Саудовской Аравии. Таких нарушительниц, бывало, задерживали, но бывало, что и не могли задержать из-за неожиданного сопротивления слабого пола. Так, в Дахране, где мне довелось останавливаться, одна из женщин—военнослужащих морской пехоты США открыла огонь по двум полицейским из «Мутаввааа», когда те попытались выстегать ее плеткой за «зызызающий» вид.

Трудно сказать, по какой именно причине, но факт остается фактом: король Саудовской Аравии Фахд издал недавно закон о свободе личности. Этот акт, как считают, довольно серьезно ограничит деятельность «Мутаввааа».

В довершение всего, чтобы, наверное, продемонстрировать решимость тем, кто пытается изобразить из себя большего мусульманина, чем сам король, саудовский монарх нанес довольно ощутимый удар по мусульманским экстремистам, арестовав двадцать улемов (знатоков богословия и специалистов по этико-правовым нормам ислама), публично критиковавших существующий режим. Один из них был даже приговорен к 80 ударам плетью — беспрецедентный случай в истории королевства.

Сергей МЕДВЕДКО,
соб. корр. «ЛГ»

ДАМАСК

ПРИБАЛТИКА

РИГА:

О бедном дипломате замолвите слово

Лица иностранцев, поживших в Риге, становятся похожими на наши: такие же угрюмые...

Впрочем, и заботы их, как оказалось, сродни нашим. Например, большинство дипломатов, аккредитованных в Латвийской Республике, озабочено жилищной проблемой. Многие из них вот уже несколько месяцев живут по гостиницам, без семей.

Что же случилось с привычным балтийским гостеприимством? — задаются вопросом местные журналисты. Расследование, которое провела республиканская газета «Диена», показало, что виноват, как часто бывает, водопроводчик. «Сейчас дипломатическим отношениям более всего угрожают чиновники среднего ранга», — делает вывод газета. Оказалось, что немецкое посольство не может въехать в отведенное ему здание из-за отсутствия в нем воды. Датские рабочие не могут начать ремонт в арендованном помещении из-за отсутствия тепла... Обещанный датчанам еще в прошлом году аппарат газового отопления, по-видимому, придется везти из Дании. Увы, из-за нерасторопности и нерадивости чиновников, констатирует газета, не сработало ни одно распоряжение правительства в отношении перечисленных посольств.

По всей видимости, проблема размещения иностранных дипломатов в Риге будет обостряться. Число посольств растет, а количество освободившихся зданий тает. К поиску вариантов подключилось республиканское телевидение, которое собирает предложения частных лиц. Но, кажется, и они исчерпаны.

Татьяна ФАСТ,
соб. корр. «ЛГ»

ВИЛЬНЮС:

Прибалты опять начинают. Ответный ход—за СНГ

Многие в бывшем Союзе до сих пор уверены: если бы не эти прибалты, единый нерушимый ни за что бы не развалился.

Стоило только начать и «отпустить в независимость» Литву, Латвию и Эстонию, как новые государства и автономии посыпались, как из рога изобилия.

При всем глубоком уважении к идее суверенитета надо признать, что разрыв всем нам дается с трудом. А при слове «экономика» у государственных мужей сегодня нередко наворачиваются слезы: границы, таможни, лицензии, бартер... Средневековье...

Но слезами горю не поможешь, и лидеры трех балтийских стран 26 марта подписали документы об... объединении. Единое свободное торговое пространство позволит экспортировать и импортировать внутри региона почти все товары, а общее визовое пространство отменяет для жителей Литвы и Латвии въездной тариф в Эстонию. Визы, выданные любой из стран, будут действовать и у соседей.

Те же вопросы обсуждались В. Ландсбергисом и С. Шушкевичем во время их недавней встречи в рамках недели белорусской культуры в Литве. Подписан торговый договор между государствами.

Следующее слово — за СНГ: лидеры Балтии предлагают ему ввести режим наибольшего благоприятствования в торговле друг с другом. И не применять экспортно-импортных пошлин.

Татьяна ЯСИНСКАЯ,
соб. корр. «ЛГ»

ТАЛЛИНН:

День добрых советов

В Эстонии принят Закон о собственности. Он касается прежде всего сферы торговли и обслуживания.

С приватизацией промышленных предприятий многое остается неясным. Не все просто и с приватизацией земли.

Не дожидаясь решений правительства, журналисты, ученые-экономисты и социологи совместно с представителями Союза предпринимателей создали постоянно действующий фонд, названный «День советов». Фонд взял на себя роль посредника между народом и правительством.

Первый же «День советов» в зале центра культуры «Сакала» собрал много заинтересованных участников. Они встретились со специалистами, членами правительства и парламента, общественных организаций. Основные доклады касались состояния экономики Эстонии, защищенности и ответственности собственника. В фойе зала участники «Дня» могли получить всевозможную информацию, консультации юристов, работников архивов, загсов, встретиться с журналистами, учеными, высказать претензии. Живое совместное обсуждение привело к конструктивным предложениям, которые будут опубликованы в средствах массовой информации и доведены до правительственных кругов.

— «День советов» — не единоразовое мероприятие, а постоянный процесс, призванный координировать, направлять, обсуждать с народом актуальные жизненные проблемы,—сказал один из его основателей председатель Союза журналистов Эстонии Мярт Мююр.

Рэсси КАЭРА,
соб. корр. «ЛГ»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владимир СМИРНОВ,
консультант ЦС ВОИР

Защитить интеллект нации

Почти три десятилетия работаю в сфере изобретательства и рационализации, последние пять лет вплотную занимаюсь защитой прав и законных интересов новаторов технической мысли. И вижу, как дела их становятся все хуже и хуже, несмотря на множество лозунгов, заверений, постановлений, указов, направленных на совершенствование научно-технической политики. Почему?

Можно привести сотни имен — выберу из них несколько, тех, что сейчас особенно на слуху. 12 лет потребовалось нам всем — и прессе, начиная с той же «Литературки», и органам прокуратуры, и Верховному суду Российской Федерации, Верховному Совету СССР, и всевозможной общественности, чтобы доказать: изобретатель С. А. Маванов был обвинен в «нарушении режима» облыжно, уволен незаконно, осужден с нарушением элементарных понятий о праве, помещен в психиатрическую больницу в здравом уме и т. д. Круговая порука чиновников Минавиапрома потребовала этих гигантских усилий ради сокрытия расправы над «инакомыслящим». 12 лет и 8 месяцев «возвращался» на работу в «Индустройпроект» М. М. Кабан, автор перспективного технологического оборудования, в котором дозарезу нуждается строительная индустрия. Д'ух томов переписки и 15-летнего запоздания стоило авторское вознаграждение всего в 3200 рублей полтавчанину А. Д. Баглюку, помогшему своим предложением сахарным заводам Украины. Кому-то приносили солидные барыши приборы, созданные по замыслу Н. Я. Шора для Ленэнерго, а сам изобретатель узнал об этом случайно 10 лет спустя, вместе с категорическим отказом выплатить положенное. За ворота НИС «Гидропроект» был выброшен талантливый изобретатель Ю. М. Романенко, когда ловкие администраторы вместе с крючкотворами из Минэнерго превратили технический спор в трудовой конфликт. А вернувшись туда по приказу нового министра, он через несколько месяцев вновь попал под увольнение «по возрасту», несмотря на поданные за это время семь заявок на изобретения.

Это лишь капля в море изобретательских страданий. Старые беды известны: соавторские притязания начальства, равнодушие отраслей и предприятий к внедрению новшеств, особенно если они «чужие», кабинетное право, по которому и принципиального и талантливого человека так легко сделать «склочника», «хапугу»—словом, любого «ненормального» и с успехом подвести его под нож очередной или внеочередной аттестации.

К ним теперь прибавились новые беды. Десятки писем в адрес Центрального совета ВОИР несут вопрос: кто же будет выплачивать авторам причитающееся вознаграждение после упразднения союзных структур? По ориентировочным данным бывшего Госпатента СССР, к началу года долг всех упраздненных министерств и ведомств для 100 тысяч изобретателей составлял около 50 миллионов рублей. А ведь новшества используются, кому-то приносят доход. Это ли не грабеж средь бела дня? Даже судебные исполнители бессильны, потому что расчетные счета ведомств закрыты. К тому же автор, живущий на Украине, не сможет получить положенное в Российской Федерации, так как создание единой патентной системы СНГ идет крайне путано. Из существующей практики уже ясно, что 50-миллионный долг «мозгу нации» не будет выплачен, ибо требуется титаническая работа, чтобы доказать что-то в условиях правового беспредела и «патентных джунглей».

Не совсем ясна роль вновь созданного Российского агентства интеллектуальной собственности, сосредоточенного только на авторском праве. Этим из понятия интеллектуальной собственности как бы исключаются технические идеи, и сфера промышленной собственности опять оказывается беспризорной. Действующее законодательство и без того недеесспособно, а это разделение вообще замутило воду.

Истязание лучших технических умов страны будет продолжаться до тех пор пока Россия не получит достойного патентного законодательства. Притом в него должны быть заложены механизмы совершенствования по мере развития рыночных отношений. Переходный период резко понизил спрос на сложное и перспективное изобретение. Примитивный комнатный обогреватель хватается с лету, чистая коммерция и моментальная выгода заслоняют потребность в серьезном вложении и длительной разработке. Поэтому 97 процентов наших изобретений носит косметический характер и не оказывают решающего воздействия на качество промышленности.

Но рынок неизбежно устроится, насытится и постепенно начнет уважать то, что отторгает сейчас, — инновацию, прорыв в новую технологию, пионерные предложения. То, с чем нас пустят конкурировать на международный «прилавок». Сохраним ли мы к тому времени распуганные золотые умы? Чтобы сохранить — их надо защищать уже сегодня, отрабатывая закон прямого действия, не допускающий лазеек для чинуш, коммерческого и административного жулья. Коронная уловка «в соответствии с действующим законодательством» должна из него исчезнуть.

Более четверти века патентного закона ФРГ, в который «сейчас палец не всунешь», два с половиной столетия патентного ведомства США показывают долготу пути, но и внушают надежду. Может быть, чтобы она оправдалась быстрее, надо предоставить необходимые льготы соответствующие адвокатским, патентным поверенным — новому общественному институту, созданному для защиты и сохранения технического интеллекта нации.

Вряд ли хоть одно правительство так подставляло себя под градобой критики, как нынешнее российское. Его критикуют, не очень-то стесняясь в выражениях, и домохозяйки, и академики.

За резкими словами политиков не всегда сразу и разберешь, где нечто конструктивное, а где всего-навсего амбиции, понятные лишь посвященным. Возможно, зачастую идет элементарная проба сил — почему бы и не поучаствовать в дележе министерских портфелей, которые — а вдруг! — могут оказаться без хозяев.

В критических эскападах иных экономистов все же четче и откровеннее можно распознать давние столкновения различных школ и течений в отечественной экономике. Они и похожи, они и отличаются в оттенках, они и прямо противоположны. И в этом нет ничего страшного, ибо так только и может существовать плюрализм мнений.

Попытку проанализировать ход реформы предпринял и автор сегодняшней статьи в «ЛГ». В чем-то он идет против течения, делает упор на плюсах правительственной программы. Что ж, каждый экономист имеет право на собственное мнение — давайте выслушаем и его.

Александр ЛИВШИЦ, доктор экономических наук, профессор (Центр «ИСТИНА»)

Не толкайте Гайдара под локоть

Больной экономике нужны не добрые социалисты, склонные жалеть, а сильные прагматики, готовые спасти

СИТУАЦИЯ в российской экономике не улучшается, люди клянут правительство. Занимаются этим и профессиональные экономисты. У некоторых из них, искренне уважаемых, есть уже, похоже, негативная сверхзадача, состоящая в принципиальной перемене курса. Подбор аргументов — всегда проблема не из сложных хотя бы потому, что экономические регуляторы, находящиеся в распоряжении любого правительства, противоречивы по последствиям их применения. Нет ни одного, который, помимо положительных, обязательно не давал бы еще отрицательных эффектов. Если, скажем, власть прибегает к ограничительной денежной политике, ее можно отругать за пренебрежительное отношение к нуждам инвесторов, задавленных дорогим кредитом. Поступая противоположным образом, правительство тоже подставляется: ему ставят в вину потворство инфляции. В ученом мире стала распространяться методология А. Невзорова: мэр Собчак поехал за границу — транжирит народные деньги, купается в роскоши; мэр Собчак не поехал за границу — наплевал на интересы города, проворонил выгодный контракт.

Экономисту, конечно, не пристало быть апологетом правительства. Неуместна, однако, и роль непримиримого критика. За обвинениями в некомпетентности обычно стоит не столько желание помочь, сколько претензии на власть — либо собственные, либо выдвигаемые «по доверенности». Профессионалу, наблюдающему за работой законного правительства, позволительно считать ошибки, выражать недовольство, брюзжать, но делать это конструктивно, не толкать под локоть. Не забывая еще, что там, где сидят постановщики политических действий, его место откидное. Подсел, если позвали, посоветовал или отсоветовал и вернулся к профессорскому ремеслу — учить студентов и писать книги. И упаси Боже забыться, пересесть в чужое кресло. У настоящего экономиста всегда есть **своя идея**, и если она расходится с действительностью, тем хуже для последней.

Для того чтобы корректно оценивать политику, надо с самого начала ясно представлять, каковы реальные возможности правительства, где кончается его власть. Поскольку в России идут масштабные рыночные преобразования, нелепо спрашивать с администрации Ельцина—Гайдара за все, что происходит в народном хозяйстве. Она его не контролирует, да, собственно, и не собирается этого делать. И чем настойчивее политическая власть ведет рыночную реформу, тем меньше у нее остается власти над экономикой.

Если на российское правительство, правящее всего несколько месяцев, посмотреть именно под этим углом зрения, то можно обнаружить, что оно работает в непрерывно сужающемся пространстве прямого контроля. Нельзя скомандовать и получить нужную продукцию, невозможно заставить территории делать то, что им невыгодно, и т. д. Но даже в этой обстановке ему есть что записать в актив.

Оказалось, например, что экономическую политику вовсе не обязательно сводить к очередной реформе государственного управления, изобретению новых приемов регулирования. Можно попробовать просто оставить экономику в покое, занявшись ее дерегулированием. Поступив так, российское правительство выбралось на дорогу, по которой идут многие страны мира. И нигде, заметим, это движение не было похоже на марш параллельного расчета. Что уж говорить о нашей экономике, где граждане до сих пор по любому поводу апеллируют только к правительству и еще совсем недавно процветал патернализм высшей, четвертой степени в смысле Корнаи, когда государство относилось к предприятию точно так же, как любящий отец к новорожденному ребенку, не понимающему даже, чего он хочет.

Убежден: люди были по-настоящему шокированы не столько либерализацией цен, сколько нарастающим пониманием того, что правительство больше не собирается протягивать каждому из них добрую отеческую руку. Открытие испугало. Тем более что в отличие от прошлых лет власть на сей раз не снабдила население спасительной, устремленной в будущее идеей, помогающей пережить тяжелые времена. Есть тут правда, и положительный момент. Пока новая вера, в центре которой наверняка будет находиться национальное возрождение России, еще не обрела законченных очертаний, человек получил долгожданную идеологическую передышку. Правительство поставило его в условия, когда появилось время осмотреться, осознать, что рассчитывать теперь надо в основном только на себя, найти свое место в рыночной экономике.

Администрация Ельцина—Гайдара объявила инфляцию национальной экономической проблемой номер один. Был совершен поступок, на который так и не отважились их предшественники, только тянувшие время и сумевшие в конце концов основательно раздуть бюджет и денежное обращение. Судя по тому, с какой настойчивостью мы принялись налаживать бюджетные и денежные ограничения, мы имеем дело с правительством консервативной ориентации, даже по самым строгим мировым меркам. Причина тут, думаю, вовсе не в политических и идеологических симпатиях, а в экономической необходимости. Социалистические правительства, обуреваемые заботой о равенстве, социальной справедливости и своевременной раздаче денежных подачек, хороши в здоровой экономике, когда есть что делить. Хозяйству, страдающему от тяжелой инфляционной болезни, они противопоказаны, поскольку способны лишь добить его окончательно. В годы гиперинфляции наступает час консерваторов, преисполненных решимости победить инфляцию и умеющих это делать. В такие времена стране нужны не добрые социалисты, склонные жалеть, а сильные консерваторы, готовые спасти.

Отчетливо проявилась любовь нашего правительства к рублю, скорее даже подлинная страсть, которая, впрочем, всегда была свойственна консерваторам. Заметно желание заставить если не любить, то по крайней мере уважать рубль и граждан России и тех, кто живет за ее пределами. Финансовые ограничения, будем надеяться, помогут всем понять, что зарабатывание денег — нелегкое ремесло: надо не только искусно работать, но и умело продавать изготовленное. Придется усвоить, что долги отдают, а не списывают, ресурсы для инвестиций следует искать не в бюджете, а в банках и на бирже и т. п. Все это, уверен, станет возможным только при условии, что консервативная политика будет проводиться последовательно, без колебаний и отступлений. Судя по практике, курс на финансовую стабилизацию легко начать, но гораздо труднее продолжить. Тут уже одной решительности мало, нужна твердость, и не на месяцы, а на годы. Достанет ли ее российскому правительству, покажет время.

МНОГИЕ экономисты упрекают правительство, что оно перепутало последовательность ходов, а именно — развернуло либерализацию цен до либерализации самих рынков, остающихся монополизированными. Может быть, это и так, но ведь дело уже сделано, поезд ушел, и никто не знает, с какой скоростью он поедет и когда доберется до станции «Процветание». Надо все же исходить из существующих реальностей и разглядывать их повнимательнее. Тогда можно заметить не только негативные, но и позитивные эффекты.

На освобождение цен действительно последовала естественная реакция отечественных монополистических структур. Озираясь на волнующий воображение объем инфляционного спроса, они незамедлительно двинули цены вверх, иной раз даже за пределы отметок равновесия. Дальнейшие события (пусть и небезошибочные, но все-таки прорыночные решения правительства вкупе с активностью предпринимательских образований) привели к разгерметизации некоторых рынков, выдвинули на них товарное предложение, обладающее определенной ценовой эластичностью. А это сказалось на динамике цен: часть товаров и услуг несколько подешевела.

Нынешнее поколение российских производителей и потребителей впервые обнаружило, что цены, оказывается, могут снижаться. Причем не накануне юбилея или всенародного праздника и не тогда, когда партия и правительство захотели осчастливить население, а в обычный, будний день, естественным рыночным порядком. Производители осознали, что, располагая одной только испытанной монополистической тактикой (цены — больше, количество — меньше), можно когда-то и пролететь. Потребители поняли: привычная модель поведения (ломиться в двери магазинов и хватать все, что подвернется под руку) далеко не всегда дает наилучший эффект.

Хотя экономическая обстановка остается неустойчивой и в ближайшие месяцы не исключен новый рывок цен, значение февральско-мартовского опыта 1992 г. трудно переоценить. Он уже проник в экономическую память, сказался на хозяйственной психологии, приблизив ее к той, что характерна для рыночного хозяйства. Так случилось, как раз потому, что правительство Ельцина—Гайдара затеяло либерализацию цен, казалось бы, в самое неподходящее время, предварительно не расчистив рынки от монополистических торосов.

Правительство российских реформаторов пока не сумело изменить к лучшему экономическую ситуацию. Но ему удалось, может быть, сделать нечто большее — перелопатить экономическую психологию, пропустив население через начальную школу рынка. Хотя, прямо скажем, шли туда без особой охоты, преподаватели оказались не слишком умелыми, а учеба во многом свелась к одним практическим занятиям, уроки были необходимы. Большинством они усвоены.

ИЗБЕЖАЛО ЛИ правительство доктринерских просчетов? К сожалению, нет. Укажем хотя бы на непродуманное обязательство мгновенно уравновесить федеральный бюджет. За ним могла стоять политическая воля подлинных консерваторов, которые испокон веку были страстными борцами за равновесие бюджета, благие намерения новых руководителей, мечтающих побыстрее залечить язву дефицита, желание удивить мир или что угодно еще, кроме трезвого экономического расчета.

В сроки, определенные российской экономической администрацией, бюджет выровнять невозможно. Добиваться противоположного любой ценой — значит наносить немалый ущерб и экономике, и самому бюджету. Прежде всего потому, что за ним кроются обязательства государства перед населением страны. Независимо от того, были эти обязательства обоснованными или нет, ответственное правительство не вправе внезапно рвать связь времен. Ведь значительная часть граждан по-прежнему бесконечно далека от вершин политической власти, ей что Павлов, что Гайдар — все едино. И они нисколько не виноваты в том, что раньше, оказывается, политика была плохой, а теперь стала хорошей. Правительству негоже выглядеть временщиком, который перечеркивает обещания, данные предшественниками, и отказывается платить по старым счетам. На место скоропалительных решений должен прийти рассчитанный на 2—3 года план ликвидации дефицита бюджета, выполняемый с абсолютной неукоснительностью.

Из-за перекоса в сторону финансовой стабилизации, доктринерской однобокости оказались полузабытыми такие важные направления политики, как демонополизация, приватизация, долговременные структурные изменения производства и другие важные политические темы. Затеяв либерализацию цен, едва ли уместно тянуть с началом программы содействия конкуренции. Пора бы прекратить силовое давление на предпринимательские структуры, деление их на «чистые» (имеющие номенклатурное происхождение) и «нечистые» (все остальные). О тех, кто с выгодой для себя сумел организовать номенклатурную приватизацию, не нарушив при этом ни одного закона, можно сказать лишь одно: ловкие ребята. Этим, однако, и ограничиться, перестав подменять право нравственным чувством и признав наконец, что бизнес — вообще занятие для ловких людей. Ведь реальность такова, что фирма, выкопанная вместе со своими номенклатурными корнями, быстро засыхает, а в нашей экономике, и без того отягощенной монополизмом, становится конкурентом меньше.

Другое дело, что с новоявленными коммерсантами, если они того заслуживают, нужно обращаться по всей строгости антимонопольных законов. Вот тут у правительства действительно непочатый край работы. Пока оно, строго нахмурившись, смотрит только в одну сторону — на монополистов, окопавшихся в государственном секторе. Давно стоило бы повернуть голову. Тогда сразу станут заметными негосударственные монополистические образования, орудующие сейчас, в сущности, совершенно бесконтрольно. Здесь необходима своевременная антимонопольная профилактика, в частности, государственный контроль над слияниями. Когда монополия уже ворвалась на рынок и припала к потребительскому кошельку, справиться с ней довольно трудно — не оттянешь. Куда эффективнее постараться не допустить самого появления монополии. Иными словами, сегодня правительство должно волновать не столько происхождение бизнеса, сколько его экономическое поведение.

И все же главный резерв регулирования в другом. Правительство строит политику на том, что рыночные механизмы универсальны, а граждане России по своим экономическим реакциям в принципе не отличаются от тех, кто живет в других странах. Все верно, впрочем, как и то, что рыночные процессы, разворачивающиеся в Курской области, всегда будут иными, нежели в префектуре Осака, штате Алабама и земле Бавария. Без учета национальной специфики российской экономики едва ли станут высокими и эффективность рыночной реформы, и доверие народа к власти.

ЧТО ЗАПИСЫВАТЬ В ТЕТРАДКУ,

разъясняет рядовому налогоплательщику руководитель государственной налоговой службы

Игорь ЛАЗАРЕВ отвечает на вопросы нашего корреспондента Ирины ГУРОВОЙ

— Налоговая инспекция, кажется, перестает быть «экзотикой» из западного мира. Опубликованы законы, создана служба, уже ясно, что ваша деятельность будет касаться каждого. Но мы по-прежнему так мало о вас знаем... Игорь Николаевич, кто они — налоговые инспекторы? Каково их образование, квалификация? Сколько их?

— Около 66 тысяч. А если исходить из опыта стран с развитой рыночной экономикой, нужно как меньше 100 тысяч. Думаю, к концу года столько и будет. Что касается квалификации — в основном это опытные экономисты, финансисты, бывшие плановики, бухгалтеры. Очень нужны юристы. Пока их крайне мало, хотя во всех развитых странах налоговые инспекторы имеют солидную юридическую подготовку.

— А в вузах не готовят людей для вашей службы?

— Пока нет. Но Верховный Совет уже поручил Министерству образования организовать обучение по этой специальности. Более того — будет и начальный курс в школах. Зарубежный опыт подсказывает: учить надо не только инспектора, но и налогоплательщика. Он будет исправно и грамотно платить налоги, только если со школьных лет впитает законы.

— Я рада за наших детей. Они, даст Бог, будут гораздо более приспособлены к новым реалиям жизни. Но на нас недавно опубликованные законы свалились, как снег на голову. Мы не понимаем, куда бежать, что и где записывать, когда и к кому обращаться. Да и прочитать сами законы смогли лишь на третьем месяце года, с первого дня которого должны были уже что-то учитывать... Кстати, почему они опубликованы только в марте — ведь многие из них датированы январем?

— Понадобилось значительное время на доработку. Ведь впервые в нашей практике появился не один документ, а пакет: комплексное налоговое законодательство — из восемнадцати законов. При обсуждении было очень много поправок (только к закону о налоге с физических лиц — более двухсот).

— И что же все-таки нам теперь делать? Заводить тетрадочку?

— Заводить.

— А что в нее записывать? Только доходы помимо основного заработка или все?

— Фиксировать надо все. Исходя из мировой практики декларацию по основному месту работы составляют работодатели. Во всяком случае, я бухгалтерии вам дадут справку. Этот и дополнительный заработок надо учитывать самому. Получил — записал. Сколько начислено, и какой уплачен налог.

Я понимаю, что вопросов пока очень много: инструктивные документы еще не обнародованы. Не беспокойтесь — они есть и скоро будут опубликованы.

— В том числе и форма декларации?

— Конечно. Более того, хотелось бы разослать всем налогоплательщикам. Она будет распространена через жэки или опущена в ваши почтовые ящики.

— Игорь Николаевич, мы уже на собственном горьком опыте убедились, как часто реализация новых законов и постановлений у нас превращается в хождение по мукам. Достаточно вспомнить бесконечные очереди к собесу, нотариальные конторы, в те же жэки... Не образуется ли еще одна очередь — и к налоговому инспектору?

— Это очень серьезный вопрос. У нас 90 миллионов граждан — налогоплательщиков и 4 миллиона юридических лиц. Причем последние только за прошлый год удвоились. Постоянно возникают новые предприятия. А если всерьез пойдет демонополизация? Вместо одного торга — пятьдесят магазинов... И все налогоплательщики. Можно задохнуться. Но мы продумываем меры, чтобы избежать очередей.

— Какие?

— Ну, например, декларацию, вероятнее всего, вы будете направлять в налоговую инспекцию по почте либо передавать каким-то иным «быстрым» способом. А вызывать туда будут, только если появятся вопросы и возникнет необходимость в проверке.

— Кстати, о проверке. Если кто-то что-то утаил или просто забыл — как вы его поймете?

— По месту основной работы это достаточно легко проверить. Дополнительные доходы, конечно, много сложнее. У нас создается служба налоговых расследований — президент недавно подписал соответствующий указ, сейчас мы и собираем специалистов. Но главный вопрос, пожалуй, не в количестве людей, а в оснащенности службы. Ведь сейчас даже лицевые счета на налогоплательщиков мы ведем зачастую вручную. Да, у нас есть вычислительный центр и семнадцать филиалов, но это далеко не то, что необходимо. Нужна компьютерная система, программа компьютеризации, причем государственная.

— А деньги на это есть?

— Бюджет сейчас в тяжелом состоянии. Затраты требуются немалые. Но ведь отдача от них будет в тот же бюджет! В прошлом году на один рубль вложенный в налоговую инспекцию, мы дали дополнительного дохода больше шести рублей. На нас потратили полтора миллиарда, а в бюджет только в результате проверок поступило дополнительно 11 миллиардов.

— И все-таки как именно вы будете нас проверять?

— Во всем мире уже выработаны определенные методы. Проверка, конечно, проводится выборочно.

— По какому же принципу выбирают?

— Это целая наука. Существенный момент — оценка доходов и налогов по аналогии. Например, доход гражданина сравнивают с его же доходом в другие годы или с доходами тех, кто занимается подобной деятельностью. Это применимо и к предприятиям.

— Какие же сейчас у нас могут быть аналогии? Цены стремительно растут...

— Да, в условиях разгосударствления, освобождения цен это большая проблема. Но и здесь есть рецепты.

— А как быть, например, с указом президента о свободе торговли? Торгует кто угодно, чем угодно и где угодно. Должны они платить налоги или нет?

— В принципе должны.

— Но ведь невозможно уследить...

— Очевидно, что процесс этот нужно как-то нормализовать. Не запретом, не карательными мерами — ни в коем случае. Цивилизованными методами, хотя сама эта форма, в общем, далека от цивилизации.

— Какими?

— Я пока не готов ответить на этот вопрос, мы его исследуем.

— Меня — теперь уже не как налогоплательщика, а как потребителя — интересует: стимулирует ли наша налоговая система производство товаров, которые сейчас в дефиците?

— В законах это заложено. Есть льготы для тех, кто вкладывает средства в развитие производства товаров народного потребления.

— Хотелось бы знать точнее: о каких товарах речь?

— Будет перечень правительства. Но очевидно, что это, например, медикаменты, продукты питания. Кстати, доходы членов фермерских хозяйств не облагаются налогом первые пять лет после создания хозяйства. Да, еще есть льготные налоги на прибыль при введении новых мощностей в нефтяной и угольной промышленности...

— То есть при помощи льготных налогов государство может «подтолкнуть» предпринимателей вкладывать деньги в какие-то определенные сферы?

— Да.

— Результаты уже есть?

— Законодательство только что принято. Подождите хотя бы до итогов квартала.

— Игорь Николаевич, а как вообще вы, специалист, оцениваете наше налоговое законодательство?

— Не знаю, насколько этично мне его оценивать — ведь мы участвовали в разработке. Однако, по мнению иностранных экспертов — а мне приходилось с ними разговаривать, — наше законодательство в целом отвечает сегодняшним требованиям рыночной экономики, хотя и есть пробелы.

— А имидж налоговой службы — он уже сложился? У нас — это не секрет — очень настороженное, даже подозрительное отношение ко всем проверяющим инстанциям... Вы это чувствуете?

— Случается.

— Не вредят ли вашему имиджу ситуации, одну из которых недавно показывало телевидение: налоговые инспекторы врываются куда-то вместе с милицией, изымают документы?

— А что еще прикажете делать, если одна из фирм просто не пускала налоговых инспекторов? Законом предусмотрено наше взаимодействие с правоохранительными органами. Налоговому инспектору никто не имеет права отказать в предоставлении документов, связанных с уплатой налогов. Коммерческих тайн для него не существует (другое дело, что он, разумеется, не имеет права их разглашать — за это предусмотрена ответственность). Привыкайте — это нормально.

Конечно, надо многое разъяснять. Мы готовим сейчас серию комментариев к законам, создали у себя координирующую структуру — отдел по работе с налогоплательщиками. Будет понимание — будет и достойный имидж. Просто не все сразу...

"ЛГ" ДАЕТ ШАНС!
НАША ПРОДУКЦИЯ ПО ВАШИМ ЦЕНАМ!

Распространение "Литературной газеты" и ее приложений может стать процветающим бизнесом в умелых руках.

Приглашаем к сотрудничеству в первую очередь предпринимателей Алма-Аты, Киева, Санкт-Петербурга, Минска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Самары и Москвы.

☎ *208-8239, 304-3347*

Куда потечет Днестр,

если на левом берегу А. Руцкой, а на правом — А. Козырев

Валериу МУРАВСКИ, **премьер-министр Молдовы**

«Приднестровье — плацдарм проимперских сил»

— Каких-нибудь два года назад, кажется, и в страшном сне не могло привидеться, что на этой земле, где издревле «смешенье лиц, наречий, состояний» никак не мешало людям жить в мире и согласии, вдруг станут стрелять друг в друга. Как могло такое случиться? В чем, на ваш взгляд, причины конфликта? И почему, несмотря на заверения обеих сторон о стремлении разрешить конфликт миром, он разрастается на глазах и уже все чаще звучит слово «война»!

— Корни конфликта надо искать не у нас здесь, в республике, а в бывшем Советском Союзе, и связаны они с его распадом. Левобережная часть республики, которая с 1918 по 1940 год была в составе СССР, в то время как правый берег принадлежал Румынии, оказалась в большей степени поражена коммунистической идеологией. Поэтому часть населения там до сих пор выступает за сохранение Союза.

Это одна из главных причин, которые привели к конфликту. Вторая — геополитическая. Мы находимся в непосредственной близости к Юго-Восточной Европе, Балканам, Черному морю, Дунаю. В стратегическом плане эта земля всегда представляла интерес для более крупных государств, что сказалось на судьбе нашего народа: мы были в Османской империи, в Русской империи, в Советской империи. И этот интерес, мне кажется, еще сохранился у некоторых крупных государств. Проимперские консервативные силы бывшего Союза организуют конфликты в разных регионах, чтобы таким путем спровоцировать конфликт в целом по стране и прийти опять к власти. Приднестровье они используют как один из плацдармов для достижения этой цели. И когда мы приняли Закон о языке, он послужил поводом для реализации вышеперечисленных интересов.

Тогда, в 1989 году, на левом берегу организовывались забастовки, затем блокировалась железная дорога. Приднестровье практически поддержало августовский путч. В начале марта этого года там пытались воспрепятствовать приему Молдовы в ООН. За эти три года при поддержке извне сторонниками сохранения Союза, партэкстремистами (надо заметить, что часть высокопоставленных работников правительства и ЦК в этот период покинули правый берег и переселились в Тирасполь) на той стороне были ликвидированы официальные органы власти, прокуратура, полиция, суд, финансовые структуры и взамен созданы свои. Следующий шаг — провозглашение Приднестровской Молдавской Республики, создание своей гвардии — по сути дела, незаконных вооруженных формирований, в которых много бывших военнослужащих, «афганцев», есть и уголовные элементы. Кроме того — привлечение казаков из России, которые практически стали интервентами. Объясняются все эти незаконные действия тем, что молдаване якобы притесняют и убивают русских (хотя я должен подчеркнуть, что большая часть русскоязычного населения республики живет на правом берегу, а здесь относительно спокойно) и Молдова якобы стремится к объединению с Румынией. Конечно, трудно сказать, что будет через 5—10—20 лет, но сегодня есть Декларация парламента о независимости республики, она поддержана более чем 80 процентами населения. Нас признали более ста государств мира, мы приняты в ООН, СБСЕ, и, согласитесь, если бы мы хотели объединиться с Румынией, нелогичны были бы наши усилия по вхождению в эти организации.

В связи с тем, что гвардейцы и казаки на деле террор против молдавского населения, которое не согласно с разделом республики, мы вынуждены были ввести в ряд сел Левобережья силы полиции, что привело к столкновениям и, к сожалению, к жертвам. Возникает вопрос: почему? Ведь полиция не напала ни на Тирасполь, ни на Рыбницу, где преобладает русскоязычное население?

Три года правительство, парламент, президент предпринимают попытки прийти к согласию. Приднестровью предлагается статус отдельного уезда, свободной экономической зоны. Но, к сожалению, мы не встречаем взаимопонимания со стороны лидеров Приднестровья. Они стоят на своем требовании федерализации этой маленькой республики. Но ведь для этого нет никаких оснований: молдаван в Приднестровье проживает больше, чем представителей любой другой национальности.

Молдова не может потерять Приднестровье. Левый и правый берег настолько интегрированы, что разрыв приведет к потерям для обеих сторон. Потом, мы должны понять, что оккупация этой территории вызовет нарастание гнева коренного населения против русских и на правом берегу. Мы должны думать об этом. Вот почему правительство стоит на позиции сохранения территориальной целостности республики.

— Указ президента о введении чрезвычайного положения в республике и обращение президента к народу сформулированы так, что не оставляют надежды на мирное разрешение конфликта. Неужели это невозможно!

— Я говорил уже о неоднократных встречах, контактах. Создавались всякие комиссии, подписывались согласительные протоколы. Но та сторона — я не утверждаю, что мы всегда были правы, — продолжала наращивать вооруженную мощь, захватывать оружие. Появились беженцы: уже 10 тысяч граждан с того берега перешли сюда, 5 тысяч — на Украину. И когда мы еще раз проанализировали ситуацию, то поняли, что с людьми, которые сейчас там у власти, договориться невозможно. Это не значит, что мы отказались от мирного политического урегулирования конфликта. Постановление правительства, которое было поддержано парламентом, остается в силе. Но мы не можем и не имеем права бросить без защиты людей, по крайней мере в районах, где преобладает молдавское население. Потом уже и сами люди требуют разрубить этот узел.

Беседовала
Людмила РЫБКИНА

Евгений АМБАРЦУМОВ, **председатель Комитета по международным делам Верховного Совета России**

Чтобы нас не обвинили в предательстве

Я ОТДАЮ себе отчет в том, что президент Снегур, как и президент Илиеску, занимает относительно центристскую позицию. Перекос в экстремальную сторону был бы крайне опасен в геополитическом и политическом отношении.

Но, с другой стороны, когда я читаю заявление Снегура с такими жесткими, с такими неприемлемыми характеристиками приднестровского населения, как «иноземцы» или «предатели», с прямо-таки чекистскими формулами: «учет тех, кто добровольно сдаст оружие и боеприпасы законным органам власти для последующего решения вопроса об их амнистировании», — это напоминает мне зловещую судьбу Григория Мелехова: его и его товарищей тоже сначала ставили на учет, а потом что с ними делали? Или вот еще цитаты из Снегура: «преступные действия проимперских сил на левом берегу Днестра», «на нас постоянно обрушиваются с необоснованной критикой». Позвольте, если мы говорим о том, что стрельба идет с молдавской стороны, так что же это — необоснованная критика?

Никто не думает о возрождении империи. Кстати, я хотел бы посмотреть, как выглядели бы те национальные силы в Молдове, в Прибалтике и других республиках, если бы победили не Ельцин и его сторонники, а путчисты.

Хотя формально провозглашение Приднестровской Республики не соответствует Конституции Молдовы, но есть социально-политическая реальность, и мы не можем повернуться к ней спиной.

Молдова часто отождествляет руководство Приднестровья с коммунистической номенклатурой. Генетические корни этого руководства вызывают у меня определенную настороженность, хотя то же можно сказать и о некоторых людях из молдавского руководства. Но, с другой стороны, население Приднестровья оказалось объектом нападения и террора в самых варварских формах: обстрел санитарной машины, автобуса с рабочими, убитые мирные жители.

20 марта Верховный Совет России принял постановление о положении в Приднестровье — на мой взгляд, разумное и уравновешенное. В середине марта приезжала делегация молдавского парламента. Мы договорились, что статус свободной экономической зоны, который Молдова готова предоставить Приднестровскому региону, они согласны дополнить особым политическим статусом. Только для того, чтобы Приднестровье получило какую-то гарантию, что оно не будет вовлечено против воли его жителей в Румынию в случае, если статус Молдовы изменится. Но, согласившись было, молдавская делегация отказалась подписать этот протокол. Мне кажется, надо вернуться к этой идее.

Если будут подобные политические и юридические гарантии, тогда в русле этого процесса был бы естествен вывод самодеятельных военных формирований типа казаков, чего прежде всего хочет Молдова. Самое главное — прекратить огонь и разделить враждующие стороны. Эту роль, естественно, примет на себя 14-я армия, взятая под юрисдикцию России. Ее роль в разведении враждующих сторон вовсе не была бы вмешательством во внутренние дела Молдовы — это временная ситуация. Но ясно, что Россия не может бросить своих соотечественников в беде. Это означало бы предательство, в чем небезосновательно упрекают российское руководство наши соотечественники в других республиках.

Очень важен вопрос о гарантах такого возможного решения. Ими в первую очередь должны стать Россия и Украина. В конце прошлой недели во время международной конференции в Бонне у меня состоялась беседа с президентом Кравчуком. Он поддержал идею, чтобы роль разграничительных сил сыграла какая-то часть 14-й армии, переданная под юрисдикцию СНГ. Мне эта идея кажется перспективной.

Те рамочные договора, которые заключила Россия с бывшими республиками Советского Союза, изначально имели генетический дефект. Они не были достаточно провидческими, там не были учтены проблемы защиты прав национальных меньшинств, русскоязычного населения, которые сейчас нарушаются.

Валерий ЛИЦКАЙ, **государственный секретарь Приднестровской Молдавской Республики**

Мы хотим жить на своей земле

ПРОИСХОДЯЩИЕ сегодня в Приднестровье события мы рассматриваем как прямую агрессию Молдовы против суверенного государства — Приднестровской Молдавской Республики.

Заявление правительства Молдовы о том, что нынешний конфликт — внутреннее дело молдавского государства, а все правительственные структуры Приднестровья незаконны, не имеет под собой реальной почвы и не выдерживает никакой критики. Потому что, во первых, мы являемся правопреемниками Молдавской автономной республики, существовавшей на этой территории до 1940 года, а во-вторых, государственность Приднестровья восстановлена в соответствии со всеми международными правовыми нормами — посредством референдума, на котором более 90 процентов приднестровцев высказались за свою независимость. Выборы президента и парламента также были проведены всенародно и на альтернативной основе. У нас есть все основания считать, что государственность Приднестровья более законна, чем государственность самой Молдовы, где не было проведено ни одного референдума, а выборы президента были безальтернативными. Кроме того, мы опираемся и на тот факт, что пакт Молотова—Риббентропа был вполне справедливо признан незаконным еще на втором Съезде народных депутатов СССР. Приднестровье стало в 1940 году жертвой этого пакта, прямым следствием которого явилось насильственное присоединение нашей территории к Молдове.

Расхожие утверждения о том, что конфликт в Приднестровье является конфликтом между молдавскими демократами и приднестровскими коммунистами, призваны исказить истинное положение дел. На территории Левобережья действуют различные политические партии, а в правительстве практически нет бывших партийных функционеров. И никто из обвиняющих нас в приверженности к коммунизму не может объяснить, почему бывший директор завода, а ныне избранный народом президент ПМР И. Смирнов является более «красным», чем бывший секретарь ЦК компартии Молдавии М. Снегур. Тем не менее у нас с Молдовой действительно есть идейные расхождения, вызванные тем, что в Кишиневе изначально приоритетными были провозглашены права нации, а в Тирасполе — права человека.

Мы не претендуем на чужие земли и на чужие права. Этим и объясняется тот факт, что мы ведем только оборонительные бои и только на своей территории. В то время как подразделения молдавского ОПОНа постоянно пытаются переправиться через Днестр.

Мы предлагаем кишиневскому правительству подписать договор о федеративном устройстве молдавского государства, куда бы на равных вошли Молдова, Приднестровье и Гагаузия. В этом случае была бы сохранена территориальная целостность, в которой мы тоже заинтересованы из экономических соображений. Официальная государственность же нам необходима на тот случай, если Молдова все-таки присоединится к Румынии. В этой ситуации мы используем свое право на самоопределение.

Но правительство Молдовы не идет навстречу нашим предложениям. Мы это связываем с тем, что на правом берегу сильны тенденции в пользу объединения с Румынией. В Молдове и Румынии уже возникло единое политическое пространство — объединенный совет объединения двух государств, введено идентичное территориальное деление, открыта граница, готовится единая денежная система. До полного объединения — один шаг, тем более что правительство Молдовы не привыкло советоваться с собственным народом и по-прежнему воздерживается от референдума.

Заявление же Илиеску о том, что «Молдова сама должна решить, какая помощь ей нужна» от Румынии, вообще ставит нас в сложнейшее положение. Может случиться, что Приднестровью придется воевать уже с двумя сильно превосходящими его государствами. На этом фоне ссылки на несколько сотен казаков, которые добровольно и без оружия прибыли на помощь Приднестровью, кажутся несерьезными. Мы казаков не призывали, даже просили не приезжать. Но запретить им участвовать в конфликте тоже не можем.

Конфликт на наших глазах перерастает в широкомасштабную войну в центре Европы, затрагивающую интересы многих государств — Украины, Румынии, России, а то и Венгрии с Болгарией. Международное сообщество должно понять, что право народов на самоопределение важнее сохранения целостности неправедно созданных государств. В Югославии пролилось немало крови, пока страны Европы решились признать Словению и Хорватию, а ведь сделай они это раньше, крови могло быть меньше. На территории бывшего СССР — несколько потенциальных карабахов и хорватий. Приднестровье — тоже один из таких регионов. Но демократические государства не позволяют себе решать подобные проблемы силой. Россия не объявляет войну Татарстану, а Украина — Крыму. Молдова же позволяет себе идти на Приднестровье войной, не понимая, что покорить силой почти 800-тысячное население — задача сегодня невыполнимая.

Выход один — переговоры. Причем переговоры многосторонние, с участием представителей Приднестровья. Не учитывая мнения приднестровцев, нельзя решить их судьбу. Это доказали многочисленные переговоры по Карабаху, в которых не участвовали представители этой республики.

Нам война не нужна. Единственное, чего мы хотим, — жить на своей земле, в своем демократическом государстве, где не будет (да и не было никогда) национальных проблем. Мы не хотим быть тем, чем никогда не были — Румынией. Мы хотим быть Приднестровьем. Но гарантий этого у нас нет.

Семья донских казаков в Приднестровье.
Фото: Владимира ШЕВЧЕНКО

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ: ЕЩЕ ОДНА «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»?

ЦЕПНОЙ реакцией территориальных делений в бывшем Союзе удивить трудно. Но вот вроде бы спокойная, политически инертная Карачаево-Черкесия удивила несказанно, словно задавшись целью поставить рекорд самодробления. Больше года назад, отделившись от Ставропольского края, эта крохотная территория у самого подножия Кавказских гор, где, кроме народов, давших ей свое имя, проживают представители еще шестидесяти национальностей, похоже, никак не может остановиться. За короткое время здесь провозглашены республики Карачай, Черкесия, Абазинская и еще две казачьи — Баталпашинская и Зеленчукско-Урупская.

Еще больше, чем республик, здесь появилось общественно-политических движений и партий с сочным национальным окрасом. Девятый вал страстей, поднимаемых сторонниками единой республики и сепаратистами, держит эту странноватую республику, без всяких признаков государственной атрибутики, в состоянии исключительной напряженности, временами доходящей до критической черты.

В последние месяцы пик напряженности приходится на Зеленчукско-Урупскую республику, казаки которой заявили о своей неколебимой решимости уйти из Карачаево-Черкесии под крыло Краснодарского края. У них не было конфликтов с горцами. И сегодня во времена всеобщей подозрительности и беспричинной озлобленности, вражды между ними нет. И не предвидится, слава Богу, ни одного переселенца на почве межнациональной неприязни. Но именно якобы притеснениями русскоязычного населения мотивируют настойчивые просьбы к Краснодарскому краю о присоединении многочисленные депутации. Во глазе их — представители бывшей партноменклатуры и одноэтный атаман Верхнекубанского казачьего круга Николай Ляшенко, прославившийся в августовские дни громогласной и безоговорочной поддержкой путчистов. Их роль в нагнетании межнациональных страстей здесь давно ни для кого не секрет. Не камуфлируют они и своей демонстративной нелояльности к органам республиканской власти и прокуратуры.

Многим памятны недавние события в станице Георгиевской, которые лишь по воле случая не стали началом вооруженного противостояния. Первопричиной стал тамошний неистовый батька Владимир Никитенко, от души поработавший с товарищами нагайкой по спинам молодых односельчан — горцев по происхождению. Беспричинно избитые обратились в районную прокуратуру с требованием привлечь обидчиков к ответственности. Вот тогда-то струсивший Никитенко, бывший участковый, уволенный из органов «за служебное несоответствие» (а проще — за грубость и рукоприкладство), бросил клич о помощи казакам-соседям. Несколько сот казаков, многие из которых были вооружены и явно натрезвы, начали съезжаться в Георгиевскую.

«Казачество, которое проявляет себя так же, как в станице Георгиевской, — реакционно, и сегодня представляет большую опасность для стабильности в России», — прокомментировал события начальник милиции Карачаевского района полковник Виктор Калюжный.

Впрочем, не секрет уже явное неблагополучие в казачьем сообществе. На совете атаманов Ставропольского союза казаков говорилось о необходимости строгого и жесткого отбора новых членов, среди которых сегодня нередко встречаются, как было подчеркнуто, «наркоманы, любители выпить, психически больные и неуравновешенные, слабовольные, мистически настроенные, хвастливые, амбициозные, агрессивные».

По существу ультимативное обращение к руководству Краснодарского края с требованием поддержать сепаратистов приняли руководители и казачьи атаманы Мостовского, Курганинского, Лабинского и Отрадненского районов. О том, какими циничными средствами при этом пользовались иные из них, свидетельствует письмо директора турокомплекса «Псебай» Бориса Элькана, карачаевца по национальности. В числе руководителей района он был приглашен на совещание к главе администрации Красноружеву, где рассматривался «вопрос оперативной обстановки в связи с событиями в Карачаево-Черкесии». То, что поведали участники совещания, могло ошеломить любого непосвященного. К примеру, начальник Мостовского РОВД Куриенко сообщил: самолетом из Турции в соседнюю республику доставлено оружие для карачаевских боевиков.

Распаленный всем услышанным, вскочил с места районный атаман В. Савченко: «Братья славяне, надо подниматься на священную войну, на защиту казаков...»

«Не выдержав этого спектакля, — пишет Элькана, — я встал и заявил, что это сплошная брехня и политическая авантюра. И задал выступавшему вопрос: на какой же горе приземлился самолет с оружием для карачаевцев? Ведь в Карачаево-Черкесии нет ни одного аэродрома...»

— Надо ведь понять и тревоги казаков, которые боятся такого поворота событий в Карачаево-Черкесии, когда они вообще могут оказаться за пределами России, если национальные сепаратисты вздумают пойти дальше, — говорит атаман Кубанской казачьей рады Владимир Громов. — Сегодня те за жизнь в составе России, а завтра побегут и из нее. А русских вынудят бежать из этих автономий. Разве мало уже примеров? И казакам, русскоязычному населению Карачаево-Черкесии нужна уверенность, что это лихо их минует. Нужны конституционные гарантии их прав и свобод.

Резонно. Но, чтобы принять такую конституцию, Карачаево-Черкесии надо располагать всеми атрибутами государственности, утвердиться которым никак не дают сепаратисты всех мастей, конечно же, не только из среды казаков. Более того, сегодня сепаратистам весьма способствует подготовленный для утверждения на шестом российском съезде народных депутатов законопроект об образовании Карачаевской и Черкесской автономных областей. Законопроект требует «учитывать интересы казачества», включая их пожелания о самоуправлении. Как мы видели, эти пожелания однозначны. Следовательно, образование автономий будет сопровождаться яростными территориальными спорами.

Здравомыслящие местные политики из национальных движений, руководители республики, большинство русскоязычного населения Карачаево-Черкесии выход из межнационального тупика видят один — законодательное оформление Карачаево-Черкесской республики. Она прикажет долго жить, если съезд депутатов России утвердит законопроект об образовании областей, ссылающихся на волеизъявление карачаевского и черкесского народов.

Какое оно, ясно показал опрос населения республики, состоявшийся 28 марта. 78,6 процента голосовавших избирателей высказались за единую республику. Накануне борьба за голоса приобрела здесь беспрецедентно неправовые формы. Сессии народных депутатов трех территорий Карачая под мощным давлением и угрозами национал-радикалов приняли решение у себя не проводить опрос. Но он состоялся. И свыше 95 процентов карачаевцев сказали «да» единой республике, разом выбив козырную карту казачье-партийной номенклатуры, утверждавшей, что именно на карачаевцах лежит вина за территориальный передел.

Но лжепропаганда достигла цели в Урупском и Зеленчукском районах: две трети их населения высказали нежелание совместно проживать с народами Карачаево-Черкесии. С другой стороны, и карачаевские радикалы не намерены отступать.

Так что, похоже, Карачаево-Черкесскую республику, на днях подписавшую федеративный договор, ждут еще нелегкие времена: предстоит борьба за то, чтобы сохранить себя в целостности.

Людмила ЛЕОНТЬЕВА

СТАВРОПОЛЬ

Дикий Запад

Латвийский калейдоскоп

В КУПЕ поезда Москва—Рига, которым я возвращалась домой, везли оружие. Узнала я об этом утром, уже подъезжая к Риге. Услышала с верхней полки негромкий разговор хозяина груза, молодого, чуть опухшего с похмелья парня, с пожилым интеллигентным попутчиком. Вез торговец, как я поняла, оптические прицелы и нарезные стволы. На рижских заводах, по его словам, их не делают, а на одном российском — за солидную сумму — удается доставать.

Попутчик, ехавший в Ригу в гости, слушал собеседника с неодобрительным любопытством.

— А вы посудите сами, — не отставал бизнесмен, — законы в Латвии сейчас никого не защищают, кроме бывших хозяев; вооруженных формирований все больше. Полиция, если и дозвонишься, выедет к тебе на общественном транспорте: бензина нет. Вот-вот начнется охота на ведьм... Люди боятся и думают, как себя защитить.

— Не верится, что вы говорите о Латвии. Для меня она всегда была немножко Европой. Когда Прибалтика начала борьбу за независимость, мы в институте не одно собрание провели в поддержку, письма подписывали. Мы надеялись: если у вас получится с демократией, значит, и у нас...

— Какая демократия? — поморщился, как от зубной боли, торговец. — Она забыта, как и те идеалисты, которые кричали о ней с трибун. Посмотрите, что происходит. Не успели государственность восстановить, как уже перессорились с соседями. Таможнями, лицензиями душат нормальную торговлю. Народ нищает, а чинозник жиреет. Европа принимает Латвию в свои сообщества, а жизнь в стране все больше напоминает Латинскую Америку.

Парень еще долго распалялся, но так и не объяснил попутчику, почему тот ехал в одну Латвию, а приедет в другую. Да и вряд ли удалось бы этому ушлому бизнесмену ответить на вопросы, ставшие неразрешимыми для многих жителей Латвии. Почему людей все чаще охватывает страх? Почему в Латвии, счастливо избежавшей этнических конфликтов на пути к независимости, сейчас образовалась трещина между людьми и она становится все глубже? Что произошло с республикой, быстрее многих других обещавшей стать цивилизованной?

О чем говорят на рижских кухнях

За происходящими событиями часто слежу по соседям, вернее, двум соседкам, Велте Яновне и Анне Петровне. Обе учительницы, одна работает в латышской, другая — в русской школе. Анна Петровна, по нынешним понятиям, мигрантка, даже оккупантка. Жена отставника, она приехала в Ригу 30 лет назад, по-латышски, как по-японски, ни гу-гу. Говорит, язык был ей не нужен. Велта Яновна — из коренных, с тех пор как Латвия стала независимой, говорит со мной только по-латышски. Если бы не политические споры, происходящие иногда между женщинами, можно было бы считать, что они дружат. Раньше, замечала, и праздники проводили вместе. Теперь у каждой семьи — свои.

Предметом давнего спора для обеих является гражданство. Велта Яновна в этом вопросе — радикалка. По ее мнению, гражданство должны получить только жившие в Латвии до 1940 года и их потомки. Она любит цитировать своего любимого депутата, который говорит: «Гражданство — это привилегия». Слово «привилегия» для Велты Яновны никогда ничем не обладавшей, имеет особый смысл. Когда-то после войны, когда дом стал заселяться приезжими, пятикомнатную квартиру ее родителей ужали до трех, в ней она и живет до сих пор с мужем-инвалидом, взрослой дочерью и семьей сына. С помощью гражданства она надеется восстановить справедливость.

У Анны Петровны по этому поводу своя теория: ну, перераспределите вы все, что есть, заставите дискриминационными законами русских отсюда уехать, а дальше что? Дальше же строить надо, что-то создавать? А вместе с русскими, считает она, исчезнет все производство, строительство, торговля, почти вся медицина. Велта Яновна на это отвечает, что народ их — терпеливый, готов ради свободы и в лаптях походить.

Уровень жизни семей заметно разный, что не случайно: русские семьи оказались в новых условиях более защищены коммерческими либо родственными связями с Россией. Местные же больше надеялись на государство, чем на себя.

Так, сын Анны Петровны — бизнесмен, открыл фирму в России, ездит туда-сюда на импортной машине, хорошо зарабатывает. Его друзья, заметила, тоже не бедствуют. Если понадобится гражданство, убеждены, купят.

Велта Яновна копейку на ветер не выбросит, но из долгов не вылезает. Главный кормилец в семье — сын — зарабатывает частным извозом. Но в последнее время жалуется: весь заработок уходит на бензин, видимо, бросит.

На днях встретила двух женщин у подъезда, слышу, жалуются друг другу Велта Яновна, удрученная, только что с похорон — молодой учитель повесился. Рассказывает: директор накануне объявил о сокращении, а у коллеги четверо детей. За себя, говорит, тоже беспокоюсь, могут уволить. У Анны Петровны своя печаль. В русской школе, начиненной слухами, пронесся очередной: работу пионервожатых якобы не будут засчитывать в трудовой стаж, так как она считается «политической». А у Анны Петровны таких политических лет аж 17. И пенсия вот-вот... А еще говорят, что я связи с вводом Закона о государственном языке всех незнающих будут увольнять. «Так вы же русский язык в русской школе преподаете, — успокаиваю, — чего вам бояться?» «Чиновники грозятся, — отвечает, — что требование коснется всех организаций». Кажется, Велта Яновна Анне Петровне искренне посочувствовала.

Как одна медсестра страну распродала

Вот, уже несколько лет хожу к одной и той же медсестре. Лариса — медик от Бога, само милосердие. Дочку растит без мужа, отец-пенсионер на руках. Девочке 13, а цены на подростковое даже взрослые. Самой Ларисе нет сорока, одеться тоже хочется. А где взять? Вот и соблазнила подруга год назад поездками в Польшу. Сначала стеснялась моя медичка, а потом втянулась, решила — что здесь такого, пол-Латвии ездит. Покупает на свою нехитрую сестринскую зарплату, что может достать подешевле — лампочки, сверла, прищепки, рыбные консервы, — и туда. Оттуда везет одежду дочке и себе. Иногда доллары. Однажды привезла даже нутриевый полушубок: хвасталась — здесь бы век не купила. Ее напарница, такая же безмужняя, собрала таким образом сыну на институт. Другая, рассказывает, выкупила кооперативную квартиру.

Врач-латышка, с которой она постоянно работает, Ларису осуждает. Говорит, такие, как вы, Латвию распродают, поэтому в магазинах полки пустые. Лариса расстраивается и пытается оправдаться. Ведь и государство, считает она, не очень-то о ней заботится. Зарплату совсем недавно повысили, но и та до прожиточного уровня недотягивает. Покупать товары по коммерческим ценам она не в состоянии, в других же магазинах одеться не во что. С нового года перестала она и алименты от мужа с Украины получать — на почте говорят, прекращены все денежные операции с бывшими республиками Союза. И как, спрашивает она, жить?

Жить, по ее мнению, можно было бы, если бы не таможня. Год назад, когда она начала свой «бизнес», брали только литовские таможенники и советские пограничники. Причем брали товаром, потроша сумки «туристов». Позже перешли на денежный расчет, проезд через каждую таможню стал обходиться примерно 200—500 рублей с автобуса. На советско-польской границе платили еще и за очередь, если не хотели простаивать по нескольку дней. Там выходило по нескольку тысяч с машины. Латвийская таможня, считает Лариса, вела себя скромнее других. Правда, после ухода из Латвии ОМОНа и она, по ее словам, обнаглела. Стала брать долларами. Замечает, что с ростом запретов растут и поборы. Когда-то к вывозу был запрещен лишь небольшой перечень дефицитных товаров. А сейчас свой список чуть ли не у каждого министерства. Оказывается, лимитирован даже вывоз сухарей.

— Ну и что? — возмущается она. — Все равно вывозят машинами. А таможенники пристают к мелким рыбешкам вроде меня. Мимо едут грузовики с ящиками рижского бальзама, шампанского, мебелью, сахаром — эти нашим таможенникам не по зубам, они бывают и вооружены, а на нас пограничные стражи отыгрываются.

В последнее время, жалуется Лариса, поборы так возросли, что ездить стало невыгодно. Из мартовской поездки она привезла всего на 15 долларов больше, чем увезла. Сейчас собирается ездить в Литву. Ее подруги возят в Литву сдавать пустые бутылки, там каждая на три рубля дороже. За неделю, говорят, можно несколько тысяч заработать. Правда, посетовала Лариса, латвийские таможенники и от Литвы отгораживаются. Наоборот, объясняю, на днях балтийские министры подписали соглашение о едином экономическом пространстве. «Правда? — радуется моя бизнесменша. — Надо поездить, пока не передумали».

Кто больше ворует: русские или латыши?

Спор об этом неожиданно возник в редакции одной рижской газеты. Газета была, как сейчас говорят, русскоязычная, но, кроме русского редактора, были здесь и редактор латышской газеты, гость-бизнесмен, еврей, директор небольшого завода и несколько журналистов, не поймешь, какой крови.

Заговорили сначала о бизнесе. Потом как-то незаметно — о воровстве. Кто-то рассказал о жалобе знакомого лесника: вырубили, по его словам, все зеленое кольцо вокруг Риги. Бывшие владельцы — латыши, которым вернули землю, вырубают, а русские бизнесмены продают за границу, сетует лесник. Причем продают, как папуасы, меняя золотые слитки на стеклянные бусы: за корабельные сосны привозят с Запада подержанные машины.

Вот тут кто-то и поинтересовался вслух: а кто же ворует больше, русские или латыши?

— Больше всех сейчас наживается национальное чиновничество, — поделился своим мнением бизнесмен. — Сегодня в Латвии все можно купить и продать за взятку. Самые ярые национал-радикалы предлагают себя российским фирмам: заплати определенную сумму — и для тебя все сделают.

Дальше собравшимся довелось от него услышать прелюбопытную лекцию о том, что и почем продается в Латвии. Размеры взяток, по его данным, от нескольких тысяч до миллионов. Самое дорогое — отвод земли в престижном месте. Сложный вопрос — чем брать, ведь можно и засветиться. Рублями взять — где их хранить? Долларами — опять-таки наличными большую сумму хранить опасно. Взять сырьем, товаром — страшно. Чаще берут техникой: в доме поставил, не видно. Открывают счета за границей. Но самый удобный вариант — это когда государственные служащие открывают фирму, которой передается или дарится какое-то имущество, машины. Чиновник пользуется этим совершенно свободно, потому что машина с государственным номером—собственность фирмы, в которой он даже не учредитель. Естественно, оформляют фирму на кого-то из родственников или детей. Очень удобный способ.

Мздоимство латвийских чиновников, по словам бизнесмена, даже Западу глаза режет. Газеты «Афтенпостен» и «Свенска дагбладет» утверждают, что в Латвии — самые коррумпированные государственные структуры в Европе.

— Только не заблуждайтесь насчет русских, они с заводов больше воруют, — вступил в разговор директор. — У меня как раз такой коллектив. И бизнесмены в Латвии, не забудьте, на 90 процентов русскоязычные. А они чего только не вытворяют! Изобретают миллион способов, чтобы обмануть государство и не платить налоги, играют на российском и латвийском законодательстве, неоднократно перерегистрируются, пользуясь льготами.

Условия для предпринимателей сейчас такие, что заставляют накапливать капиталы в обход законов. А что нас ждет в будущем? В гражданстве собираются нам отказать, к собственности не подпустят, приватизацию проедут без нас... Так что русские бизнесмены ведут себя не хуже, чем к ним относятся национальные чиновники.

Спор незаметно разгорелся. Одни защищали латышей, другие — русских. Кто-то вспомнил о жилом девятиэтажном доме, который строили российские военные, но, доведя его до пятого этажа, остановились, поскольку стройматериалы на остальные этажи уже были разворованы.

Картина складывалась удручающая. Чаша весов все время колебалась. Всех примирил хозяин-редактор, который призвал спорящих посмотреть на вещи нетрадиционно.

— Взятка — это смычка между старым и новым. В нашей ситуации неважно, кто ее дал, кто взял — русский или латыш. Если сделка состоялась, товар пошел, значит, мы еще немножко приблизились к капитализму.

Приятель, латышский журналист, по секрету рассказал мне позже об одном тайном складе на тихой улице. По его словам, на склад поступают контейнеры с гуманитарной помощью. Охраняют их вооруженные ополченцы. Попадают на склад одни дети и родственники высокопоставленных чиновников, которые тайно, чуть ли не ночью, подъезжают на машинах и вывозят барахло.

— Почему же ты об этом не напишешь? — спрашиваю приятеля. — Ведь они же твой народ грабят.

— Из рациональных соображений, — ответил он. — Эти вот-вот наедятся, а новые придут, им все заново подавай.

300 тысяч, и все в белых штанах

Недавно на латвийско-литовской границе произошел случай, который взбудоражил всю республику. Шесть вооруженных автоматами человек поздно вечером в темноте обстреляли туристический автобус с 50 пассажирами, направлявшийся в Венгрию. Пули пробили стекла салона, радиатор, капот. По счастливой случайности никто не пострадал. Инцидентом сразу же занялась прокуратура. Выяснилось, что нападавшими были ополченцы, присланные в помощь таможне охранять границу. Однако на успех даже представиться парням с таможни, новобранцы решили поиграть в войну.

— Ну скажите, чем они отличаются от омоновцев? — услышала наутро в очереди от одной молодой женщины. — Если сто головорезов держали в страхе всю республику и чуть не учинили переворот, то чего ждать от этих? Их, говорят, 10 тысяч.

— Это только одних ополченцев 10 тысяч, — поддержал разговор пожилой мужчина. — А таможенников сколько? А пограничников? А еще, говорят, какую-то службу безопасности создали. Свое КГБ, что ли?

Тема вызвала в очереди живой интерес.

— А я читала в «Диене», — вступила в разговор еще одна дама, — о каких-то «командос», которых будут вооружать по мировым стандартам. И обучать их собираются на валюту. А тут стоишь и не знаешь, хватит ли тебе молока на рубли...

О том, что Латвия все больше начинается вооруженными формированиями, говорят не только в очереди. Говорят со страниц газет, с высоких трибун. С одной стороны, их наличие понятно. Министерство обороны, охрана границ, даже своя служба безопасности — обязательные атрибуты государственности. С другой стороны, вооруженные отряды создают, оказывается, не только государственные структуры, но и Конгресс граждан (общественная национал-радикальная организация), который принял решение о вооружении айзсаргов.

При этом вооруженные парни не могут поделить оружие, форму, привилегии, властные полномочия. И так как в молодом государстве на всех всего не хватает, то возникают конфликты. Случается, и вооруженные. То и дело возникают слухи о готовящемся перевороте. Журналисты иронизируют, что больше всего в нем заинтересованы сами вооруженцы. Вопрос только в том, кто захочет размяться первым.

Судя по заголовкам газет, угрозы не столь уж безобидны. Информированные люди из министерства обороны сообщили репортерам «Диены», например, о зародившемся коммунистическом подполье. По их данным, организации компартии Литвы получили задание заняться устройством укрытий, сбором оружия, внедрением своих людей в госструктуры.

Движение «Альянс демократических сил», созданное недавно демократами первой перестроечной волны, предупреждает об опасности государственного переворота справа, со стороны национально-радикальных сил.

Как пишет та же «Диена», обещает «уцелеть и вернуться» рижский ОМОН, находящийся на нелегальном положении за пределами Латвии. Недавно латвийское правительство получило заявление от бывших омоновцев с угрозой «за каждого пострадавшего товарища не пожалеть десять врагов».

Активизируются и различные патриотические движения. На днях в Ригу прямо с приднестровской войны по своим казачьим делам приезжал один из донских атаманов. В Латвии, кстати, создана организация «Казачий круг», в уставе которой предусмотрено ношение холодного оружия.

Парламент, правда, пригрозил незаконным вооруженным организациям применить силу, если «они не вступят в контакт с властью». Но в последнее время сами депутаты все чаще ощущают незаконность собственного пребывания в стенах парламента. Телевизионные репортажи из зала заседаний напоминают скучные партийные собрания, от которых каждый пытается уползнуть. Бывают дни, когда на заседаниях присутствует 30—40 депутатов из 200. Они принимают законы, поправки к ним, даже иногда спорят, но создается впечатление, что как бы не всерьез. И действительно, положение у них странное. Избрали парламент по законам Латвийской ССР, а сейчас живем совсем в другой стране. Недавно сам Председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов признал, что возглавляемый им ВС «не имеет права решать конституционные вопросы».

— Ну вот, парламентский кризис налицо, — пришел к выводу один оппозиционный политик. И припомнил, как недавно в одной латиноамериканской стране такой ситуацией воспользовались несколько десятков вооруженных офицеров.

— Нашим недовольным не обязательно совершать переворот, чтобы почувствовать себя в Латинской Америке. Достаточно откликнуться на приглашение Аргентины, — посоветовал другой политик. И напомнил: 300 тысячам эмигрантов из Прибалтики обещаны жилье и работа.

Журналисты из газеты «СМ-сегодня», первыми опубликовавшие эту информацию, рассказывают, что не справляются с почтой — в день приходит по 200—300 писем от потенциальных «аргентинцев». «Бежим от безысходности, — пишут многие, — согласны на любую работу. Может быть, в чужой стране нам будет не так страшно».

Татьяна ФАСТ,
соб. корр. «ЛГ» по Латвии

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

Месть бюрократов

ПРИМЕРНО год назад, 13 марта 1991 г., «Литературная газета» в статье «Чужаки» рассказала о «деле» орловского кооператора Анатолия Мукуева. Наглый произвол чиновников, подозрительность к инородцам, неприязнь к богатым переплелись здесь в такой тугой узел, что мне, честно говоря, казалось: этому человеку не выпутаться. Рад, что ошибся. 25 декабря прошлого года дело Мукуева было закрыто прокуратурой Российской Федерации в связи с отсутствием состава преступления.

Защищал А. Мукуева известный московский адвокат Генри Резник. Случилось так, что в 1990—1991 гг. ему пришлось заниматься тремя «предпринимательскими» делами: делом Эдуарда Тенякова в Челябинске, делом Анатолия Мукуева в Орле и делом Эдуарда Гинзбурга в Иркутске. Во всех трех случаях под следствием и на скамье подсудимых оказывались люди инициативные и предприимчивые, выламывавшиеся из привычной жизненной схемы. Рано или поздно система становилась таким людям «тесна в плечах», их самостоятельность, нежелание считаться с чиновными авторитетами и растущая экономическая сила превращались в прямую угрозу власти бюрократии. И их убирали.

Против всех троих фабриковались уголовные дела. Самое отвратительное — месть бюрократии творилась руками людей, которые должны печься о законности и справедливости. Но не истину искали следователи, не к торжеству права стремились. Их цель — примерное наказание строптивцев.

А раз так, то все средства хороши. Дело Мукуева, которому «шили» расстрельную статью 93' (хищение в особо крупных размерах), основывалось на мифическом, выдуманном «ущербе». Тенякова (обвинен в получении взяток) арестовали 20 августа 1991 года на основании показаний против него, полученных в ноябре 1990 г. от заинтересованного лица. В деле Гинзбурга (тоже обвинение во взяточничестве) основной «взяткодатель» писал заявление о даче взятки, потом отказывался, а потом снова писал. И так несколько раз. И все трое уже сидели, как вдруг... машина, способная раздавить любого, способная в два счета доказать, что вы агент сразу пяти иностранных разведок и украли миллион, дает сбой. Дело Тенякова закрыто, дело Мукуева закрыто, дело Гинзбурга отправлено на новое рассмотрение, где, по мнению Г. Резника, развалится.

И возникает вопрос: что, действительно приблизилось «царство божие на земле» — правовое государство или мы свидетели очередного колебания политической конъюнктуры? Г. Резник отнюдь меня не обнадежил:

— Настоящие перемены наступят только тогда, когда у нас будут объективные, независимые следствие, прокуратура и суд. Ну, а пока мы не имеем ни того, ни другого, ни третьего, работники этих органов при всякой смене власти будут бросаться исполнять другие, иногда прямо противоположные указания... Это составная часть сложившейся системы — нищий чиновник. Зато наделенный правом открывать турникет или закрывать его. Так что иметь таких нищих власти выгодно — для того чтобы напускать на тех, кто нарушает «шариковские» принципы. Следователям, которые вели подобные дела, судьям, дававшим зубодробительные сроки, не надо было себя насиловать, выполняя указание какого-нибудь секретаря обкома, не было и угрызений совести. Требования громить частников, кооператоров и т. д. падали на благодатную почву. И сейчас мало что изменилось. И хотя я был и остаюсь совершенно уверенным в невиновности моих подзащитных, радость моя от того, что они оправданы, не может быть полной.

Михаил ЛОГИНОВ

СУДЬБЫ

Уволены в запас...

● Майор С. Евсеев создал фирму «Стартин», занимается досугом подростков, автор и ведущий программы авторского телевидения.

● На толкучке в Измайлове продается обмундирование майора Б. Вячеслава, пока безработного.

● Подполковник И. Тарасевич связал судьбу с церковью. Ему предстоит рукоположение в сан православного священника.

Фото Александра КАРЗАНОВА

Андрей ФИЛИППОВ

Золушки и принцы

Их было одиннадцать — счастливых молодых женщин, ставших в конце прошлого года на историческом последнем всесоюзном конкурсе лучшими женами страны, гордо именовавшейся СССР, и равными обладательницами титула «Супруга года». Их приз — бесплатная семейная путевка в круиз по балтийским странам Европы. Новый год они встречали на лайнере «Константин Симонов» посреди Балтийского моря в окружении молодых бизнесменов, ставших спонсорами поездки, телешоу «Поле чудес», ансамблей Криса Кёльми, Игоря Николаева и Наташи Королевой... Совершенно случайно одним из осчастливленных мужей стал сотрудник редакции «ЛГ».

«Наши» и «ваши» в европейском круизе

ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ с говорящей фамилией Невзоров в кадре положил на стол перед собой автомат, на прикладе которого через трафарет было краской нашлепнуто: «НАШИ». Затем перевел дух и посмотрел на зрителей пылающим и страстным взором. Тут же на экране появилась обольстительная женская попа. На левой ягодице губной помадой было намалевано сердце, пронзенное стрелой. На гравой — блатное слово «ТЕЛКИ». Таким же шрифтом, как на прикладе, — «НАШИ». Можно подумать, что парень предпочитает для «этого» не девушку, а цевье автомата. Ну что ж, его дело. Контекст, антураж и специальные телеухищрения должны были вызвать у затюканных жизнью соотечественников стиснутость зубов и чесание кулаков в адрес всех более или менее стройных и симпатичных девушек страны, осмеливающихся демонстрировать свои качества.

Конечно, моя жена понимала, какие пересуды после такого сюжетика вызовет ее участие в конкурсе на звание лучшей супруги года. И я тоже понимал.

Поэтому, отправляясь в круиз, где должен был пройти финал «Супруги 91», организованной «Комсомольской правдой», я был готов защищать честь семьи до последнего вздоха, выкидывая развратников за борт в пучину Балтийского моря. Как выяснилось, остальные мужья — тоже. Но мой опыт кулачного боя не понадобился. Наши жены не то что не выходили в купальниках на суд знатоков женского тела, но и простенького конкурса по приготовлению витаминного салата не было.

На второй тур компьютер из ста пятидесяти тысяч молодых женщин выбрал тридцать. И только одиннадцать из них должны были отправиться в круиз.

Что требовалось для победы? Участницы перед телекамерой ТСН отвечали на самые каверзные вопросы, какие только могли придумать молодые и холостые журналисты всесоюзной молодежки. Что холостые — это было точно видно, больно вопросы были жизненные и били не в бровь, а в глаз. Ах, а какая ваша в жизни самая большая мечта, а как вы относитесь к мужчинам, а не останетесь ли вы за границей и почему же вы этого не сделаете в первой же стране, ах, а какие газеты вы читаете, и все такое прочее. Все жены были в мини-юбках, даже в макси-поясах, и больше шутили, чем философствовали. А когда возвращались на места, кисло так улыбались: было бы проще рассказать, какой длины очереди за детским питанием в молочном магазине, да и буквально за всем, почем сейчас одно яйцо и что испытывает молодая мать, когда ее пятилетний ребенок некормленый, а молоко в отделе кончилось, хотя стоять осталось всего ничего — человек пятьдесят—семьдесят.

Критерии, которыми руководствовался компьютер, остались тайной за семью печатями. Что мы попали в круиз, что моя жена попала по выбору экспертов оргкомитета в число одиннадцати счастливиц, нам сообщили спустя два дня. Как обвал. На круиз каждому надо было наскрести более или менее приличную сумму в рублях. Чтобы выкупить сто долларов на туалет и карманные расходы во время стоянок в зарубежных портах. И в итоге — почти ноль.

Как тут свести концы с концами? Жене хоть на работу в рейсе нанимайся — все-таки тренер по аэробике. Наверняка в круизе будут дамы, желающие похудеть! Выручила фирма, из которой у Ирины занимаются молоденькие девушки, — московское производственное швейное объединение «Орель». Ей предложили стать представителем деловых интересов фирмы в бизнес-клубе круиза. Зарплату выдали вперед, и почему-то только рублевками — вышло аж килограмма полтора-два.

И вот он, бал на корабле.

17 декабря. Санкт-Петербург, таможня Морского вокзала. Холодина лютая, пурга. Странно, почему-то море не замерзает. С пяти утра заняли очередь на таможенный досмотр и получение загранпаспортов. Но оказались — поздно встали. Верхушка круиза и бизнесмены приехали еще вчера и ночевали тут же, в гостинице над таможней. Мы где-то трехсотпятидесятые. Отход судна в девятнадцать. В восемнадцать двадцать девять таможенник просветил рентгеном наши чемоданы и спросил: «Сколько икры везете?». Нисколько, удивились мы. А что за банки в чемодане? Пришлось краснеть: родственники отправляли нас за границу, как в ссылку. Говорят, голодно на этих кораблях, да и вообще, чайку вечерком попить в каюте никогда не помешает. И наложили полчемодана заварки, сахару, шпротного паштета, скумбрии, даже банку лососевого фарша не пожалели. Из-за этого груза я и взмокал. Таможенник криво усмехнулся: такая пожива его не интересовала.

Борт теплохода «Константин Симонов». Наконец-то кончился этот кошмар. С паспортом в зубах, с четырьмя чемоданами в двух руках я через пургу бегу триста метров до трапа. Понимаю, что чувствовали белые, эвакуируясь из Севастополя, когда наши славные красные конники входили в город. Позади бежит жена в распахнутой шубейке, с двумя сумками в руках. Паспорт, таможенную декларацию и посадочный талон она тоже держит во рту. Я боюсь, что сейчас, по своей привычке что-то мне непрерывно говорить, она откроет рот, и документы улетят в Неву.

Тут нас ждал главный сюрприз. Лучшие супруги страны и их мужья плывут в самых плохих, четырехместных каютах на нижней палубе, у машинного отделения. Правда, соседи у нас отличные. Семейная пара из Апатитов. Но видели бы вы их и наши лица, когда мы с чемоданами ввалились в двери! Каюта — это купе железнодорожного вагона с отгороженными тонкой переборкой душем и унитазом. В общем, международного уровня комфорт.

Разумеется, вся головка круиза преспокойненько размещается в каютах «люкс» на верхних палубах. Это такие шикарные двухкомнатные номера, на жаргоне — «каюты судовладельцев», с широкими окнами, с видеотехникой и мебелью. Кстати, часть четырехместных мышеловок на нижних палубах так и проплавала пустыми. Как мы ни упрашивали дирекцию круиза, нас не захотели разделить по пустующим номерам. Платите валюту! А откуда ее взять?

22 часа 00 минут. Когда же кончится этот тяжелый день? Пассажиров собирали в музыкальном салоне, представлялся экипаж. Объявили, что уже завтра утром приплываем в Хельсинки. К микрофону подошел первый помощник капитана (по залу так и прошелестел шепоток: кагэбешник, кагэбешник!) и объявил, что, к сожалению, наши туристы за последние, перестроечные годы послабления режима окончательно дискредитировали себя в глазах жителей европейских государств. Вместо знакомства с достопримечательностями так и норовят торговать захваченной в Союзе водкой и сигаретами. Поэтому финские таможенные власти прямо-таки зверствуют, полиция пачками задерживает контрабандистов у трапа, штрафует, в наиболее злостных ждут две недели тюрьмы...

Ночью в каюте из-за качки со столика мне на голову слетели книжка и тарелка. Я вскочил, подумал, пришли с обыском — конфисковывать разрешенный к провозу минимум: две поллитровки.

18 декабря, 12 часов дня. Центральный рынок Хельсинки. Мы прибежали сюда вшестером — три мужа и три жены. Остальные не рискнули выходить на разведку, остались ждать автобусной экскурсии, она начнется через час. До порта — два километра. Как десантники, не знаем языка и ориентируемся по карте. Времени в обрез, надо успеть вернуться к началу экскурсии. Цель жен — проветриться после ночной качки и поскорей увидеть заграницу. Цель мужей — попробовать загнать кому-нибудь бутылку водки. Пятьдесят финских марок — минимум. Это двенадцать «зеленых». Слухи о зверствах финской таможни в порту оказались сильно преувеличенными. Ее просто не было. Водку я взял с собой из спортивного интереса. На дверях финского рынка висит крупное русское объявление: «Торговля с рук запрещена. О спекулянтах сообщим в полицию!» От судьбы не уйдешь.

21 декабря. Центр Балтики на пути в Данию. Нас ждет земля Ханса Кристиана Андерсена, Нильса Бора и церквей белой эмиграции. Путешествие прекрасно. Завтраки, обеды, чайки, музыкальные вечера, переходящие в танцы до утра. В общем, жизнь — как в советском кино про буржуев-миллионеров. Про «плохишей».

К слову, о миллионерах. Как можно наблюдать, на всем корабле мы, супруги-финалисты, самые бедные и разнесчастные. Ну Золушки, взятые на бал из жалости. Остальные пассажиры из сословия купцов и посредников, короче, бизнесмены, на порядок-два-тридцать обеспеченнее. Стоимость самого плохонького местечка в круизе в четырехместной каюте — 32 тысячи рублей. Плюс двадцать тысяч обмена за двести долларов. Это нам Алексей, сосед по купе-каюте, объяснил. Он директор малого предприятия по поставке строительных материалов и изделий из самоцветов. Вполне может позволить себе заплатить такие деньги за себя и еще столько же за жену. Я и остальные мужья как узнали, сколько стоит круиз, выигранный по-честному нашими «бриллиантами», два дня ходили с гордо развернутыми плечами.

КТО ЖЕ они, лучшие супруги года? Напомню, что первая в русской классической литературе девушка, участница конкурса красоты, это героиня Чехова (смотри «Анну на шее»). Ее семья пострадала исключительно через ее красоту.

У нас же наиболее яркой внешностью, длиннющими ногами в короткой юбке выделялась Оксана Морозова. (Замечу в скобках — жена автора прочитала это и ударила его скалкой по голове.) Учительница музыки в начальных классах из Таллинна. Это она, увы, не отгадала в супер-игре, как называется фольклорное свадебное музыкальное произведение. Ответ — «эпиталамус». Похоже, этого не проходят даже в высших музыкальных училищах, где готовят педагогов, и в «Поле чудес» перемудрили. Ее муж Алексей, специалист по автоматике и телемеханике, мечтает работать в эстонском представительстве какого-нибудь крупного западного концерна типа «Сименс» или «Грюндиг». Они скоро начнут открываться. Он знает четыре (!) европейских языка: английский, эстонский, русский, немецкий, по-хорошему уверен в себе.

Москвичка Алла Родченкова, домохозяйка, финалистка конкурса красоты «Дюймовочка-90». Она редко уступает в спорах и дискуссиях, великий стратег и самой природой создана участвовать для выступлений в таких конкурсах, как и моя жена. Алла знает свои сильные стороны — особенно эротичную, у нее очень мощный, как говорят, сексапил. (С английского «секс аппил» — сексуальный призыв.) И она ратовала за состязания в купальниках. «Конечно, это украсит жизнь круиза, ведь мужчинам приятно на красивую женщину в купальнике посмотреть», — считает она. Никто не спорит, лишь с бухты-барахты какая-то язва добавляет: особенно если она без весла!

Катя Капитонова из Самары — финалистка «Мисс СССР-90», замужем меньше всех по времени, спокойная, улыбчивая, длинноногая. Кажется, они с мужем сильнее других страдали в 4-местной каюте. Осекина Таня — телеконферансье детской программы «Зебра» на Санкт-Петербургском ТВ. Антонина Тарпошян из подмосковного Зеленограда — мастер-модельер, у нее там скоро будет свое ателье. Она все горевала, что не смогла сшить всем женам костюмы для телеигры по своим эскизам: длинный пиджак, лосины, туфли на каблуках...

Вечером на борту проходим собеседование перед телекамерой с Леонидом Якубовичем для предстоящей съемки телеверсии игры «Поле чудес». Кто думает, что там все в прямом эфире, — чепуха. Вся игра записывается заранее, а перед записью все шутки и экспромты тщательно готовятся. Видеозапись потом смотрят эксперты передачи. Две пары не смогут с экрана помахать ручкой родителям и знакомым — не влезают в кадр.

Выясняется, что мы лишняя пара. Почему — не объясняют. Скорее всего из-за фамилии: в конце алфавита. Так что зря старались ошеломить Якубовича нашим эфирным остроумием. «О чем хотите поговорить, когда будет крутиться барабан?» О сексе, отвечаем, о чем же еще. Ну об этом все молодые хотят. Вот вы в каком плане конкретно хотите? Мы заявляем, что не прочь огласить свою самую заветную мечту: предлагаем себя национальной космической программе для семейного полета на станцию «Мир». Чтобы в условиях невесомости провести там сексуальный медицинский эксперимент. Тем более, что в Америке супружеская пара уже готовится к полету на «Спейс Шаттле» именно с этой целью. А мы как бы будем «русским ответом» заокеанским субкосмонавтам. Развиваем идею и видим, как брови ведущего с каждым нашим словом лезут на лоб все выше и выше. Помолчал, оглянулся на режиссера передачи. И так доверительно: сам-то я не против секса, но вы поймите, что у передачи есть еще режиссеры, редактор, останкинское руководство и вообще, гм-гм... Да, оказывается, эти ребята, ведущие, только с виду такие развязные.

26 декабря. Сегодня вечером отходим из Копенгагена. Сидим с женой в музыкальном салоне за фужером сухого вина. У нас праздник — вчера выиграли в «Поле чудес» (без телефонных мок) четыреста чеков бывшего Банка внешнеэкономической деятельности бывшего СССР. Лет бы пяток назад такое «березкино счастье». А теперь ими расплачиваются только на судне — в барах, сауне, парикмахерской, вывозить рубли в плавание запрещено.

Окна салона выходят на кормовую палубу, где расположен бассейн с холодной водой. Центнер ее стоит 120 долларов. Рядом с бассейном — дверь в сауну. Она распахивается, и оттуда с криком вываливаются почти совершенно голые четыре мальчика и две девочки. Персонал съемочной группы телезидения.

Похоже, они веселятся на славу сегодня — их работа закончилась. С уханьем и визгом хватают одного мальчика за руки и за ноги, раскачивают и швыряют в бассейн. Но до воды тот не долетает. Ее слишком мало. Чтобы не было травм и ушибов от случайных падений, бассейн накрыт рыбацкой сеткой, которую теплая компания не заметила. Парень повисает в ней, как в неводе.

Вообще сауна — дело хорошее. Можно запереться вдвоем, купив ее, если есть чеки. Она выручает всех супругов, плывущих в 4-местных каютах. У нас после выигрыша сразу попросили взаймы.

...Перед стойкой бара на высоком табурете в одиночестве сидит за рюмкой певец и композитор Игорь Николаев. Думает. Сочиняет. За его спиной в зале ближний столик оккупировали подвыпившие силачи, телохранители каких-то крупных бизнесменов, плывущих в круизе. Здоровяки пересчитывают доллары в пачках, похоже получили зарплату перед предстоящей швартовкой в Германии. Затем поднимают тост.

— А сейчас нам споет Игорь Николаев! И изобразит дельфина и русалку!

Пьяные слова попадают Игорю в спину. Он допивает коньяк, втягивает голову в плечи и молча, ни на кого не глядя, поднимается и уходит.

Жалко Игоря, но где-то вкрадывается мысль: что поешь, то и получаешь взамен от благодарных слушателей. Хамство публики — это ведь как раз то, как слово наше отзовется». Разве можно представить такое с Высоцким, Гребенщиковым, Окуджавой?..

Порт Любек, Германия. Стоим в самом центре старого города, столицы ганзейского союза. Таможни вообще никакой. Просто сходишь по трапу, документов никто не спрашивает — и ты в центре ФРГ. Иди, изъясняйся на английском. У выхода на корабле повесили здоровое объявление: объявляется конкурс. Супружеские пары должны подготовить сценку для новогоднего капустника, который, как и игра с барабаном, будет проходить в музыкальном салоне. Пара-победительница получает награду — автоматически становится участницей финала конкурса «Супруга-92» и плывет в новый круиз! Есть за что поработать мозгами.

Из-за этого я оставил жену одну и на целый день заперся в библиотеке. Написал пьесу «Белая борода краше черной» на три странички. Глобальная разработка метафоры «Поле чудес». Белая борода — Дед Мороз, Черная — Маркс Карабас. Новый Буратино читает вместо «крэкс, пэкс, фэкс!» заклинание: «Коль! Буш! Бейкер! Тэтчер! Миттеран!» — и ждет прорастания западных инвестиций на поле чудес.

31 декабря — 1 января. Центр Балтийского моря. Новый год. Масса шампанского и закусок. Выступаем со своим номером. Нам долго и громогласно аплодируют. Но что удивительно — кроме нас, никто ничего не подготовил. Купчишки в подпитии зашумели: плохая программа, жены отказались выходить в купальниках! Без мужей надо было брать, а лучше холостых, а еще лучше — разведенных! Скажите, сколько будет стоить пародия на стриптиз? Заплатим! Шумели они напрасно. Как слепые: вокруг столько было одиноких тоскующих дам в прозрачных валютных нарядах, более откровенных, чем купальники. Нет, чужих бриллиантов захотелось.

Жена радуется: хорошо, что выступили одни мы, значит, автоматически выигрываем конкурс мини-пьесок и плывем в следующий круиз. Наивный человек — оргкомитет как воды в рот набрал.

3 января. Рано утром проснулись от страшного скрежета. Идем по льду Финского залива, рискуем пропороть днище и утонуть. Плоды распада СССР. Еще в прошлом году «Супруга-90» возвращалась в более зимнестойкий Таллинн.

Перед завтраком бывалый моряк, член экипажа, спрашивает: знаете, что такое политический досмотр? Нет, говорим, а что это? Очень трогательное, на выборе мероприятие с пассажирами, которое еще совсем недавно проводила наша таможня. Им это для плана политагитации надо было, что ли. Я лет пять назад имел удовольствие. После всех мучений с рентгеном и ощупыванием выходит полковник. Важно и громко, с ударением на первом слоге объявляет: политический досмотр! И требует заново «открыть» чемодан. Это все уже перед заграждением, а там жена, дети полгода папу не видели. Выуживает полковник у них на глазах джинсы «Монтана». И рычит: задержать! Меня под руки — и в комнатку с вещами. Я говорю: в чем дело-то? А идеологическая диверсия! Естественно, я перестаю соображать. А суть-то в том, что на джинсовом лейбле рядом с надписью «Монтана» тиснут орел. Полковник собственноручно составляет протокол: пытался провезти в страну изображение царского орла. Я робко объясняю, что орел не царский, а американский. Один хрен, говорит, не серп и молот. Правда, протокол отложил. Но лейбл спороть заставил.

Да, с политикой еще недавно не шутили. Хорошо, пока мы плавали, власть еще на одно деление перешла от тоталитаризма к демократии. Теперь вот Горбачев ушел в отставку. Мы приплыли в Санкт-Петербург на второй день после либерализации цен.

Покидаем борт «Константина Симонова». Снова очередь в таможню на полдня. Наконец-то ставлю под рэнтгеновские лучи багаж. Таможенный чин подносит «миноискатель» к карманам куртки, хватает меня за ягодицы, проверяя задние карманы. Я оглядываюсь на жену. От пьянящего воздуха свободы ее глаза потемнели, как от боли. Боже, какой кошмар... Уводить Золушку с бала...

Первые слова таксиста: пятьдесят рублей километр! Соглашаюсь и понимаю, что чувствовали драпанувшие нищие белогвардейцы, когда приплыли в Париж. У моего бриллианта пересохло в горле. Но она даже боится спрашивать, почем же стала бутылка воды. С рублями у нас не густо — на обратный путь отложили только полкило.

Кадры Ирины ШИПОВСКОЙ

Что в имени твоем?..

Попытка социального прогноза с помощью топонимики

ТРИ КИЛОМЕТРА ехали по разбитой лесной дороге. Трудно поверить, но она вывела на райскую поляну. На бугре стояли три мощных дуба. Подрулили к ним, вышли из машины. «Здесь была усадьба панского лесника, — сказал Хозяин. — Здесь я поставлю свой коттедж. В три этажа. А там, в низинке, видишь, черемуха наплодилась. — там будет огород. Ты спросишь, зачем мне песчаный холм? Посажу сосну. Сосна на песке растет го-онкая! А поле — там, за березовой рощицей, с полкилометра отсюда. Оно, правда, заросло лозняком — ерунда, выкорчую, оно же когда-то родило... Чего ты улыбаешься? Не веришь?» «Верю! Искренне верю, — сказал я. — Верю, что наконец-то заговорят человеческим языком и этот бугорок, и эта низинка, и плешивый песчаный холм, и даже безродный лозняк. У меня есть тому верное доказательство».

...НЕСКОЛЬКО лет я собираю названия местности. Лесок, низинка, гора камень, дерево — ничего не было безымянного. В местной топонимике очень много персоналий. Если свести их в единый словарик — земля заговорит.

РЫГОРОВА ПОРУБКА. Места эти до 1939 года были под Польшей. В двадцатых годах молодой крестьянин-бедняк Рыгор дважды ездил в Америку на заработки. По деревне ходили (до сих пор ходят) упорные слухи, что привез мешок долларов. В двух километрах от Горска купил лес. Умный был мужик. Кусок своего леса начисто вырезал, продал, стал еще богаче. Причем на продажу выбрал лес в низинке, где земля была пожирнее. Рыгор был уверен, что эта земля будет кормить и его, и детей, и внуков. Так и было примерно двадцать лет, пока его землю не забрал колхоз. Под колхозом Рыгорово поле запустило, заросло сурепкой, а потом сосновым лесом, имя которого — Рыгорова порубка.

КАРГАНОВ ЛЕС. Цыганского вида мужик — Карган — купил корабельный лес в четырех километрах от Горска. Перенес туда свой дом. День и ночь был в седле, на коне — стерег свой лес. Когда колхоз на него посягал, Карган с вилами бросался на председателя. Но что он мог, поделать! Переехал вновь в деревню. Не знаю, радуется ли согбенный старик, что этот сосняк по-прежнему зовут его именем.

ЯНЕКОВО. Поляк Янек купил лес, вырубил, продал, сжег пни, вспахал, засеял. Был неженатый. Все время ходил с топориком. У своего поля построил шалаш. Там и жил, завшивевший. Хлеб продавал. Куда девал деньги, никто не знал. Посылал в Польшу родственникам? Вкладывал в банк? После Великой Отечественной Янек пошел в бульбаши. Энкаведисты подстерегли банду, когда она ночевала в шалаше Янека. Всех уничтожили на месте. Там и закопали. У своего поля он лежит, как в персональном мавзолее.

ЧУЖЕВЩИНА. Польское правительство жаловало горскую землю пану Чужевскому, отметив его заслуги на военном поприще. Здесь была панская усадьба: дом, присады, пруд. Нет теперь ничего, кроме имени: Чужевщина.

СЛЕЗИНСКАЯ ГОРА. Здесь жил пахал Слезинский. И фамилия печальна, и выжить на песке было до слез тяжело, и отдавать колхозу то, что полито потом и слезой, было невыносимо. Шумит об этом лес.

АГРЕГАТ. Забросив старопахотные земли, колхоз осушил огромное болото, засеял его культурной травой тимофеевкой. Прямо в поле построил мельницу для превращения травы в муку. Мельница работала лет десять, пока осушенный торфяник плодоносил. Затем тимофеевки не стало, потому что осушенный торфяник быстро сгорел под колхозом. Мельницу забросили. Над полем пыльная туча. Это зарождается первая европейская пустыня — Полесская Сахара. На холме красные развалины колхозной мельницы. Пейзаж почти египетский. Сие место имеет название: Агрегат.

ЭТО — ЕДИНСТВЕННОЕ современное название в местной топонимике. Старые имена исчезают, а новых люди не придумывают. Усыхает целая ветвь народного творчества. Немеет земля.

Анатолий КОЗЛОВИЧ,
соб. корр. «ЛГ»

МИНСК

"Книжная лавка "ЛГ"

Ваш профессиональный и жизненный опыт, Ваши знания и Ваши способности уникальны. Все они вместе - Ваш товар. Хотите его выгодно продать? Мы можем Вам помочь!

Заплатите всего 25 рублей за бесценное руководство, составленное по материалам США "Работа! Как её найти?" и Ваша мечта найти работу, которая максимально использует Ваши незаурядные возможности и способности, доставит Вам удовольствие и финансовый успех, даст ощущение полноты жизни, станет реальностью.

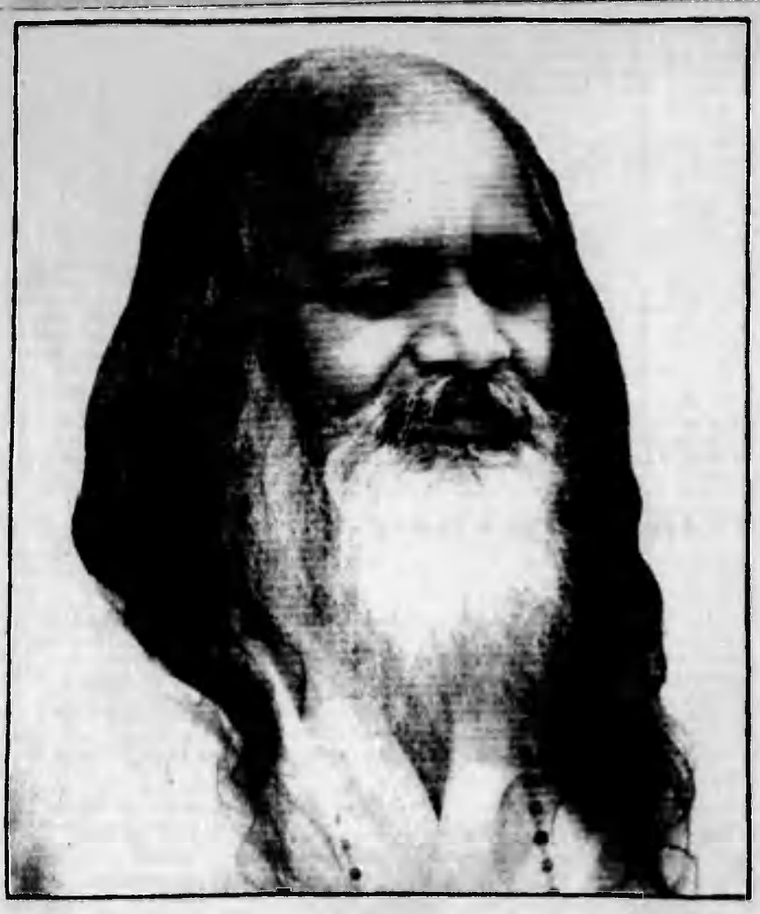
"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА" ПРЕДЛАГАЕТ:

— посетить "Книжную лавку "ЛГ". Только у нас Вы сможете приобрести книги со значительной скидкой от указанной цены как оптом так и в розницу:
— выслать книги Вам на дом. Заполните купон и отправьте по адресу: 103045 г.Москва, Костянский пер.,13 Отдел распространения.
Не забудьте вложить в конверт кроме купона платёжную квитанцию (или заверенную копию) о переводе указанной суммы на наш счёт: Сокольнический филиал Московского индустриального банка кор.счёт N 1467 609 МФО 201218.

Сегодня в продаже:
"Работа! Как её найти?"_____ 25 руб.

Справки по телефону: 208-8239, 304-3347

КУПОН
Ваш адрес:_____
Фамилия, имя, очество:_____



ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО
Махариши Махеш Йоги
Основатель
Трансцендентальной Медитации и программы ТМ-Сидхи; Международного Университета Махариши, США; Ведического Университета Махариши в Индии, России и Голландии; Ведической Науки и Техники Махариши.

Открытая Современной

КОНСТИТУЦИЯ

— Источник Порядка и ВЫЯВЛЕННАЯ ЧЕРЕЗ ВЕДИЧЕСКУЮ

Махариши приглашает все правительства согласовать администрацию правительств

В последних десятилетия современная наука систематически выявляла всё более глубокие уровни порядка в природе, от атомного до ядерного и субъядерного уровней функционирования природы. Это прогрессивное исследование достигло кульминационной точки в недавнем открытии единого поля всех законов природы — первичного источника порядка во вселенной.

Подобным образом, древняя Ведическая мудрость, которую постиг и переформулировал в нашем научном веке Его Святейшество Махариши Махеш Йоги в его Ведической Науке и Технике, определяет единый, универсальный источник всего порядка в природе и практическую, научно-обоснованную процедуру применения этого самого фундаментального и мощного уровня Закона Природы для блага всего человечества.

Как современное, так и древнее понимание находят единый источник совершенного порядка в природе в самовзаимодействующем поле разума, лежащего в основе всех законов природы. Это поле последовательно создаёт из самого себя все разнообразные законы природы, которые управляют жизнью на каждом уровне проявленной вселенной.

Самовзаимодействующая динамика этого единого поля представляет собой основной уровень динамики природы и управляется своим собственным набором фундаментальных законов. Точно так же, как конституция страны представляет собой самый фундаментальный уровень национального закона и основу всех законов, правящих страной, так и законы, которые правят самовзаимодействующей

«Мы теперь располагаем тем высшим знанием Закона Природы — научным знанием источника совершенного порядка в природе и методом его использования, — которое может дать совершенство любому человеку и любому правительству и которое может поднять жизнь на всей планете до уровня Рая на Земле.

Мы основываем Столицу Рая на Земле, откуда Конституция Правительства Вселенной — Закона Природы — будет оживляться в мировом сознании.

Это автоматически принесёт Поддержку Природы всей мировой семье и даст способность каждому правительству удовлетворять желания каждого человека и создать нации, свободные от проблем.

Таким образом, каждое правительство будет справедливо оценивать свою верховную власть, и вся мировая семья будет радоваться постоянному миру, счастью и процветанию —Раю на Земле.»

— Махариши

ВЕДИЧЕСКАЯ НАУКА МАХАРИШИ

Ахамкар	Буддхи	Манас	Акаш	Вайу	Агни	Джал	Притхиви
अ॒क्	नि	मीं	ळे	पु॒	रो	हिं	तं
АК	НИ	МИ	ЛЭ	ПУ	РО	ХИ	ТАМ
अ॒	मि॒ः	पू	वे	षि॒ः	अ॒	षिं	षि॒
अ	मि	नां	र॒	यि	मं	श्न	व॒
अ	मे॒	यं	व॒	ज्ञ	मं	ध्व॒	रं
अ॒	मिर्	हो	तां	क॒	वि	क्र॑	तुः
ड	व॒	ज्ञ	दा	शु॒	षे॒	तु	वं
ड	पं	त्वा	प्रे	दि॒	वे	दिं	वे॒
रा	ज्ञं	ना	म	ध्व॒	रा	ज्ञां	गो
ज्ञ	नः	षि॒	ते	वं	सू	न	वे

Точная последовательность звуков имеет большое значение; истинный смысл и содержание Вэд находятся не на уровне интеллектуальных значений, приписываемых Вэд в разных переводах, а в последовательном чередовании звука и тишины.

Полное знание Вэд, которое содержится в первой сукт (строфе), также находится в первой рича (куплете) — первых двадцати четырёх слогах первой сукт (строфы). И это полное знание, опять-таки, можно обнаружить в первой пад, или первых восьми слогах первой рича, и также в первом слоге Вэд, «АК», который содержит всю динамику сознания, познающего самоё себя.

Согласно Апаурушея Вхашья Махариши к Ṛк Вэд, «АК» описывает коллапс полноты сознания (А) внутри самого себя в своё собственное точечное значение (К). Этот коллапс, который представляет собой вечную динамику сознания, познающего самоё себя, происходит в восьми последовательных стадиях. На следующем этапе раскрытия Вэд эти восемь стадий коллапса по отдельности развиваются в восьми слогах первой пад, которая возникает из первого слога Ṛк Вэд, «АК», и даёт дальнейший комментарий к нему. Эти восемь слогов соответствуют восьми «пракрити» (Ахамкар, и т.д.), или восьми фундаментальным качествам разума, которые составляют разделённую природу чистого сознания.

Первая строка, или «рича» первой сукт, состоящая из 24 слогов, даёт дальнейший комментарий к первой пад (фразе из восьми слогов): восьмислоговая структура первой пад появляется здесь три раза. Первая

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Генератриса Суперструна D=10 $\Updownarrow \mathcal{L}_F^{(10)} =$

Гетеродная Суперструна D=4 $\Updownarrow \mathcal{L}_P^{(4)} =$

$$\begin{aligned}
&\tfrac{1}{\pi}(\psi^1_L\partial_+\psi^1_L + \psi^2_L\partial_+\psi^2_L + \psi^3_L\partial_+\psi^3_L + \psi^4_L\partial_+\psi^4_L + \psi^5_L\partial_+\psi^5_L + \psi^6_L\partial_+\psi^6_L + \psi^7_L\partial_+\psi^7_L + \psi^8_L\partial_+\psi^8_L)\\
&\tfrac{i}{\pi}(\bar\psi^1_L\partial_+\bar\psi^1_L + \bar\psi^2_L\partial_+\bar\psi^2_L + \chi^1_L\partial_+\chi^1_L + \chi^2_L\partial_+\chi^2_L + \chi^3_L\partial_+\chi^3_L + \chi^4_L\partial_+\chi^4_L + \chi^5_L\partial_+\chi^5_L + \chi^6_L\partial_+\chi^6_L\\
&+y^1_L\partial_+y^1_L + y^2_L\partial_+y^2_L + y^3_L\partial_+y^3_L + y^4_L\partial_+y^4_L + y^5_L\partial_+y^5_L + y^6_L\partial_+y^6_L + \omega^1_L\partial_+\omega^1_L + \omega^2_L\partial_+\omega^2_L\\
&+\omega^3_L\partial_+\omega^3_L + \omega^4_L\partial_+\omega^4_L + \omega^5_L\partial_+\omega^5_L + \omega^6_L\partial_+\omega^6_L + \bar y^1_R\partial_-\bar y^1_R + \bar y^2_R\partial_-\bar y^2_R + \bar y^3_R\partial_-\bar y^3_R + \bar y^4_R\partial_-\bar y^4_R\\
&+\bar y^5_R\partial_-\bar y^5_R + \bar y^6_R\partial_-\bar y^6_R + \bar\omega^1_R\partial_-\bar\omega^1_R + \bar\omega^2_R\partial_-\bar\omega^2_R + \bar\omega^3_R\partial_-\bar\omega^3_R + \bar\omega^4_R\partial_-\bar\omega^4_R + \bar\omega^5_R\partial_-\bar\omega^5_R + \bar\omega^6_R\partial_-\bar\omega^6_R\\
&+\psi^1_R\partial_-\psi^1_R + \psi^2_R\partial_-\psi^2_R + \psi^3_R\partial_-\psi^3_R + \psi^4_R\partial_-\psi^4_R + \psi^5_R\partial_-\psi^5_R + \eta^1_R\partial_-\eta^1_R + \eta^2_R\partial_-\eta^2_R + \eta^3_R\partial_-\eta^3_R\\
&+\bar\psi^1_R\partial_-\bar\psi^1_R + \bar\psi^2_R\partial_-\bar\psi^2_R + \bar\psi^3_R\partial_-\bar\psi^3_R + \bar\psi^4_R\partial_-\bar\psi^4_R + \bar\psi^5_R\partial_-\bar\psi^5_R + \bar\eta^1_R\partial_-\bar\eta^1_R + \bar\eta^2_R\partial_-\bar\eta^2_R + \bar\eta^3_R\partial_-\bar\eta^3_R\\
&+\phi^1_R\partial_-\phi^1_R + \phi^2_R\partial_-\phi^2_R + \phi^3_R\partial_-\phi^3_R + \phi^4_R\partial_-\phi^4_R + \phi^5_R\partial_-\phi^5_R + \phi^6_R\partial_-\phi^6_R + \phi^7_R\partial_-\phi^7_R + \phi^8_R\partial_-\phi^8_R\\
&+\bar\phi^1_R\partial_-\bar\phi^1_R + \bar\phi^2_R\partial_-\bar\phi^2_R + \bar\phi^3_R\partial_-\bar\phi^3_R + \bar\phi^4_R\partial_-\bar\phi^4_R + \bar\phi^5_R\partial_-\bar\phi^5_R + \bar\phi^6_R\partial_-\bar\phi^6_R + \bar\phi^7_R\partial_-\bar\phi^7_R + \bar\phi^8_R\partial_-\bar\phi^8_R)
\end{aligned}$$

Так же как и структуру Вэд, лагранжиан суперструны можно рассматривать на разных стадиях развития. Самое компактное выражение динамики струны предоставлено десятимерной формулировкой гетеродной струны ($\mathcal{L}^{(10)}$). Кроме чисто бозонных состояний, связанных с абстрактной областью пространства-времени, в котором движется струна, математика выявляет точно восемь фундаментальных фермионных степеней свободы, свойственных самой струне — единственное решение, позволяемое математической и квантово-механической логичностью теории.

Эти восемь фундаментальных состояний струны соответствуют, в Ведической терминологии, восьми пракрити — фундаментальным качествам единого поля сознания. Как и структура Вэд, эти восемь фундаментальных состояний допускают три интерпретации, соответствующих Риши (качеству наблюдателя), Дэвата (качеству динамизма) и Чхандас (наблюдаемому качеству), совместимые с квантово-механической структурой теории: (1) Каждое из вышеприведённых полей $\psi^{i=1...8}$ определяет особую перспективу в абстрактном Гильбертовом пространстве (Риши), т.е., их собственные векторы образуют базис в Гильбертовом пространстве, который можно использовать для расширения и объяснения любого другого состояния. (2) Каждое из полей $\psi^{i=1...8}$ является оператором (Дэвата), который рождает и уничтожает определённые состояния в Гильбертовом пространстве. (3) Каждый из символов $\psi^{i=1...8}$ также обозначает особую вибрационную моду, или состояние (Чхандас) в Гильбертовом пространстве, которое рождается и уничтожается его соответствующим оператором. Эти три интерпретации, предоставленные квантовым принципом, выявляют идентичную 3x8=24-кратную структуру, соответствующую первой рича (куплету) Ṛк Вэд.

Следующая стадия последовательного развития самовзаимодействующей динамики единого поля выявляется в свободнофермионной формулировке струны в четырёх измерениях ($\mathcal{L}^{(4)}$). В этом более выраженном формализме все бозонные степени свободы, связанные с первичной, абстрактной областью пространства-времени, фермионизируются, кроме двух движущихся направо и двух движущихся налево координат, необходимых для того, чтобы объяснить четырёхмерную структуру классической геометрии пространства-времени. Это даёт точно 64 фермионные степени свободы, свойственные самой струне [т.е., 20 левых «полей» ($\bar\psi^{1,2}$, χ^i, y^i, ω^i; i=1...6) и 44 правых «поля» ($\bar y^i$, $\bar\omega^i$, ψ^i, $\bar\psi^i$, η^k, $\bar\eta^k$, ϕ^m, $\bar\phi^m$; i=1...6, j=1...5, k=1...3, m=1...8) указанных выше]. Когда эти 64 струнных поля интерпретируются по отношению к Гильбертову пространству, к операторам и к состояниям, то это даёт 3x64=192 фундаментальные выражения Закона Природы на этом уровне описания Конституции Вселенной — в точном соотношении с первой сукт Ṛк Вэд.*

Это точное математическое соответствие между описаниями детальной структуры Закона Природы, предоставленного современной наукой и Ведической Наукой Махариши, на словесном уровне языка природы и на математическом уровне символов, даёт твёрдую уверенность, что знание

* Тот же самый математический порядок развития также выявляется на двух уровнях динамики природы: супергравитации N=1, и на едином электрослабом уровне.

Конституция Вселенной — это дар Махариши
Махариши всемирно отпраздновал Конституцию

Это празднование всемирно транслировалось по телевидению на всех континентах при помощи международной

Кроме этого, в Европе, Северной Африке и на Среднем Востоке телепередача транслировалась

и Древней Ведической Науками

ВСЕЛЕННОЙ

Гармонии, Выраженных во Всём Мироздании, —

НАУКУ МАХАРИШИ И ОБОСНОВАННАЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКОЙ

свои национальные конституции с Конституцией Вселенной и, таким образом, сделать такой же эффективной и успешной, как Правительство Природы.

динамикой единого поля, представляют собой самый фундаментальный уровень Закона Природы и основу всех известных законов природы. Следовательно, законы, правящие самовзаимодействующей динамикой единого поля, можно назвать Конституцией Вселенной — вечной, неизменяющейся основой Закона Природы и первичным источником порядка и гармонии, выраженных во всём мироздании.

Единые теории квантового поля современной физики выявляют точную математическую форму этих фундаментальных законов в лагранжиане суперструны и теориях супергравитации N=1. В Ведической Науке Махариши, те же самые основные законы — Конституция Вселенной — обнаруживаются в вечной, самосоотносящейся динамике сознания, познающего самоё себя. Эта вечная динамика воплощается в самой структуре звуков Рк Вэд, самого фундаментального аспекта Ведической литературы.

Эта таблица показывает, что два описания самовзаимодействующей динамики единого поля — Конституции Вселенной, — предоставленные современной наукой и Ведической Наукой Махариши, идентичны, и что эти две великие традиции знания, объективная и субъективная, современная и древняя, поддерживают друг друга и совместно предоставляют человечеству основное и своевременное знание Закона Природы. Это единственное знание, которое способно устранить все проблемы и повысить качество жизни в обществе до уровня Рая на Земле.

Сначала таблица показывает, с точки зрения Ведической Науки Махариши, самовзаимодействующую динамику единого поля — Конституцию Вселенной — в структуре Рк Вэд Самхита, как её выявил Махариши в его Апаурушея Бхашья к Вэд (комментарии Махариши к Рк Вэд).

Согласно Апаурушея Бхашья Махариши, структура Вэд даёт свой собственный комментарий — комментарий, который содержится в последовательном раскрытии самой Вэд в её разных стадиях выражения. Знание всей Вэд — всей динамики единого поля сознания и механики нарушения симметрии, через которую единое поле последовательно создаёт проявленную вселенную, — содержится в первой сукт Рк Вэд, которая представлена ниже:

Ахамкар	Буддхи	Манас	Акаш	Вайу	Агни	Джал	Притхиви
यु	ज्ञ	स्यं	दे	व	मृ	त्वि	जम्
ЙА	ГЬЯ	СЬЯ	ДЭ	ВА	МРИ	ТВИ	ДЖАМ
री	ड	यो	नू	तं	नै	रु	त
त्पो	र्वं	मे	व	दि	वे	दिं	वे
षि	क	तः	प	रि	भू	र	सिं
सु	त्यश्	षि	त्र	श्रं	व	स्त	यः
अ	मैं	पु	रं	क	रि	ष्य	सिं
दो	र्वां	व	स्तर्	षि	वा	वु	यम्
वा	मृ	तु	स्यु	वीं	दिं	वि	म्
अ	मैं	सू	पा	यु	नो	र्धं	व

Ахамкар	Буддхи	Манас	Акаш	Вайу	Агни	Джал	Притхиви
हो	तां	रं	र	त्नु	धा	तं	मम्
ХО	ТА	РАМ	РА	ТНА	ДХА	ТА	МАМ
स	दे	वाँ	ए	ह	वं	च	ति
षु	श	सँ	वी	र	वं	त	मम्
स	इ	दे	वे	षु	ग	च्छ	ति
दे	वी	दे	वे	षि	रा	वं	मत्
त	वेत्	तत्	सु	त्य	वं	ह्रि	रः
न	मो	भ	रं	न्त	ए	भं	सि
व	र्धं	वा	नु	सु	वे	द	मैं
व	चं	सु	भा	नः	स्व	स्त	वै

пад выражает восемь пракрити (фундаментальных качеств разума) по отношению к познающему, или к качеству чистого сознания, называемому «Риши». Вторая пад выражает восемь пракрити по отношению к процессу познания, или к качеству чистого сознания, называемому «Дэвата». Третья пад выражает восемь пракрити по отношению к объекту познания, или к качеству чистого сознания, называемому «Чхандас». Все вместе эти три пады составляют первую рича (куплет) Вэд, которая представляет собой ещё одну завершённую стадию в последовательном раскрытии знания, т.е., один полный вариант Конституции Вселенной.

Последующие восемь строк завершают остаток первой сукт и являются очередной стадией в последовательном раскрытии знания Вэд. Эти восемь строк состоят из 24 пад (фраз), содержащих 8 x 24 = 192 слога. Согласно Апаурушея Бхашья (комментарию к Рк Вэд) Махариши, эти 24 восьмислоговые пады раскрывают непроявленную восьмикратную структуру 24 промежутков между слогами первой рича (куплета). Каждая строка состоит из трёх пад, которые, как и в первой рича, представляют структуру самовзаимодействия по отношению к качествам чистого сознания, называемым, соответственно, «Риши» (качество наблюдателя), «Дэвата» (качество динамизма — процесс наблюдения) и «Чхандас» (наблюдаемое качество). В конце концов, в последующих стадиях раскрытия эти 192 слога первой сукт (строфы) развиваются в 192 суктах, которые составляют первую мандал (круговую циклическую вечную структуру) Рк Вэд, которая, в свою очередь, является источником остальной Вэд и всей Ведической литературы.

Эта совершенно упорядоченная, вечная структура знания — Вэд — тысячелетиями сохранялась в Ведической традиции Индии. В своей Ведической Науке и Технике Махариши Махеш Йоги восстановил и разъяснил в научных рамках полное знание Вэд и её глубокое значение для жизни.

Очень важной чертой нашего научного века является то, что это полное знание Закона Природы, предоставленное Ведической Наукой Махариши, сейчас открыто для научного подтверждения через единые теории квантового поля современной физики. Действительно, мы видим ниже, что точно такая же математическая структура последовательного раскрытия самовзаимодействующей динамики Закона Природы теперь доступна в математической структуре единого поля, выявленной в лагранжиане суперструны — самом полном математическом выражении детальной структуры и динамики единого поля:

$$\mathcal{L}_P^{(10)} = \frac{1}{\pi}(\psi_L^1\partial_+\psi_L^1 + \psi_L^2\partial_+\psi_L^2 + \psi_L^3\partial_+\psi_L^3 + \psi_L^4\partial_+\psi_L^4 + \psi_L^5\partial_+\psi_L^5 + \psi_L^6\partial_+\psi_L^6 + \psi_L^7\partial_+\psi_L^7 + \psi_L^8\partial_+\psi_L^8)$$

$$\begin{aligned}\mathcal{L}_F^{(4)} = \frac{1}{\pi}(&\bar\psi_L^1\partial_+\bar\psi_L^1 + \bar\psi_L^2\partial_+\bar\psi_L^2 + \chi_L^1\partial_+\chi_L^1 + \chi_L^2\partial_+\chi_L^2 + \chi_L^3\partial_+\chi_L^3 + \chi_L^4\partial_+\chi_L^4 + \chi_L^5\partial_+\chi_L^5 + \chi_L^6\partial_+\chi_L^6 \\ &+ y_L^1\partial_+y_L^1 + y_L^2\partial_+y_L^2 + y_L^3\partial_+y_L^3 + y_L^4\partial_+y_L^4 + y_L^5\partial_+y_L^5 + y_L^6\partial_+y_L^6 + \omega_L^1\partial_+\omega_L^1 + \omega_L^2\partial_+\omega_L^2 \\ &+ \omega_L^3\partial_+\omega_L^3 + \omega_L^4\partial_+\omega_L^4 + \omega_L^5\partial_+\omega_L^5 + \omega_L^6\partial_+\omega_L^6 + \bar y_R^1\partial_-\bar y_R^1 + \bar y_R^2\partial_-\bar y_R^2 + \bar y_R^3\partial_-\bar y_R^3 + \bar y_R^4\partial_-\bar y_R^4 \\ &+ \bar y_R^5\partial_-\bar y_R^5 + \bar y_R^6\partial_-\bar y_R^6 + \bar\omega_R^1\partial_-\bar\omega_R^1 + \bar\omega_R^2\partial_-\bar\omega_R^2 + \bar\omega_R^3\partial_-\bar\omega_R^3 + \bar\omega_R^4\partial_-\bar\omega_R^4 + \bar\omega_R^5\partial_-\bar\omega_R^5 + \bar\omega_R^6\partial_-\bar\omega_R^6 \\ &+ \psi_R^1\partial_-\psi_R^1 + \psi_R^2\partial_-\psi_R^2 + \psi_R^3\partial_-\psi_R^3 + \psi_R^4\partial_-\psi_R^4 + \psi_R^5\partial_-\psi_R^5 + \eta_R^1\partial_-\eta_R^1 + \eta_R^2\partial_-\eta_R^2 + \eta_R^3\partial_-\eta_R^3 \\ &+ \bar\psi_R^1\partial_-\bar\psi_R^1 + \bar\psi_R^2\partial_-\bar\psi_R^2 + \bar\psi_R^3\partial_-\bar\psi_R^3 + \bar\psi_R^4\partial_-\bar\psi_R^4 + \bar\psi_R^5\partial_-\bar\psi_R^5 + \bar\eta_R^1\partial_-\bar\eta_R^1 + \bar\eta_R^2\partial_-\bar\eta_R^2 + \bar\eta_R^3\partial_-\bar\eta_R^3 \\ &+ \phi_R^1\partial_-\phi_R^1 + \phi_R^2\partial_-\phi_R^2 + \phi_R^3\partial_-\phi_R^3 + \phi_R^4\partial_-\phi_R^4 + \phi_R^5\partial_-\phi_R^5 + \phi_R^6\partial_-\phi_R^6 + \phi_R^7\partial_-\phi_R^7 + \phi_R^8\partial_-\phi_R^8 \\ &+ \bar\phi_R^1\partial_-\bar\phi_R^1 + \bar\phi_R^2\partial_-\bar\phi_R^2 + \bar\phi_R^3\partial_-\bar\phi_R^3 + \bar\phi_R^4\partial_-\bar\phi_R^4 + \bar\phi_R^5\partial_-\bar\phi_R^5 + \bar\phi_R^6\partial_-\bar\phi_R^6 + \bar\phi_R^7\partial_-\bar\phi_R^7 + \bar\phi_R^8\partial_-\bar\phi_R^8)\end{aligned}$$

$$\mathcal{L}_P^{(10)} = \frac{1}{\pi}(\psi_L^1\partial_+\psi_L^1 + \psi_L^2\partial_+\psi_L^2 + \psi_L^3\partial_+\psi_L^3 + \psi_L^4\partial_+\psi_L^4 + \psi_L^5\partial_+\psi_L^5 + \psi_L^6\partial_+\psi_L^6 + \psi_L^7\partial_+\psi_L^7 + \psi_L^8\partial_+\psi_L^8)$$

$$\begin{aligned}\mathcal{L}_F^{(4)} = \frac{1}{\pi}(&\bar\psi_L^1\partial_+\bar\psi_L^1 + \bar\psi_L^2\partial_+\bar\psi_L^2 + \chi_L^1\partial_+\chi_L^1 + \chi_L^2\partial_+\chi_L^2 + \chi_L^3\partial_+\chi_L^3 + \chi_L^4\partial_+\chi_L^4 + \chi_L^5\partial_+\chi_L^5 + \chi_L^6\partial_+\chi_L^6 \\ &+ y_L^1\partial_+y_L^1 + y_L^2\partial_+y_L^2 + y_L^3\partial_+y_L^3 + y_L^4\partial_+y_L^4 + y_L^5\partial_+y_L^5 + y_L^6\partial_+y_L^6 + \omega_L^1\partial_+\omega_L^1 + \omega_L^2\partial_+\omega_L^2 \\ &+ \omega_L^3\partial_+\omega_L^3 + \omega_L^4\partial_+\omega_L^4 + \omega_L^5\partial_+\omega_L^5 + \omega_L^6\partial_+\omega_L^6 + \bar y_R^1\partial_-\bar y_R^1 + \bar y_R^2\partial_-\bar y_R^2 + \bar y_R^3\partial_-\bar y_R^3 + \bar y_R^4\partial_-\bar y_R^4 \\ &+ \bar y_R^5\partial_-\bar y_R^5 + \bar y_R^6\partial_-\bar y_R^6 + \bar\omega_R^1\partial_-\bar\omega_R^1 + \bar\omega_R^2\partial_-\bar\omega_R^2 + \bar\omega_R^3\partial_-\bar\omega_R^3 + \bar\omega_R^4\partial_-\bar\omega_R^4 + \bar\omega_R^5\partial_-\bar\omega_R^5 + \bar\omega_R^6\partial_-\bar\omega_R^6 \\ &+ \psi_R^1\partial_-\psi_R^1 + \psi_R^2\partial_-\psi_R^2 + \psi_R^3\partial_-\psi_R^3 + \psi_R^4\partial_-\psi_R^4 + \psi_R^5\partial_-\psi_R^5 + \eta_R^1\partial_-\eta_R^1 + \eta_R^2\partial_-\eta_R^2 + \eta_R^3\partial_-\eta_R^3 \\ &+ \bar\psi_R^1\partial_-\bar\psi_R^1 + \bar\psi_R^2\partial_-\bar\psi_R^2 + \bar\psi_R^3\partial_-\bar\psi_R^3 + \bar\psi_R^4\partial_-\bar\psi_R^4 + \bar\psi_R^5\partial_-\bar\psi_R^5 + \bar\eta_R^1\partial_-\bar\eta_R^1 + \bar\eta_R^2\partial_-\bar\eta_R^2 + \bar\eta_R^3\partial_-\bar\eta_R^3 \\ &+ \phi_R^1\partial_-\phi_R^1 + \phi_R^2\partial_-\phi_R^2 + \phi_R^3\partial_-\phi_R^3 + \phi_R^4\partial_-\phi_R^4 + \phi_R^5\partial_-\phi_R^5 + \phi_R^6\partial_-\phi_R^6 + \phi_R^7\partial_-\phi_R^7 + \phi_R^8\partial_-\phi_R^8 \\ &+ \bar\phi_R^1\partial_-\bar\phi_R^1 + \bar\phi_R^2\partial_-\bar\phi_R^2 + \bar\phi_R^3\partial_-\bar\phi_R^3 + \bar\phi_R^4\partial_-\bar\phi_R^4 + \bar\phi_R^5\partial_-\bar\phi_R^5 + \bar\phi_R^6\partial_-\bar\phi_R^6 + \bar\phi_R^7\partial_-\bar\phi_R^7 + \bar\phi_R^8\partial_-\bar\phi_R^8)\end{aligned}$$

самого фундаментального уровня Закона Природы, Конституции Вселенной, теперь полностью доступно всему человечеству.

К счастью, Ведическая Наука и Техника Махариши предоставляют не только детальное интеллектуальное понимание Конституции Вселенной (указанной выше), а также очень практическую, научно-обоснованную технологию для применения этого самого фундаментального и мощного уровня Закона Природы на благо всего человечества. Более 500 научных исследований, проведённых в более 200 университетах и научно-исследовательских институтах в 25 странах мира, подтвердили огромные практические благотворные воздействия этой простой техники — Трансцендентальной Медитации и программы ТМ-Сидхи Махариши — для того, чтобы получить доступ к Конституции Вселенной, и, таким образом, развить полный человеческий потенциал во всех аспектах ума, тела и поведения. Когда Конституция Вселенной, т.е. полный потенциал Закона Природы на уровне самосоотносящегося индивидуального разума, полностью оживляется вниманием сознательного ума при помощи Трансцендентальной Медитации и программы ТМ-Сидхи Махариши, т.е. прикладных технологий Ведической Науки Махариши, то человеческие мысли и действия спонтанно согласовываются с Законом Природы. Когда человек живёт в согласии со всеми законами природы, управляющими физиологическими, психологическими и социологическими процессами, то никакие проблемы в области здоровья и поведения не возникают. Человек получает поддержку всех законов природы для осуществления всех своих целей и желаний.

Самое важное применение Ведической Науки и Техники Махариши — это коллективная практика программы ТМ-Сидхи. Было научно продемонстрировано, что всего лишь 7,000 граждан, практикующих программу ТМ-Сидхи в группе, создают когерентность в коллективном сознании, устраняют коллективные стрессы и поднимают жизнь до уровня спонтанного согласия с Законом Природы.

Обширные научные исследования показали, что групповая практика Трансцендентальной Медитации и программы ТМ-Сидхи Махариши повышает положительные тенденции во всём обществе и понижает отрицательные тенденции, как, например, заболеваемость, преступность и другие виды антиобщественного поведения.

С этой научно-доказанной программой всё население страны теперь имеет возможность пользоваться полной поддержкой всех законов природы для осуществления всех своих целей и желаний.

Включая в национальную конституцию статью, которая гарантирует создание и содержание такой группы из 7,000 человек, обеспечивающей когерентность в коллективном сознании, национальный закон получит поддержку Закона Природы, и конституция страны, созданная человеком, будет в полном согласии с вечной Конституцией Вселенной.

За дальнейшей информацией о Конституции Вселенной, в её теоретическом и практическом аспектах, обращайтесь в Международный Университет Махариши в Фэйрфилде, Айова, США, или в Ведический Университет Махариши во Влодропе, Голландии; в Москве, или в Махариши Нагаре, УП, Индия.

Президент Международного Совета Ведических Университетов Махариши, Д-р Беван Моррис, в данный момент находится в странах Содружества Независимых Республик. Д-р Моррис уже открыл Ведический Университет Махариши в Москве 17 января 1992г. и в Набережных Челнах — 24 января 1992г. В Набережных Челнах Камский Автомобильный Завод будет строить студенческий городок для Ведического Университета Махариши, рассчитанный на 10,000 студентов, а также предоставит стипендии всем студентам и примет их на работу после выпуска. Курсы по Ведическому Менеджменту Махариши и по Конституции Вселенной начались в Москве 1 февраля и в Набережных Челнах — 15 февраля 1992г. Краткие и долговременные курсы по Ведическому Менеджменту Махариши и по Конституции Вселенной будут проводиться регулярно в обоих университетах. Эти курсы будут доступны для людей всех возрастов. Студенты, менеджеры и руководители всех областей общества, из всех стран нового Содружества Независимых Республик сердечно приглашаются принять участие в этих курсах, которые обучат принципам и программам идеальной, свободной от проблем администрации общества, использующей Закон Природы. Желающие записаться на курсы, пожалуйста, обращайтесь по адресу: Ведический Университет Махариши, 2ая Бауманская улица 9/23, ЦНИИчермет (станция метро Бауманская), 107005 Москва, тел.: 373-7296 или 344-3644; и Ведический Университет Махариши, 423810 Набережные Челны, А-Я 183, Россия, тел.: 843 9535285.

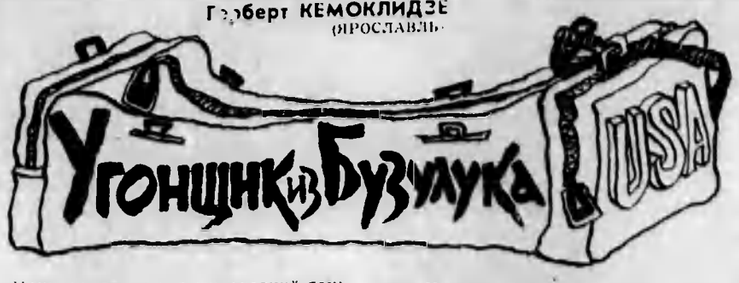
Вступительные Лекции по Трансцендентальной Медитации Махариши проводятся каждую пятницу в 19 часов по московскому адресу.

всему миру с 1991 года, Года Махариши Поддержки Правительства Природы.
Вселенной 12 января 1992 года, Года Махариши Конституции Вселенной.

системы спутниковой связи (INTELSAT): в регионе Атлантического Океана — по спутнику Major Path 1 (AOR MPI) и в регионе Индийского Океана — по спутнику Major Path (IOR MP). по каналам EUTELSAT ECS II, FII; в Северной Америке и Карибском регионе — по каналу GALAXY 6; в Южной Америке — по PANAMSAT PAS 1; в Азии — по ASIASAT 1.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ
(ЯРОСЛАВЛЬ)



Прихватило у меня в последний день командировки горло — рта не открыть. Ладно, не велика беда, в родном Бузулуке вылечусь: как-никак жена — врач. Купил у кооператоров пластмассовый термос в сумке с надписью «USA», залил в него горячего молока и поехал в аэропорт. Перед посадкой у меня ручную кладь проверили, термос в руках повертели, крышку отвинтили, молоко понюхали и на язык попробовали. Можете, говорят, брать с собой.

Взмыл наш самолет в небо, пассажиры устроились кому как удобно, стюардесса между рядами с подносом плывет. Подходит ко мне: «Не желаете ли?». А я ей показываю сумочку «USA», сминая ее так, чтобы было видно: мол, внутри термос, стало быть, я собственным питьем запасся.

И тут стюардесса с громким криком «Угонщик!», не выпуская из рук подноса с минералкой, кидается обратно к себе.

В самолете сразу оживление началось. Те, кто поближе, стали на меня с любопытством смотреть. Те, кто подальше, спрашивают у других, кто именно угонщик. Некоторые даже из другого салона примчались. Я хотел открыть сумку с надписью «USA», чтобы показать термос, но кооперативный замок заело.

— Не надо! — закричали сразу несколько пассажиров. — Мы вам и так верим!

И тут шикарная разрисованная девица в соседнем кресле — я и глянуть-то на нее не смел — вдруг закинула мне на коленку ногу и нежно проворковала:

— Вот кого я люблю — так это крутых мужиков. Ничего для такого не пожалею. Но чего нам в Америку пилить, а? Давай в Швецию махнем! Я там шведа богатого найду — сейчас модно выходить за шведов. И ты себе что надо подыщешь.

Тут другой пассажир, со значком «Заслуженный изобретатель» на пиджаке, возмутился:

— Да как же вам, девушка, не стыдно? Так себя нескромно вести на людях! Заберите свои ноги с его колен! Замуж ей захотелось за шведа! С такими ногами где угодно не пропадешь! Вы, товарищ угонщик, не слушайте эту путану. Судя по вашей сдержанности в разговоре, вы, похоже, технарь. Как и я. Так вот, в Лондоне сейчас на технарей ажиотажный спрос. Велите взять курс на Лондон!

Инженера старичок с орденской планкой отталкивает.

— Не слушай его! — взывает. — У меня жизненный опыт богаче, я войну прошел. Самый лучший город — это Вена! Я ее лично освобождал! Скомандуй экипажу, пусть в Вену летят, не пожалеешь! Считай, что я тебе первым заказ сделал — мне положено все без очереди как участнику.

Стройный человек, не выпускавший из рук скрипки, вмешался.

— Вена, конечно, восторг! Но с некоторых пор центр мировой музыкальной культуры переместился в Мадрид.

Впереди супружеская пара заспорила, где лучше — в Риме или Афинах. Чуть не до драки дошли. Парень в спортивных штанах с лампасами стал их успокаивать: мол, главное — границу пересечь. А я только мычу и по сумке своей похлопываю.

Тут вбегают в салон сразу трое из экипажа самолета.

— Вот он! — показывает на меня стюардесса. — В Америку требует лететь! Но ведь в Копенгагене лучше! Страна Андерсена! Там русалочка на камне сидит! Поддержите меня, штурман!

— Плевать на русалочку! — ответил штурман. — Мало кто где сидит! В Монте-Карло хочу. Руки чешутся какого-нибудь миллионера в казино нагреть.

А третий член экипажа вдруг властно так говорит:

— Слушать командира корабля! Раз уж нас угоняют, то летим в Париж! Жить в Париже — мечта всякого человека, праздник, который всегда с тобой. Тем более что до Америки у нас все равно керосину не хватит.

Тут инженер-рационализатор рванул у меня сумку с термосом, вознес ее над головой и прокричал:

— Лондон, и никаких гвоздей!

— Ах так? — угрожающе процедил командир. — Тогда сядем в Бугульме.

И, решительным шагом уйдя за занавеску, хлопнул где-то впереди дверью. А остальные два члена экипажа последовали за ним.

В салоне сразу тишина возникла. Девица ногу с моего колена сняла и отвернулась. Изобретатель на освободившуюся площадь сумку с термосом кинул и в свой салон испарился. Ветеран за газетой «Красная звезда» укрылся. Музыкант вместе со скрипкой исчез. Супружеская пара помирилась. Парень в штанах с лампасами стал изображать, что спит.

А я смотрю в иллюминатор: садимся мы в Бугульме, и со стороны аэровокзала бегут уже к самолету солдатики с короткоствольными автоматами.

Врываются они в самолет, выстраиваются в проходе, и главный группы захвата приказывает:

— Командира экипажа ко мне!

Командир, очень недовольный, выходит и на меня глазами показывает. Но главный наставляет на него автомат и говорит:

— Курс на Париж!

— Но, товарищ майор! — подает голос один из солдат. — Может, лучше в Хельсинки?

— А я говорю, Париж! — рявкнул майор.

— Так я ведь агитировал за Париж! — удовлетворенно говорит командир корабля и поворачивается, чтобы выполнить команду.

Тут я понял, что в Париже, быть может, насчет лечения горла и хорошо, но когда родная жена лечит — все равно надежнее. От этой мысли у меня сразу голос прорезался. Схватил я свою сумку с термосом и зычно скомандовал:

— В Бузулук, и никуда больше!

Пламенный вам привет из следственного бузулукского изолятора!

ФОТОКОММЕНТАТОРСКАЯ КАБИНА

СВИНСТВО, ДА НЕ ТОЛЬКО

Фото Бориса КРЕМЕРА.

Откровенно говоря, мы не предполагали, что обычные свинки на капоте (на фотографии в фотокомментаторской кабине в № 8 от 19 февраля с. г.) способны так возбудить творческую активность наших читателей. На нас буквально обрушился шквал импровизаций в письмах. У некоторой части администрации «Клуба ДС» создалось даже впечатление, что многие только и ждали этого «свинского» повода, чтобы художественно выразиться в четырех строках по проблемам переходного периода от развитого социализма к недоразвитому рынку.

Конечно, больше всего было сказано о еде, о хрене, о деньгах и о политике, не исключая конкретных лиц.

Самым распространенным сочетанием было «хрена» с «ни хрена». Вот, например, одно из характерных:

Эти бравые ребята
Неприступны, как стена.
На хрена мне поросята,
Если денег ни хрена?
(ЛОНДОН Б. Н., Москва).

Некоторые наши фотокомментаторы, надеясь на переход количества в качество, прислали более десятка вариантов. А рекордное количество — 38 — прислано В. Меркуловым (Москва). У геолога из Ташкента Л. Гельмана именно на десятом варианте прорезалось:

Жизнь ушла с последним визгом —
Зачеркнула смерти дата.
Крах надежды — коммунизма
Не увидят поросята.

Очень живототрепещущими нам показались следующие варианты:

И товар, и бизнесмены
Наши радуют сердца
Совершенно суверенным
Выражением лица.
(АЗАРХ Л. С., Москва).

До чего жаркие демократы
Подфартило поросятам:
И в цене их выставляют,
И стихи про них слагают.
(ЛЕБЕДЕВ В. М., адвокат, с. Одесское Омской обл.)

Мы рождены,
чтоб сказку сделать былью,
И вот очередной развеян миф.
Свой вклад внести
в проблему изобилья
К нам прибыли
Наф-Наф, Нуф-Нуф, Ниф-Ниф.
(КОТИКОВ Г., Люберцы)

Глубокий анализ нашего базара всего в четырех строках мы неожиданно получили из Америки:

Народ накормить нет скотины,
Страна под ударом голода.
Но почему-то на госмашинах
Разъезжают свиные головы.

Оказалось, что у нас есть постоянные русскоязычные читатели в США. В данном случае им оказался бывший ленинградский актер, режиссер и писатель Донат Мечик, отец очень любимого теперь (после смерти) в России прекрасного прозаика Сергея Довлатова (кстати говоря, тоже немножко автора «Клуба ДС»).

В результате долгих дебатов лучшим в конце концов мы единодушно признали четверостишие московского поэта и инженера В. ГОРШКОВА, удачно объединившего в своем опусе свиней и людей с нашей жизнью:

Быть может, мы имели бы медали
Заслуженных свиней своей страны!..
О люди! Вы нам вырасти не дали!
И это — свинство с вашей стороны.

Горячо благодарим всех принявших и не принявших участие и в целях дальнейшей активизации предлагаем новое задание.

Придумайте четыре стихотворные строки по поводу нового экспоната в нашей фотокомментаторской кабине. Не забывайте делать пометку на открытке или письме «Фотокомментаторская кабина». Срок отправки — не позже 1 мая.

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

ПАРАДОКСЫ

Парадоксов в наше время много, но один из самых парадоксальных в том, что чем тяжелее на душе и глуше в кошельке, тем почему-то чаще и звонче звучит смех.

Издаются новые юмористические газеты и журналы («Балда», «Магазин», «Чудила», «Постскриптум», «Блин», «Чертова дюжина» и др.), проводятся соответствующие вечера (в последнее время самые значительные — М. Задорнова в ЦДЛ, Л. Либединской и З. Паперного в воскресающем Доме актера, вечера юмора А. Яхонтова и В. Ванневского в Болгарском культурно-информационном центре), возникают язвительно-веселые телепрограммы и, наконец, издаются книги авторов изящного цеха.

О двух таких книгах не могу молчать. Их передал администрации «Клуба ДС» (сем давно не заходит!) наш давнишний друг — Михаил Задорнов. Его мы знаем сто лет: от Мишки до Михаила Николаевича, от робкого начинающего, у которого администратор В. Резников «бодал» все рассказы и который напрашивался на наши выступления, до мэтра, у которого администрация не всегда успешно выпрашивает хоть что-нибудь и который собирает многотысячные аудитории одной левой ногой.

Кстати, о ноге. Писатель-сатирик, способный на сцене изобразить гиббона смешнее, чем сам гиббон мог бы изобразить самого себя, способный сотворить «шпагат» или сделать «стойку» на кистях» (показано по телевизору!), даже только в силу этих достоинств вызывает испепеляющие уважение и восхищение. Самому М. Жванецкому изобразить такое не под силу (разве что в части гиббона). Но когда писатель еще и делает книги, которые трудно «оторвать» и от которых трудно «оторваться» — в таком писателе нужно не писать, а живописать, причем исключительно кистью Айвазовского.

Вышеперечисленные книги называются «Не понимаю!» и «Возвращение». Путевые заметки, якобы об Америке. Вот именно якобы.

Содержание не пересказываю, но читается взахлеб. От названия до выходных данных. Например, в последних («Не понимаю!») указано, что к появлению книги причастны многоотраслевая фирма «Кондор» (Рига), издательство «Полина» (Вильнюс) и типография издательства Татарского рескома КПСС (Казань)! Не понимаю! Впрочем, может, это содружество в действии?

Мишу Николаевича поздравляем с очередным успехом, напоминаем, что часть содержания его книг впервые увидела свет у нас, и приглашаем принести (или передать, ладно уж!) что-нибудь еще.

Режим максимального благоприятствования обеспечим.

П. ХМАРА,
администратор «Клуба ДС»

РОГА И КОПЫТА

● **ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПРИКАЗОВ ПО КГБ**

В связи с отсутствием мебели отменить повсеместно пароль «У вас продается славянский шкаф?».

● **ИЗ ЗАМЕТОК ТОПОНИМА**

Именем Ленина улицы названы после его смерти, Сталина — при жизни, а Бейкер-стрит появилась еще до рождения госсекретаря США.

● **ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ АНТИКВАРА**

В России от революции осталось одно зеркало — Л. Толстой.

Олег ПОПОВ,
Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ

ФРАЗЫ

● Не человек должен быть хозяином земли, а хозяин земли должен быть человеком.

● Берегите звезды: на них еще строить и строить.

Борис ЗАМЯТИН

● Демократия — это когда нашим парком управляют наши люди.

● Чтобы скрыть собственную глупость, надо извратить сферу ее действия.

В. ЛОМАНЫЙ
Санкт-Петербург

Владимир ОРЛОВ

Генеральному прокурору России Степанкову

Не надо требовать ответа,
Платить ударом за удар:
Пора помиловать поэта!
И пусть живет. На гонорар.

Юрий ДРУЖНИКОВ
(ДЭВИС, КАЛИФОРНИЯ)

Пародия на авангардную прозу

Дорорая Людмила пишет вам догадались нет солдат сверхсрочник энской пограничной заставы которая видна на бугре поселка Планерское Аким Поворот. Не улыбайтесь такое мое фамилие на блюдал вас в бинокль, а потом визуально через посредство личных дозорных глаз на пляже залива Коктебель тихая бухта Черного моря в свободное от вахты дежурства время и нет тренировочных занятий платья похищенные на пляжах ЮБК*.

Вы конечно извиняйте, что пишу употребляя не все препинания которые для вас как возможно законченной высшим образованием требуются на лицо особенно запятые. Это не от того что я неграмотный а так как наоборот у командира заставы старшего лейтенанта Каракулько Н. В. на столе который отлучился с девушкой на предмет распития вина «Совиньон» в кусты имеется пишущая машинка а запятая на ей только одна. Поэтому сразу сообщаю что могу по граматике в которой во мне сомневаетесь поставить запятых ..... а вы пожалста употребляйте их по вашей естественной надобности.

Людмила Люда! Надеюсь что вы меня обратили вашим вниманием но я честно сказать не красная после краткой беседы на международную тему которую газеты пишут и Агрессия на ближнем востоке на которую, вы мне не реагировали и тонкой черной бровью не повели после чего я не мог спать и вращался вокруг своей оси в казарме всю ночь из-за внутреннего ранения в результате глазного излучения сильнее. Чернобыли поразившего меня вашего внешнего вида в черном купальнике с круглым вырезом между верхом и низом с иностранных мод а также линия твоих ног как с журнала «Советский экран».

Если же вы Людмила про меня подзабыли то напоминаю что я еще объяснял вам почему левый сапог мой оказался нечищеным так как наблюдая тебя в бинокль я спешил чтобы вы не ушли с пляжа или мои товарищи пограничники на вахте по охране рубежей меня не опередили осуществить давно желаемое знакомство с такой девушкой женщиной законченного формирования и красоты формы как вы. Я чуток опоздал но спасибо твоей подруге сравнения с вами не покрывающей сообщила часть ваших анкетных данных чтобы я мог донести письмом желание укрепления первого знакомства хотя ты мне не реагировала а зря.

Здесь честно скажу что чувствую забытость давно не законченного образования и давно не ставил запятых поэтому их добавлю еще ..... для самостоятельной расстановки по местам пользования.

Люда хочу называть Людочка!! Вращаюсь ночью третий год включая год в Афганистане что фактически идет за три. Страдая от неполного счастья жизни на жесткой койке второго яруса в размышлении о гражданке и обзаведении какой никакой семьи и шире кроватью где не коротаешь одиночество для чего все есть. И руки умелые не боятся ни левой ни правой халтуры для приработка и навык купить продать достать есть и искусство советского кино уважаю хотя западное честнее сказать больше воздействует.

Прошу Людочка отвечать солдату хотите или нет встречаться распивать вино «Совиньон» которое продавщица рябая Манька солдатикам дает вне очереди. А когда иссякнет у Маньки то нам баба Луша угол Коммунистическая и Советская всегда стоговит из сахару 15 рублей бутыль и мути не видно. В кино по увольнению можно конечно тоже лучше на детский сеанс когда на вахте по охране рубежей а старший лейтенант Каракулько Н. В. дремлет, а враг все равно спит.

Ту вашу подругу если приходится брать с собой то сообщите заранее чтобы она непонапрасну проводила время. Я вылову друга собой комсомолец голубые глаза хотя хромает натертая нога но и она не королева. И также командир старший лейтенант Каракулько Н. В. всегда пойдет за бутылку от тети Луши навстречу солдату с увольнительной учитывая опыт сверхсрочной незаменимости службы и понимание остроты для солдата девушки как женщины.

Не бойтесь обмана крепкого мужского слова которое мама тебе возможно всегда запрещала, говорила не надо ходить с солдатами распивать «Совиньон» и в кино на последний ряд а тем более в кусты то я не такой. Все будет по чести исполнения солдатского долга по охране рубежей от гнусных замыслов Империалистических Агрессоров. А насчет кустов или искренности чувства возникшего через бинокль во время боевой вахты заметив вашу красоту то, повторяю за серьезность намерений не беспокойся.

Если что и утаю так про Афганистан как давал подписку о неразглашении ничего а то. Главное что остался живой и все при мне хотя утомленнесдвиг по фазе периодами в сторону мрачных мыслей и запятые средней школы отбило. Травкой больше не буду баловаться клянусь там ведь только со страха за жизнь дружественного народа Афганистана. Зато теперь на погранзаставе как курорт хотя за человека тебя не считают и голодаем с огородов колхозников ночью прикорм. А если Люда ребенок то даю слово солдатское и в церковь в белом платье пойдем под венец не смотря член в КПСС.

Убедительно прошу умоляю продолжить переписку и знакомство пора кончать печатать не могу за окном командир Каракулько Н. В. окончил распитие вина «Совиньон» и возвращается без девушки и без сапог из кустов которая убежала как не своя. Мне не миновать губы двое суток на хлебе и воде но за вас пострадать. Людмила приятно думать что за вас. И за ваши рыжие волосы отдуваемые ветром на небольшое пространство от лба а также за другое что было отчетливо видно в бинокль с которым солдат сверхсрочник Аким Поворот когда ты гордо выплываешь на пляж залива Коктебель и особенно в надетом черном купальнике на загорелое голое тело всегда на посту. Особенно надеюсь что ты не замужем а если уже развод был то не отчаивайся.

Надеюсь на твое получение через подругу моего искреннего письма полного стремлением встречаться-дружить для серьезного намерения а не сразу покупать вино «Совиньон» или самогон у бабы Луши для распития в кустах как все.

Остаюсь с надеждой на ожидание выходить на пляж залива Коктебель голубая бухта и в черном купальнике открытая для всех спина а особенно круглый вырез между верхом и низом, что захватывает дыхание на третьем году службы по охране рубежей нашей Родины.

Аким ПОВОРОТ

* Южный берег Крыма.

Общественный совет «ЛГ»:
С. С. АВЕРИНЦЕВ, Й. К. АВИЖЮС, Ч. Т. АЙТМАТОВ, С. С. АЛЕКСЕЕВ, Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Г. Я. БАКЛАНОВ, Л. Е. БЕЖИН, А. Г. БИТОВ, Ф. М. БУРЛАЦКИЙ, В. В. БЫКОВ, А. И. ВЕРТИНСКИЙ, А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, П. П. ГАЙДЕНКО, Р. Г. ГАМЗАТОВ, В. Л. ГИНЗБУРГ, Д. А. ГРАНИН, Т. ДЖУМАГЕЛЬДЫЕВ, И. П. ДРУЦЭ, Е. А. ЕВТУШЕНКО, А. В. ЖИГУЛИН, М. А. ЗАХАРОВ, Т. В. КАЛЛАС, М. С. КАРИМОВ (Мустай Карим), А. А. КИМ, Д. КУГУЛЬТИНОВ, Г. И. МАТЕВОСЯН, Б. А. МОЖАЕВ, Б. И. ОЛЕЙНИК, Б. Ш. ОКУДЖАВА, Я. Я. ПЕТЕРС, В. Ф. ПЕТРОВСКИЙ, В. А. ПЬЕЦУХ, Т. И. ПУЛАТОВ, В. С. РОЗОВ, Ю. С. РЫТХЭУ, А. Д. САЛЫНСКИЙ, Юсиф САМЕД-ОГЛУ, А. И. СТРЕЛЯНЫЙ, В. Е. СУББОТИН, О. О. СУЛЕЙМЕНОВ, А. Х. ХАКИМОВ, Л. ШЕРАЛИ, И. И. ШКЛЯРЕВСКИЙ, Н. П. ШМЕЛЕВ, Ю. Н. ЩЕРБАК.

Главный редактор А. УДАЛЬЦОВ
Редколлегия: В. БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. ГОРБУНОВ (ответственный редактор «ЛГ-Досье»), И. ЗОЛОТУССКИЙ и ИВАНОВ (ответственный секретарь), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Ю. КУЛИКОВ (зам. главного редактора), О. МОРОЗ, В. РАДЗИШЕВСКИЙ, Ю. СОЛОМОНОВ (зам. главного редактора), Ю. ЩЕКОЧИХИН.
М. ЛОГИНОВ, зам. главного редактора по экономическим вопросам,
В. ПЕРФИЛЬЕВ, коммерческий директор.

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ». Адрес редакции: Москва, Костянский переулок, 13. Для телеграмм: Москва К-54, Костянский пер., 13. Для писем: 103654 ГСП-3, Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 200-24-17. Отдел рекламы и коммерции: 208-95-46, 208-85-00, 208-98-36 (частные объявления). Редакция «ЛГ-Досье»: 208-82-42.

© «Литературная газета»
Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.

Типография ИПО писателей: 103662 Москва К-51, Цветной бульвар, 30
Номер подписан к печати 6.4.92.
Тираж 510 000 экз. Зак. 270 ИНДЕКС 50067